

✱ Борис Зайцев ✱ ПЕРВЫЙ ГОД ✱

Борис Зайцев

ПЕРВЫЙ ГОД

Москва
чужакам и врагам
городской власти
и государственных органов
за заслуги
в борьбе с
врагами
Родины

1945 г.

Ваш
—

Борис Зайцев

ПЕРВЫЙ ГОД

П О В Е С Т Ъ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1959

«Первый год» — первая книга молодого ростовского прозаика Бориса Игнатьевича Зайцева.

Родился он в 1921 году в Ростове-на-Дону в семье почтового служащего. Художественной литературой увлекался с детства, а семнадцатилетним юношей сам робко взялся за перо.

Школьный учитель литературы С. Е. Казаков, любитель и знаток художественного слова, давно присматривался к «безусому сочинителю», как он в шутку называл Бориса Зайцева, и незаметно втянул его в работу рукописного литературного журнала «Наше творчество».

Окончив школу в грозном 1941 году, комсомолец Зайцев стремился на фронт. Попытка попасть в действующую армию окончилась неудачей: у него была обнаружена болезнь глаз.

Однако Б. Зайцев нашел способ участвовать в борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Он пишет и печатает в газетах стихи, воспевающие подвиги героических защитников Родины на фронте и в тылу.

После окончания в 1946 году Ростовского государственного университета Б. Зайцев преподавал в средних школах хутора Павловка и города Новошахтинска Ростовской области литературу и русский язык. Этот период жизни автор и воспроизвел в повести «Первый год».

ГЛАВА 1

«Вот я и учителя! — думал Виктор, еще и еще раз перечитывая диплом. — «Логов Виктор Петрович... окончил полный курс историко-филологического факультета Р-ского государственного университета по специальности филология... и ему присвоена квалификация... преподавателя техникумов и средних школ». А ведь недурно, черт возьми! Где-то уже бегают мои ученики и не знают, что к ним едет новый учитель».

Логов стал перебирать бумаги, вложенные в документ, отыскал небольшую фотографию и долго смотрел на нее. На крошечном снимке, да еще при тусклом и неровном свете вагонного фонаря, трудно было что-нибудь различить. Но юноша ясно видел красивое лицо девушки, ее улыбку, лукавый огонек в глазах — видел даже то, чего не было на фотографии.

«Чудесная у тебя улыбка, Света! — мысленно обращался он к девушке. — Хорошо вот так, с улыбкой, пройти всю жизнь... Будущее в конце концов за нами. Теперь и я начну работать для него. Мы вместе. И оба — с детьми...»

Логов бережно положил диплом в карман пиджака, на всякий случай ощупал его сквозь материю и придвинулся к окну.

Все пространство позади было засеяно огнями. И Виктору показалось, что это невидимый великан разметал в степи огромный костер. Теперь от него

остались одни головешки, ярко, но без искр и пламени догорающие на ветру.

Лицо юноши тронула легкая грусть; карие глаза смотрели печально сквозь толстые стекла очков; большие, но правильно очерченные губы сжались и чуть заметно вздрагивали. И как не взгрустнуть, когда ты впервые в жизни оторвался от всего родного, привычного и так нужного тебе!..

До начала занятий оставался еще целый месяц, но Логов решил ехать. В самом деле, диплом, направление на работу, подъемные — все было на руках. Теперь ли сидеть дома! В школе, наверное, уже собираются учителя, готовят планы, конспекты первых уроков, таблицы, приборы, карты — да мало ли у них работы! А с чем он, Виктор, придет в класс? И в какой класс? Ведь он пока учитель без учеников...

— Мама, завтра еду, — немного виновато, потому что своим решением он огорчал мать, и в то же время твердо сказал Виктор. — С людьми нужно познакомиться, квартиру найти. Пора уже мне...

Мать встревожилась, повздыхала, даже всплакнула втихомолку, но возражать не стала: «Неделей раньше, неделей позже это должно было случиться. Не для того науки прошел, чтоб сиднем сидеть». И вместо упреков и наставлений добрая женщина засуетилась на кухне: наготовила сыну домашних пирожных и пирожков, слоенок и ватрушек, котлет, паштета, икры — всего, чем любила побаловать свое когда-то большое, а теперь, после войны, немногочисленное семейство.

— Что ж, старуха, выходит, и последнего сына поставили на ноги, — с улыбкой проговорил отец. И трудно сказать, чего больше было в его улыбке: гордой радости или невольной грусти.

— Да, жизнь... А ты, Витька, поезжай! — Старик как-то странно кашлянул и отвернулся. — Нечего тут... Пиши только...

И вот Логов едет на работу. Городские огни еще некоторое время узкой полосой сияли на горизонте и скоро совсем растворились во тьме.

Виктор вздохнул и закрыл глаза. Но в мыслях его не было мрака. Он видел впереди новые яркие огни и спешил им навстречу.

«В школу! В школу! — думал молодой учитель. — Милая детвора, я отдам тебе все, что есть во мне самого лучшего! «Гореть в работе и зажигать других! — вспомнились ему слова секретаря университетского парткома на выпускном вечере. — Хоть середину и называли когда-то золотой, мы ее отвергаем. Быть передовым — вот наш лозунг!» Да, Василий Борисович умеет сказать. Эх, встретится ли мне еще такой человек? Конечно! И не один...»

Подняв глаза, Виктор заметил, что кусочек неба в окне побледнел и делался все светлее.

«Начинает светать. Впрочем, скоро четыре...» — Логов поднялся со скамьи, вышел в тамбур, где у открытых дверей уже стояло несколько человек.

Поезд круто повернул на восток и помчался прямо в зарю, которая с каждым километром разгоралась все ярче и шире. Но вот, когда восток раскалился докрасна, вдруг скрылось небо и кругом потемнело. Состав, запыхавшись от быстрого бега, нырнул в густую рощу, и громче прежнего засвистел пар, застучали колеса, как будто поезд силился поскорее вырваться на простор. Когда же глазам снова открылся горизонт, солнце уже сияло. И под ослепительным ливнем его лучей лежала без края богатырски широкогрудая земля.

Логов не отходил от дверей. Он всматривался в ясную даль, которая как будто вращалась навстречу движению: придорожный кустарник и расставленные вдоль насыпи столбы стремительно мчались назад, а синевато-черные терриконы в отдалении и насыпанные вокруг них постройки медленно двигались вперед. Там дымили трубы, паровозы тащили длинные составы с углем, по дорогам во всех направлениях сновали машины, шли люди. И все это проплывало мимо, туманилось и переваливало за горизонт, сменяясь новыми картинами.

Около восьми часов утра поезд остановился у небольшого деревянного вокзальчика с дощатым пер-

роном, на котором толпилось множество людей. Проводник громко выкрикнул название нужной Логову остановки. Виктор сбегал за вещами и вышел из вагона. Следуя за толпой приезжих, которая вся двинулась в одну сторону, он скоро выбрался на прямое асфальтированное шоссе.

Человеку, всю жизнь прожившему в большом городе, любопытно попасть в рабочий поселок. На окраинах он покажется вам деревней: белые мазанки, покрытые, правда, не соломой, а черепицей; за решетчатыми, до ряби в глазах, штакетными заборами — лохматые скирды, навоз и куриный помет; кое-где слышится мычание коровы, хрюканье свиньи, а то поднимется и пойдет гулять по дворам незнакомый горожанину горластый петушиный переклик. Но пройдите дальше, и вы заметите, что перед вами уже не село, а, скорее, небольшой город. Глиняных мазанок здесь не так много. Гораздо чаще встретишь одноэтажные бутовые дома на две квартиры, каких тысячами настроил Донбасс. Большинство улиц вымощено крупным камнем. Вдоль дорог тянутся столбы, и небо над головой все исчеркано проводами, как разлинованная вкось тетрадь. Если же миновать еще несколько кварталов, то можно увидеть и большие дома, и асфальт, и прекрасный парк, и магазины. Чем ближе к центру, тем определеннее выступает перед вашими глазами молодой промышленный город: на месте приземистой лачужки поднимается кирпичный гигант; широкоплечие столбы высоковольтной линии железным строем шагают по просторным улицам и уходят в степь; гладкое шоссе все дальше оттесняет ухабины, и по нему, обгоняя понурых волов, вдруг промчится сверкающая «Победа».

Все это было ново для Виктора. Он поминутно озирался по сторонам:

«Да, интересный, удивительный город! Но где же шахты и шахтеры? Где школа?»

Признаться, юноша почему-то представлял себе всех жителей этого городка обязательно шахтерами в черных от угля комбинезонах, с грязными лицами и электрическими фонариками на груди. Но теперь,

сколько Виктор ни присматривался к толпе, он не увидел в ней ни одного чумазого горняка.

У парка Логов решил отдохнуть и спросить, где находится школа. Парнишка, к которому он обратился, махнул рукой вдоль шоссе:

— Около Дворца культуры.

«Однако где этот Дворец культуры? — Виктор озадаченно подергал очки. — Спросить у этого старика...»

— Иди, сынок, до школы, дворец туточки рядом и будет, — отвечал дед.

«Вот загадка! — улыбнулся Логов. — Пойду по шоссе».

Наконец он увидел светлое двухэтажное здание, в котором сразу узнал школу.

ГЛАВА 2

Прежде чем переступить школьный порог, Виктор помедлил у входа. Радостное волнение, которое сопровождало молодого учителя во все время пути, теперь еще больше усилилось: он, по его собственному выражению, «стоял у дверей в будущее».

А это были самые обычные школьные двери, широкие и высокие, с двумя створками, выкрашенными свежей масляной краской. Но юноше они показались необыкновенными, и он робко взялся за ручку.

«Да что я, в самом деле, топчусь на месте!» — досадуя на себя, подумал Виктор, сильным толчком распахнул дверь и остановился в недоумении. Молодой учитель увидел совсем не то, чего ожидал. Школа, когда он войдет в нее, представлялась ему нарядной, праздничной, потому что сам Логов был в праздничном настроении. И вдруг недобеленный вестибюль, множество опрокинутых парт, которые на время ремонта вынесли из классов, деревянные козлы, облитые известью и краской, доски, ящики со стеклом, ведра, корыта и всевозможные банки; по зданию гулким эхом разносится стук молотка и визг циркулярной пилы.

Виктор зашагал по коридору. На первой же двери он увидел табличку «Учительская». В просторной комнате со светло-голубыми стенами, еще не везде просохшими после побелки, сидели две женщины и мужчина.

— Здравствуйте! — громко поздоровался Логов и сам почувствовал, что говорить следовало тише и спокойнее, что все это от смущения, которое он так не любил в себе, но часто не мог пересилить.

Женщины ответили ему, а старик с бритой головой только кивнул, не поднимая лица от газеты.

Из соседней комнаты, хотя дверь ее была наглухо закрыта, ясно слышался чей-то плотный раскатистый бас. Когда Виктор, не обращаясь ни к кому в отдельности, спросил, где можно найти директора, ему указали на эту дверь. Логов постучал, и тот же плотный бас ответил:

— Да!

Юноша, как был, запыленный, измятый, с чемоданом и кепкой в руках, вошел в кабинет. Навстречу Виктору встал из-за письменного стола очень высокий мужчина лет сорока и, положив телефонную трубку, вопросительно посмотрел на него. Потом на лице незнакомца наметилась улыбка, пропала и снова появилась, готовая исчезнуть (так улыбаются люди, когда они о чем-либо догадываются, не будучи уверены в своем предположении).

— Если не ошибаюсь, вы товарищ Логов, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал, наконец, высокий мужчина.

— Да-а... — удивленно протянул Виктор. — Я к вам по назначению.

— Знаю, знаю, — теперь уже решительно улыбнулся незнакомец. — Значит, приехали? Добро! Ну, здравствуйте, дорогой! Я директор школы, и зовут меня Иван Федорович Рудаков.

— Здравствуйте. Виктор Логов.

— А по батюшке?

Логов знал, что его непременно спросят об этом, но не сказал сразу: как всем очень молодым людям, которых прежде так величали только шутя, ему ка-

залось странным и смешным собственное имя-отчество.

— Виктор Петрович, — смутился юноша.

— Ну вот и добро, Виктор Петрович! Прошу садиться.

Есть люди, которые как-то сразу привлекают ваше внимание. Вы еще не успели сказать им двух слов, вы лишь случайно встретились глазами, а уже невольно чувствуете уважение к ним. И это первое впечатление редко обманывает вас. Иван Федорович относился к таким людям. Лицо директора, худощавое, с широкими скулами и подбородком, сначала могло показаться суровым. Но стоило только заглянуть в его светлые глаза, прищуренные добродушной умишкой, как это впечатление тотчас рассеивалось.

— Стало быть, начинаем педагогическую деятельность, — продолжал Иван Федорович, с задумчивой улыбкой поглядывая на Логова. — Очень хорошо! Славное время начинается для вас, Виктор Петрович! Вы, как говорится, выходите на жизненный путь. И какой путь! Школа!.. Вот где развернутся любые ваши таланты, сколько б их ни было у вас! — Директор явно волновался. Он закурил, как-то странно зажав папиросу в кулак, сел, потом снова встал и принялся ходить вдоль стола. — Виктор Петрович, вы не удивляйтесь, что я так горячо об этом... Да, молодости!.. А вы знаете, мой дорогой, что учителя не стареют?

Логов улыбнулся неопределенно.

— Не знаете? Учителя не стареют потому, что посвятили себя детству и юности. Они всегда молоды, как их ученики. Да, да! Когда-нибудь вы это поймете... Впрочем, что это я разговорился? Пойдемте ко мне: отдохнете с дороги, маленько подзакусите...

* * *

Директор жил при школе.

Просторная светлая квартира из трех комнат с кухней и ванной. Мебель самая разнообразная: в столовой — старинный ореховый буфет с тонкой

резьбой и рядом — новенький раздвижной стол под белой скатертью; в зале — большой книжный шкаф красного дерева и тут же сбоку — дешевенькая этажерка тоже с книгами. Всюду порядок и чистота.

Из кухни вышла к мужчинам хозяйка, маленькая, кругленькая женщина в голубом халате и яркой штапельной косынке.

— Танюша, знакомься: наш новый учитель литературы, Виктор Петрович Логов, — представил гостя Иван Федорович.

Жена директора с улыбкой протянула Виктору Петровичу свою крошечную ручку.

— Татьяна Ксенофонтьевна.

— У моей благоверной такое мудреное отчество, — пошутил Иван Федорович, — что я сам его никак не выучу наизусть. Называйте ее проще: Тата Саксофоновна.

— Вот я тебе! — пытаюсь нахмурить лоб, погрозила кулачком женщина. Но так как хмуриться ей было трудно (вместо бровей над ее глазами чуть виднелся белый пушок), то не вышло и сердитого выражения.

Это вызвало новые остроты директора:

— Тебе самой природой не дано сердиться.. Ну, ладно. Ты, милая, пока приготовь нам чего-нибудь закусить, а мы с Виктором Петровичем пойдем в наше чистилище.

Логов направился за Иваном Федоровичем в ванную.

Через некоторое время все трое сидели за столом.

Логов ел мало и молчал. Рудаков, напротив, не прожевав как следует один кусок, тянулся за другим, что, впрочем, не мешало ему говорить. Скоро Иван Федорович отодвинул тарелку.

— Вы, Виктор Петрович, совсем приехали или так, познакомиться? — спросил он, откидываясь на спинку стула.

— Совсем.

— Добро. Квартиры у вас, конечно, нет?

— Нет.

— Ну, с этим мы уладим: тут поблизости я держу хорошую комнатушку. Вы женаты?

— Нет.

— Так, может быть, вам квартиру с невестой подыскать или невесту с квартирой?

Оба они рассмеялись: директор басисто, с кашлем; Логов мелко и звонко.

Татьяна Ксенофонтьевна, которая успела принести из кухни большой арбуз, глядя на них, тоже улыбнулась:

— Мой-то благоверный не может на холостых смотреть спокойно. Он бы всех переженит.

— Что правда, то правда, — отвечал Иван Федорович. — Имеется такая слабость у твоего благоверного. Это, Виктор Петрович, моя вторая специальность. Так что опасайтесь.

Директор закурил. И снова он взял папиросу как-то странно, в кулак.

— Я даже на фронте сватом бывал.

«Так вот откуда у него эта привычка прятать папиросу, — догадался Логов, — с фронта! Ну да, чтоб огня не было видно».

— Эх, дела наши грешные! — вздохнул Иван Федорович. — Ну, ладно. Значит, вы, Виктор Петрович, будете работать с восьмыми классами. Их у нас шесть. Вы получите четыре. Это выходит шестнадцать часов в неделю. Нагрузка хорошая. Дальше. Начинать помаленьку готовиться к занятиям: проштудируйте программу (у завуча возьмете), план составляйте на полугодие. Сегодня уже поздно, а завтра — приходите часам к трем, — завтра я вас познакомлю с нашими, так сказать, лингвистами. У них узнаете, что и как делать. Штука не мудрая. С классным руководством решим так: возьмете восьмой «В». Группа вообще неплохая, но отдельные ребяташки... — директор выразительно закусил губу и покачал головой. — Как бы вам это сказать... в общем крепкие орешки. Я бы дал вам другой класс, полегче, однако Василий Борисович, ваш университетский парторг...

— А он вам писал? — удивился Виктор Петрович.

— Писал. — Рудаков с лукавой улыбкой погля-

дывал на учителя. — Потому-то я сразу и узнал вас.

— Значит, вы с ним знакомы?

— Знаком?! Чудак человек! — Иван Федорович добродушно рассмеялся. — С вашим Василием Борисовичем мы еще такими вот карапузами, — наклонившись, директор показал рукой, какими они были в те отдаленные времена, — вот такими малышами ленинские листовки клеили на заборах. Да-а, на наших глазах много воды утекло. Если все вспомнить да описать...

Рудаков не договорил и задумался. Виктор Петрович тоже не проронил ни слова, ожидая услышать повесть об одной из тех простых и вместе героических жизней, какие прожили многие наши отцы. Но Иван Федорович молчал.

Со школьного двора доносились в комнату детские крики, смех и глухой топот десятков ног. Логов поднял голову и увидел за окном просторную площадку, окруженную высокой решетчатой изгородью, за которой густо зеленели деревья и кусты. По площадке сгаями носились мальчишки. То там, то здесь взлетал к небу футбольный мяч и, на секунду остановившись в солнечной высоте, стремительно падал в самую гущу ребят.

— Вот они, наши герои, — проговорил, наконец, Иван Федорович. — Славный, но и беспокойный народец! — Директор встал, подошел к окну и некоторое время с улыбкой смотрел на учеников. — Вы заметили, Виктор Петрович, что среди ребят обязательно находится вожак, организатор? — Логов тоже подошел к окну. — И здесь вон тот рыжий, в сиреневой майке, Костя Скворцов, всеми верховодит. Ишь, ишь, что делает! И все за ним... Дети вообще легко поддаются влиянию, особенно сильных людей. Они, понимаете, всегда ищут себе, ну, руководителя, что ли, и до определенного возраста слепо подражают ему. Вот ваша задача, мой дорогой, в том и будет состоять, чтобы стать центром такого влияния, стать руководителем детей. Как этого добиться — вопрос большой и сложный. Но для начала могу вам сказать, что очень важно первое впечатление, какое

вы произведете на учащихся, первый урок. Нужно сразу, буквально с первых минут зарекомендовать себя полным хозяином класса. Вы ведете урок, и никто не смеет мешать вам! — Директор сказал это таким грозно рокочущим басом и так внушительно бухнул по подоконнику своим тяжелым мосластым кулаком, что Виктор Петрович вдруг почувствовал себя маленьким провинившимся мальчишкой, которого сейчас накажут. — А ведь найдутся сорванцы — и, заметьте, как раз такие вот, как этот Скворцов, вожаки, организаторы! — что начнут дебоширить, станут испытывать вас, на что вы годитесь. Их-то в первую очередь и старайтесь взять в руки: через них очень хорошо можно воздействовать на остальных ребят...

Старый и молодой педагоги не замечали, как летело время. Часы где-то за стеной пробили три, потом четыре и пять, но беседа их все продолжалась. Больше говорил директор, а Логов слушал и чувствовал себя счастливым: он яснее прежнего понял, что школа — это яркий и богатый мир, которому стоит посвятить жизнь.

ГЛАВА 3

Утром следующего дня Логов стучал в дверь небольшого одноэтажного дома, где ему предстояло поселиться. На стук никто не отзывался. Теряя терпение, Виктор Петрович бросил на каменные ступеньки чемодан и что было мочи забарабанил в доску. Дверь приоткрылась... в соседнем доме.

— Нету ее, — выглянув из щели, проговорила старуха в белой косынке.

— Нет? А здесь Карпова живет? — обратился к женщине Логов.

— Здеся, милоч, здеся, — отвечала старуха, показываясь уже до пояса. — Только ее дома нету. А ты кто будешь?

— Я учитель. Меня сюда на квартиру прислали.

— Учи-тель?! — уважительно протянула разго-

ворчивая бабка и совсем вышла из дверей. — Ну-ну. А я думаю, чего человек стучит.

— Не знаете, когда она вернется?

— Не знаю, милоч, не знаю. Надясь Митревна на базар собиралась. А вы погодите... Да вот, как-жись, и она, легка на помине.

Пожилая женщина в темном ситцевом платье действительно шла в их сторону и еще издали заговорила со старухой.

— Ну что, кума, пьянствовать будем? Дюже я охоча до выпивки, чтоб ее вовек не видать. Новоселье-то нужно справить, сосед? — поравнявшись со двором, обратилась она к Логову.

— Да оно бы нужно, только еще не заработал, — отвечал тот, улыбнувшись. Он понял, что о его приезде соседку кто-то предупредил.

— А нам что за дело, заработал чи не заработал! Нам на стол подавай, иначе и дружба врозь!

Митревна ввела учителя в его комнату, которая показалась Логову очень уютной, несмотря на то, что была совершенно пуста.

— Вот ваш кабинет. Садитесь на чем стоите. — Соседка улыбулась, показывая этим, что она шутит. — Обстановку надо заводить! А может, и жену сразу? Вы же, наверно, холостые?

— Холостой, — смущенно отвечал юноша, а сам подумал: «Почему это так интересуется всех? Забавно!..»

— Ну, так мы вас оженим. Тут кругом невесты, только объявились.

— Нет уж, подожду малость: сейчас некогда.

— Жениться им некогда! Ну, потешный, ей-богу! А вы промежду делом...

И, продолжая улыбаться, Митревна ушла к себе.

А в голове Виктора роились тревожные мысли: что ждет его в школе, какие там люди, как его встретят ребята и сможет ли вообще он, вчера учившийся сам, завтра учить других?

От этих мыслей на душе было как-то беспокойно, непривычно, неопределенно. Хотелось пораскинуть умом, во всем разобраться. Но нельзя было сразу во

всем разобраться и всему найти свое место, потому что и сам Логов еще не представлял себе ясно своего места.

— Можно к вам? — вдруг прервала мысли Виктора Петровича соседка.

— Да, да! Пожалуйста! — шагнул к двери учитель.

— Я тут вам столик хочу приспособить и скамейку. Давайте втащим.

— Да что вы! Зачем это? Не беспокойтесь.

— Какое там беспокойство! Возьмите, да и все.

Логов понял, что противиться искреннему участию доброй женщины, пожалуй, даже глупо, что отказ может ее обидеть, и сам внес небольшой стол, видно только что обтертый сырой тряпкой. Митревна покрыла его старенькой, но опрятной скатертью и, поправляя складки, проговорила:

— Ну, вот и сойдет попервах. А там разбогатеете — справите лучше. Койки вот у меня лишней нету, извиняйте.

— Благодарю вас, мамаша! Вы уж не беспокойтесь. Мне обещали в школе кое-какую мебель. Это пустяки.

— Конечно, должны подсобить, как вы приезжий. А как же! С миру по нитке — голому рубашка. Вы, ежели что нужно, так не стесняйтесь... Вас как звать-то?

— Виктор.

— Виктор?! — дрогнула бровями женщина и долго смотрела на учителя. Горькая складка прорезалась у ее губ, и тяжелый, годами наболевший вздох вырвался из груди. Вздох этот тронул учителя своей простой и безыскусственной скорбью, которой женщина не пыталась даже скрыть, да, видно, и не умела скрывать.

Не сказав больше ни слова, соседка медленно вышла из комнаты.

Виктор Петрович почувствовал — и не почувствовать этого было нельзя, — что он растревожил в чужой душе незаживающую глубокую рану, напомнив

женщине кого-то из близких, потерянных ею навсегда.

«Да-а... — вздохнул молодой учитель, закурил и стал быстро ходить по комнате. — Проклятые фашисты! Сколько горя всем принесли! Если б не война, и Леня с Жорой были живы».

И вспомнилось Виктору детство, когда его старики родители еще не были стариками, когда война была только увлекательной ребячьей игрой, когда... Но расскажем все по порядку.

ГЛАВА 4

Петр Сергеевич Логов, уроженец донской станицы, приехал в Р. после ранения на Закавказском фронте в 1921 году. Полтора месяца пролежал он в госпитале. Выздоровел, окреп, но в родную станицу больше не вернулся. Не к кому было и некуда: мать давно умерла, отца повесили каледины за то, что он сочувствовал ревкому, а курень сожгли. Петр Сергеевич так и осел в городе. Зная печное дело, он легко нашел работу: первым советским стройкам нужны были миллионы умелых рук.

В то время молодой красивый парень, отличный рассказчик и песенник, Петя Логов скоро стал душой бригады каменщиков. Бывало, не бросая мастерка, заведет он грустную казачью песню, негромко так, душевно — горланить он вообще не любил, — все притихнут и слушают. И тяжелые корыта с раствором кажутся легче, и кирпичи под песню ложатся веселей.

Многие девчата заглядывались на Петю. А молодой казак приметил одну — самую тихую и скромную девушку на стройке Полю Красных. Не похожа она была на остальных работниц: лицо чистое, светлое, нежные руки, темно-карие глаза с грустинкой, а губы строгие.

Хороша была Поля, да и Петя не плох. Полюбились они друг другу и недолгое время спустя сыграли

свадьбу. — Никогда Петя так хорошо не пел, как в тот счастливый вечер:

Лебедушку лебедь кличет:
«Полетим, полетим, лебедушка, с нами,
Да с нами, с белыми лебедями.
Как у нас озера глубоки,
Как у нас камыши высоки,
Как у нас вода ключевая,
Как у нас трава муравая!»

А когда невеста под гармонь танцевать пошла, гости да и сам жених еще больше подивились: не видали они такой красоты.

Поселились молодые у знакомых, что вместе с ними работали. Жили сначала не ахти как: кирпичи — вместо стульев, доски — вместо стола, а весело.

И не знала новая семья, что бригада о ней позаботилась. Пошли рабочие к начальству, рассказали. Так, мол, и так, поженились наши товарищи, а жить им негде. Дозвольте нам кой-какие отходы взять: доски-недомерки, обрубки всякие, битый кирпич и прочее. Мы на досуге дом будем строить молодым, стало быть. Ну, начальство не какие-нибудь «благородия», свой же, рабочий народ — разрешило. И через пять, не то шесть недель вырос на окраине города хороший особняк (сообща да в охотку любое дело спорится).

Логовы так и ахнули, когда товарищи привели их в новый дом. Поля на радостях заплакала, Петя тоже чуть слезы удержал: людская-то доброта в добром сердце всегда отзовется.

Славно зажили молодые на новоселье. Мебель Петя сам сделал, Поля вышила занавески, скатерти, коврики (она и на это дело мастерица была) — и стал их дом нарядным да уютным. Логов, бывало, придется по комнатам, посмотрит и скажет:

— Вот она какая, наша советская власть! Один раз я за нее воевал, сколько белопогонников сничтожил — и не упомяну... Поквитался с гадами за батю с лихвой. Не хочу того, а неравно ишо полезут, опять на фронт пойду. А зараз, любя моя, для родной власти работать будем да чадунюшек годовать...

Через год, и вправду, родились у них дети, сразу двое хороших ребят. Одного назвали Георгием, другого — Леонидом. Третий сын, Виктор, появился через пять лет. Старшие, как две капли воды, походили на отца, младший — на мать. Родители их не различали. Пасынков не было.

* * *

Виктор не только лицом, но и характером походил на мать. Бывало, старшие братья затеют веселую кутерьму, все в доме вверх дном поставят. А он сидит себе в уголке, строит из кубиков башни или книжку смотрит. Книжки он особенно любил, поминутно приставал к матери: почитай да почитай. Часами мог сидеть и слушать.

Когда Петр Сергеевич в первый раз повел Жору и Леню в школу, Витя молча вытряхнул из отцовской кожаной шапки спавшего в ней кота, сложил туда свои книжки и пошел следом, так что и мать не заметила. Отца с братьями он, конечно, не догнал и брел наугад по улице. Один прохожий, увидев трехлетнего «ученика», не обратил на него внимания, второй — только улыбнулся, третий — спросил:

— Мальчик, мальчик, ты куда идешь?

— В школу.

— А ты знаешь, что там спросят, как тебя зовут?

— Витя.

— И фамилию.

— Логов.

— И еще спросят, где ты живешь.

— Степная, трицать двацать.

— Тридцать два?

— Да.

— Ну, пойдем, я покажу тебе школу.

И догадливый прохожий отвел мальчика домой. Этот случай в семье Логовых и теперь помнят.

Учились Леня и Жора не то чтобы очень хорошо, но и не последними в классе считались. Уроки дома готовили вместе; за одним столом. Только, бывало,

сядут — и Витя тут как тут. Братья крючки выводят — и он выводит крючки; братья за букварь — и он за азбуку. Так незаметно и научился писать и читать (шести лет ему не было). С тех пор Виктор с книгами не расставался: хлебом не корми, а книжку купи.

И еще любил он отцовские сказки и песни слушать. А сказки у отца особенные: не было в них ни прекрасных царевен, ни страшных драконов, ни добрых волшебников, ни злых колдунов, о которых дети в книжках читали, а были отважные кавалеристы, краснозвездные бойцы, что прогнали со своей земли белых атаманов, и был добрый и мудрый дедушка Ильич...

Когда Вите настало время идти в школу, он знал наизусть десятка четыре стихотворений, бойко читал и решал задачи за первый класс. Его приняли сразу во второй.

* * *

В школе Витя еще больше пристрастился к чтению. Но теперь он ходил за книгами в детскую библиотеку и брал не все, что на глаза попадалось, а что советовала учительница. И мало было прочитать повесть или рассказ. В классе о каждой книге большой разговор шел, чтобы все ребята верно ее поняли.

Мальчику очень нравились рассказы о героях гражданской войны. Бывало, размечтавшись, он видел себя в атаке рядом с Чапаевым, Котовским или Буденным. И отец обязательно был где-то поблизости, восхищался его подвигами и гордился им.

Потом новые книги, новые писатели и герои стали его учителями. Солнечная поэзия Пушкина и широкая, как сама Русь, гоголевская проза; мятежные лермонтовские строки и гневная муза Некрасова; нержавеющая рабочая правда произведений Горького и закаленное, как сталь, слово Николая Островского — все это и многое другое было знакомо Виктору уже в пятнадцать лет. Книга стала для него чудесным живым родником, который одновременно и утолял и возбуждал его жажду.

В знании художественной литературы. Витя далеко перегнал старших братьев. Те больше увлекались техникой: чинили электрический утюг и чайник, после чего приходилось чинить счетчик; сделали радиоприемник, но никак не могли найти в эфире подходящей для него волны; наконец построили паровую машину и приладили ее к мясорубке. Однако мать не решилась воспользоваться их изобретением, и недаром: однажды машина взорвалась, окатив своих создателей кипятком.

Братья-близнецы после семи классов поступили в Р-ский автодорожный техникум и окончили его в грозном сорок первом году.

* * *

Петр Сергеевич сдержал слово, данное много лет назад: в первый же месяц войны он пошел на передовую добровольцем.

Леня с Жорой попали в танковое училище и через год в составе одного экипажа тоже отправились на фронт.

Витя остался с матерью.

Мальчик завидовал старшим братьям и отцу.

— Мама, — спросил он однажды, — почему ребят не пускают на войну?

— Воюют большие и сильные, — сказала мать, — а детям учиться надо.

— А Гаврош? Ты же сама мне читала. И Павка Корчагин воевал, и Брузжак...

Женщина не знала, что ответить, потом проговорила тревожно и строго:

— Не вздумай бежать! Слышишь? За нас трое воюют. Если и ты уйдешь... я умру.

Промолчал мальчик, нахохлился.

С фронта шли печальные вести. Виктор забросил учебники, читал только газеты, слушал по радио сводки Информбюро и все думал и думал о том страшном, безумном, нечеловеческом, что называют войной.

Однажды в сознании мальчика возникли слова:

«За что они убивают людей? Ведь мы же не злые. Мы не трогали их...»

В этих словах было что-то новое, необычное. Мальчику захотелось их записать, просто чтобы не забыть. Под руку попался узкий листок из блокнота, так что каждое предложение укладывалось в одну строку:

За что они убивают людей?
Ведь мы же не злые,
Мы не трогали их...

«Стишки получились! — удивился Виктор. — Здорово! Только нескладно. Вот бы научиться как Пушкин!..»

С тех пор мальчик стал увлекаться поэзией. Теперь он брал в библиотеке только стихи. А однажды у него появилось желание «самому придумать что-нибудь складное»: Целый день просидел он за столом и написал четыре строчки:

Мой отец и братья — все на войне,
А я дома с матерью остался.
На фронт хочется и мне,
Я бы тоже с фашистами сражался.

— Войне — мне, остался — сражался — все складно! — торжествовал Виктор, и незнакомая до того радость поднималась в его душе.

И вдруг письмо: отец тяжело ранен. А через неделю — новое, еще более страшное горе: в бою под Москвой погибли братья-близнецы. Вместе родились они, вместе жили и вместе умерли за Родину. И теперь они лежат рядом, не разлученные даже смертью, лежат в той священной земле, которую сумели защитить: враги не прошли дальше их могилы.

ГЛАВА 5

Прогудел гудок. Мощный и упругий рев, раздававшийся совсем близко, как будто встряхнул Виктора Петровича. Глазами только что проснувшегося человека он посмотрел на стол, на солнечное окно,

у которого стоял, и, наконец, вспомнил, где находится. И лишь теперь Логов почувствовал на языке неприятную горечь: оказалось, что он еще держит в зубах давно потухшую и размокшую папиросу.

Выбросив окурок, учитель посмотрел на часы. Было двенадцать. Он вышел к соседке, спросил:

— Это на шахте гудело?

— Ага, на шахте, — отвечала Митревна. — Двенадцать, смена как раз.

— А далеко отсюда до шахты?

— Да нет, тута под боком, только за деревьями не видать. Вот как пойдете по нашему переулку, так сразу вправо и повертайте.

Виктор Петрович вышел на улицу и через несколько минут стоял у подножья огромной каменной горы — террикона, которая возвышалась надо всем, что окружало ее. Гора во многих местах дымилась, как вулкан, и над нею висело синеватое облако. По скату горы ползли наверх вагонетки и, достигнув вершины, с грохотом опрокидывались. Куски пустой породы, увлекая друг друга, тулким обвалом срывались вниз; дым, смешанный с угольной пылью, густел, и это было похоже на извержение.

Рядом с терриконом, чуть ниже его, чернел металлическими конструкциями стройный копер с красной звездой и флагом. В стороне, поднятая на бетонные столбы, тянулась серая без окон постройка; от нее наклонно вниз шла прямоугольная широкая труба. Слева виднелись еще какие-то сооружения с двойными низкими, но толстыми трубами; четырехугольная каменная башня; длинная узкая платформа на железных балках и множество других построек, самых разнобразных по форме и величине.

И весь этот гигантский организм дышал полной и деятельной жизнью. Вместе с углем шахта выбрасывала на поверхность тяжелый грохот, лязг, шипение пара, в которые вливались паровозные свистки, скрип вагонеток, стук бесчисленных колес.

Людей не было видно, но всюду — в каждом сгибе сложнейших конструкций, в каждом движении стальных богатырей — всюду жила и повелевала

всесильная человеческая мысль. Где-то в кабинках легко и уверенно бегают по распределительному щиту, быть может, нежные девичьи руки, а могучие машины, сдвигающие горы, безотказно повинуются им.

Логов стоял как зачарованный. Но он знал, что видит лишь внешнюю, малую часть колоссального сооружения, что главное находится под землей, где вгрызаются в пласты «черного золота» мощные челюсти угольных комбайнов и врубовых машин.

Направляясь к школе, Виктор Петрович еще не раз остановился и оглянулся на шахту.

ГЛАВА 6

В учительской, когда Логов заглянул в нее, никого не было, и Виктор Петрович решил осмотреть школу.

Лестница, ведущая на второй этаж, уже отремонтированный, была тщательно вымыта. Логов отряхнул с ботинок опилки и быстро взбежал наверх.

Перед ним открылся просторный светлый коридор: зеркальный блеск масляных панелей, ровная белизна стен и потолка, справа — широкие ясные окна, слева — классы, классы, классы.

Виктор Петрович медленно двинулся по коридору и открыл первую дверь. Здесь было еще светлее от солнца. Доска и парты сияли свежим, нетронутым лаком.

«Замечательно! — Логов сел за учительский стол. — Дети еще отдыхают, веселятся, а здесь уже все готово... Пусто и тихо. Даже странно как-то для школы. Правда, еще месяц впереди. Потом мы встретимся, и, может быть, в этом классе. Интересно...»

— Здравствуйте! — вдруг услышал Виктор Петрович, когда он вернулся в коридор: три мальчика в замасленных куртках перегнали его.

Логов удивился: «Откуда они? Я думал встретиться с ними через месяц, а они сегодня».

Учитель последовал за ребятами к двери с таб-

личкой : «Кабинет физики». Там слышались голоса, стук, приглушенные звуки радио. Виктор Петрович вошел. Учащиеся вежливо встали, отвечая на его приветствие, и снова принялись каждый за свое дело.

Кабинет имел рабочий вид: на одном столе были разложены катушки, обвитые проводами, стеклянные и металлические лампы, конденсаторы, клеммы и другие детали радиоприемника; на втором столе ремонтировали модель паровой машины; на третьем — перематывали реостат.

Логов хотел поговорить с мальчиками, но так ничего и не сказал, решив, что не стоит отвлекать их от работы.

В биологическом кабинете Виктор Петрович тоже застал детей, которые вместе с учительницей составляли новый гербарий.

Когда же он взглянул через окно на школьный двор, то увидел еще более интересную картину: на продолговатом участке земли, изрытом грядками, лунками, канавками и обсаженном деревьями, копошилось множество ребят. Они осторожно срезали колосья ветвистой пшеницы, орошали рис, заботливо подвязывали к шестам молодые пальмы и тонкие лимонные деревья. «Гектарами чудес» называют в школах такие участки. На тесном клочке земли дети сдружили южный виноград с растущей на севере малиной; нежную украинскую вербу — с колючей сибирской сосной; цитрус, налитый тропическим солнцем, — с бледным шампиньоном, видевшим сияние заполярных ночей.

Логов отошел от окна и осмотрел остальные классы.

«Очень хорошая школа, — заключил он. — И здесь я буду работать!»

Не возвращаясь назад, Виктор Петрович спустился вниз другой лестницей. На первом этаже он заглянул в столярную мастерскую, где оглушительно звенела циркулярная пила, но войти не смог: рабочие выносили из дверей свежие, пахнущие горячей древесинной доски.

Подходя к учительской, Логов еще издали услышал голос директора:

«Мощный бас! Интересно, он поет? Вот бы послушать!» — с улыбкой подумал учитель и отворил дверь.

— А, Виктор Петрович! — воскликнул Рудаков. — Добро! Знакомьтесь, товарищи: пополнение к нам прибыло. Вот Белова нет, но вы обязательно его дождитесь, Виктор Петрович.

Логова окружили. Юноша пожимал руки, называл каждому свою фамилию, но чужих не слышал и не осмелился поднять глаз: так он волновался. Лишь потом, забившись в угол, Виктор Петрович стал знакомиться с теми, кого ему только что представили.

Слева, у окна, стояла высокая полная женщина, совершенно седая, но с очень моложавым и румяным лицом (встречаешь иногда такую бодрую, красивую старость). Говорила женщина мягким и как-им-то круглым голосом, в котором не выпирало ни одной острой ноты:

— Бывала я в Сочи... Знаете, шумно, сутолока. Вот в Гаграх, в Гудаутах или Новом Афоне — там хорошо.

Ее собеседница, белокурая девушка в какой-то странной шляпке, надетой, как показалось Виктору Петровичу, задом наперед, пожала плечами.

— Кому как, — сказала она и почему-то посмотрела на Логова, но тотчас, заметив его взгляд, покраснела и отвернулась.

Виктор Петрович уткнулся носом в газету. А через некоторое время он снова выглядывал из-за своего укрытия, только с другой стороны. Справа, почти рядом с ним, сидел грузный старик с бритой головой и седыми лохматыми бровями. Он что-то писал. В его оттопыренном кармане виднелась коробка с каким-то аптечным снадобьем и складной садовый нож. Когда старик наклонялся, чтобы макнуть в чернильницу перо, нож все больше высовывался и, наконец, со стуком упал на пол. Логов торопливо, чтобы опередить соседа, поднял нож и вручил хозяину. Тот очень любезно поблагодарил и

продолжал писать с улыбкой, которая после обращения к Виктору Петровичу надолго задержалась на его тонких губах.

Дверь открылась, и в учительскую быстро вошел еще нестарый мужчина, с красивым и очень подвижным лицом. Логов заметил, как все заулыбались при его появлении.

— Труженикам просвещения наш земной поклон! — звучным баритоном сказал вошедший и действительно поклонился, коснувшись пола рукой. — Тамара Львовна, радость моя! — Мужчина направился к белокурой девушке в оригинальной шляпке. — С приездом, с приездом! Вы замечаете, как я похудел? Только вы в этом виноваты: ведь я целых два месяца не видел вас!..

— Геннадий Максимович, да вы поправились, а не похудели! — со смехом возразила Тамара Львовна и снова посмотрела на Логова.

— А похорошел? — Взявшись кончиками пальцев за подбородок, мужчина кокетливо улыбнулся и опустил глаза, так что расхохотались все, кто был в учительской. — Ольга Васильевна, — обратился шутник к седой женщине, — не смотрите на меня такими глазами: для вас в моем сердце тоже найдется уголок.

— Нет, на уголок я не согласна, — в тон собеседнику отвечала Ольга Васильевна и уже серьезно добавила: — Уж если брать сердце, так целиком.

— У, какая жадная!

— Ну, брат Геннадий Максимович, и язычок же у тебя! — трясась от смеха, пробасил директор. — Чего ты в цирк не пошел?

— Ну, брат Иван Федорович, для этого нужен твой голосок. А что это за новое симпатичное лицо у нас появилось? — заметив Логова, спросил Геннадий Максимович.

— Да, познакомьтесь. — Рудаков улыбнулся Виктору Петровичу. — Это наш новый учитель литературы. Ты, Геннадий Максимович, как председатель предметной комиссии, помоги ему планы составить и вообще.

Юноша встал и, страшно смущаясь оттого, что все обратили на него внимание, назвал себя.

— Белов. Очень, очень приятно. Откуда к нам? — Геннадий Максимович указал глазами на стулья.

— Я из Р.

— В пединституте учились?

— Нет, в Р-ском университете.

— Отлично, отлично... Ну, а как вам после Р. понравился наш город?

Они сели. Геннадий Максимович смотрел на молодого учителя своими улыбчивыми серыми глазами, и Виктору Петровичу почему-то сразу стало очень легко с этим недавно веселым, а теперь серьезным и внимательным человеком.

— Интересный город! — оживился Логов. — Правда, я не видел всего, но первое впечатление... Здесь и деревня и город вместе.

— Это вы верно заметили, — согласился Белов, — но город явно побеждает.

К мужчинам подошла седая женщина с молодежьим лицом.

— Я не помешаю вашей беседе? — спросила она.

— Нет, нет! — ответили оба учителя в одно время. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. Я хотела с Виктором Петровичем поговорить.

Белов улыбнулся:

— Ольга Васильевна, это мне следует спросить, не помешаю ли я вашей беседе.

— Секретов у нас нет... Виктор Петрович, вы, по моему, кандидат в члены партии?

— Да, — сказал молодой учитель.

— А я секретарь школьной парторганизации. Вы в горкоме были?

— Нет, еще не успел.

— Сегодня зайдите. Ну, а как с квартирой у вас?

— Спасибо, уже устроился.

— Хорошая?

— Да, хорошая комнатка.

— Родных не думаете сюда взять?

— Нет, Ольга Васильевна. Отец работает, не хочет со старого места уходить.

— Кто он по специальности?

— Техник-строитель.

— Ну, что ж, Виктор Петрович, мне Иван Федорович рассказывал о вас, и письмо университетского парторга я читала. Только этого, конечно, мало, чтоб человека узнать. Вот поработаем вместе, тогда лучше познакомимся: в деле-то человек весь виден. Коллектив у нас хороший, отзывчивый, не оставит в беде. А вам особенно поддержка нужна: молодой вы, неопытный, и ребята в вашем классе подобрались «трудные». Но мы не случайно поручили вам именно этот класс: мы убеждены, что вы справитесь...

Ольга Васильевна попрощалась и ушла.

«Мне доверяют, верят, что справлюсь, — думал Виктор Петрович. — А мне страшно: ведь за ребят придется отвечать. Может, у меня еще ничего не выйдет...»

— Вот и Валерий Дмитрич, — сказал молодому учителю Белов. — Это наш завуч. Его фамилия Заруцкий.

Из кабинета директора торопливой походкой вышел мужчина среднего роста и средних лет, тонкий и стройный, как юноша. Первое, что обращало на себя внимание в этом человеке, была его необыкновенная юркость и расторопность. Он все делал быстро: двигался, работал, говорил. Заруцкий ни минуты не стоял спокойно: то встряхивал своей курчавой головой, то переступал с ноги на ногу, то наклонялся к собеседнику, слегка касаясь рукой его плеча, и вдруг резко выпрямлялся. Черные глаза Валерия Дмитриевича тоже поминутно бегали из стороны в сторону, словно искали чего-то и не могли найти.

— Здравствуйте! Товарищи, планы, планы сдавайте, — сказал Заруцкий, окинув присутствующих быстрым взглядом. — Время не ждет. Председатели комиссий, под вашу ответственность... Геннадий Максимович, вы зайдете ко мне?

— Обязательно!— вставая, откликнулся Белов. — Мы вместе с Виктором Петровичем.

— Товарищ Логов? Будем знакомы! — Валерий Дмитриевич пожал и тотчас отпустил руку молодого учителя. — Прощу.

Не сделали Геннадий Максимович с Виктором Петровичем и трех шагов, как Заруцкий уже прошмыгнул в дверь кабинета.

Белов и Логов остановились на пороге, ожидая разрешения войти.

— Да, да, пожалуйста, сейчас... — зачастил Валерий Дмитриевич, не отрываясь от работы, к которой успел приступить. Перед ним лежал большой лист бумаги, весь густо исписанный и исчерканный. Однако заведующий учебной частью умудрялся еще что-то зачеркивать и писать на этом листе.

— Расписание вот составляю, — сказал Заруцкий, бросив карандаш. — Так, значит, приступаем, товарищ Логов?

— Да, — отвечал с улыбкой Виктор Петрович. — Я хочу взять у вас личные дела, познакомиться с классом...

— Что?! Что вы сказали? — Заруцкий вскочил со стула, схватил какую-то папку и, потрясая ею в воздухе, продолжал: — По бумажкам хотите с учениками знакомиться? Нехорошо, плохо. К людям, к живым людям идите! — Валерий Дмитриевич указал рукой куда-то за окно. — С ними разговаривайте. Они вам о себе расскажут лучше всяких анкет! С Тамарой Львовной, прежним руководителем вашего класса, посоветуйтесь и идите. Да, да, в народ идите!

Логов, сгорая от стыда, выбежал из кабинета в учительскую, из учительской — в коридор.

«Как он меня!.. А? — Виктор Петрович протер вспотевшие очки. — И я-то хорош: по бумажкам людей хотел изучать... Правильно он меня выставил».

Вскоре к молодому учителю подошел Белов.

— Ну что, попало? — Геннадий Максимович добродушно рассмеялся и тронул Виктора Петровича за плечо. — А вы не огорчайтесь. Он у нас такой: на-

летит, нашумит, а разберешься — дело посоветует. Горячий, конечно, вспыльчивый, но душа человек... И вам он дельную мысль подсказал. Вот возьмите список ваших ребят с адресами. Валерий Дмитрич не успел вам передать: вы так быстро... да... Обязательно потолкуйте с Тамарой Львовной. Она два года вела ваш класс. Ревновать я не буду, не беспокойтесь. — Белов снова рассмеялся и дружески потрепал Виктора Петровича по плечу. — Идите, идите в люди. Планами займемся потом.

— Когда можно поговорить с Тамарой Львовной? — спросил молодой учитель.

— Да хоть сейчас! — Геннадий Максимович ушел и скоро вернулся с белокурой девушкой. — Вы уже знакомы? Ну и отлично. Пойдемте на второй этаж: там все классы свободны.

Они поднялись по лестнице и заняли ближайший класс.

— Тамара Львовна, расскажите Виктору Петровичу о бывшем седьмом «В». Теперь он с ним будет работать. — Геннадий Максимович взял у Логова и передал девушке список.

— А здесь не все мои, — заметила молодая учительница, пробежав глазами фамилии.

— Это ничего, — возразил Белов, — ведь к нам из других школ, семилетних, переходят в восьмой класс. Вы о своих ребятах расскажите.

Тамара Львовна подняла голову и впервые прямо и открыто посмотрела на Виктора Петровича. Глаза у нее были темно-синие, с недлинными, но густыми ресницами; нос узкий, прямой; маленькие, чуть подкрашенные губы изогнуты по-детски капризно.

— Ну, первый Гулько, — заговорила девушка сильным высоким голосом, как будто начинала урок, — это отъявленный хулиган. Недаром он со Степным дружит. Учится еле-еле на тройки, в пятом и седьмом классах по два года сидел. Хотели его из школы исключить, да мать пришла, расплакалась. Ну, и оставили. Вот. А что еще?

— О родителях скажите, — посоветовал Геннадий Максимович.

— Отец у него на шахте работает, а мать — дома.

В дверь класса постучали.

— Войдите, — сказал Белов.

На пороге появилась маленькая девочка.

— Геннадий Максимович, — сказала она, — Иван Федорович вас, пожалуйста, зовет.

— Ну, раз он меня «пожалуйста, зовет» — надо идти, — Белов сделал комически-серьезное лицо и развел руками. — Умница, умница! Тебя как зовут? Верочка? Пойдем, Верочка, пожалуйста, пойдем.

Тамара Львовна и Виктор Петрович с улыбкой переглянулись.

— Вы из Р.? — спросила девушка.

— Да. Вы тоже? — в свою очередь, поинтересовался Логов.

— Нет, я там училась.

— В педиинституте?

— В учительском. А вы?

— Я — в университете. Давно работаете?

— Два года. Теперь третий пойдет.

— Ну как, нравится?

— Да так... — Тамара Львовна неопределенно пожала плечами. — Если б все ребята хорошие были, еще ничего, а то попали ко мне «артисты», как Степной, Гулько...

— Да, да, Степной, — перебил собеседницу Виктор Петрович, — расскажите мне, пожалуйста, о Степном.

— Ужасный хулиган! Гулько по сравнению с ним — тихоня. Грубый, дерзкий страшно, злой, на всех зверем глядит. Я его и к завучу и к директору чуть не каждый день отправляла — ничего не помогло.

«Если б все были хорошие?.. К директору отправляла каждый день? — удивлялся Логов. — Разве это правильно?..»

Тамара Львовна продолжала:

— Отец у него нет, одна мать, и та ни разу в школу не приходила. Другие часто бывают, интересуются, советуются, а этой как будто и дела нет.

— Если гора не идет к Магомету, то Магомет

идет к горе, — иронически заметил Виктор Петрович.

— Зашла я к ней один раз, начала об Алексее говорить, а она, как полоумная, бурчит что-то себе под нос, кастрюлями гремит: Так ничего мне не ответила.

Логов не стал больше спрашивать Тамару Львовну:

«Что с ней толковать! Правильно меня посылают «в люди»: у них я больше узнаю».

ГЛАВА 7

И Виктор Петрович «пошел в люди», как выразился Белов. С помощью того же Геннадия Максимовича молодой учитель начертил план городка (он не хотел тратить время на долгие расспросы и поиски неизвестных ему улиц) и отправился сначала в самый отдаленный район.

Логов шагал по обочине дороги, присматривался и к прохожим, и к строениям, и к тому, что было во дворах. Людей он встретил мало: старика, двух женщин да команду босоногих мальчишек с удочками на плечах.

«Речка близко, — определил Виктор Петрович, — значит, скоро приду».

Дома здесь все были новые: то выглядывала откуда-нибудь свежая доска, то ярко-красный, еще не потемневший кирпич бросался в глаза, то слышался запах олифы.

«Растет городок! А вот и Загородняя...»

Это была последняя улица. Дальше начинался пологий спуск к неширокой и мелководной Каменке. Берега ее были усеяны крупными камнями, которые попадались и на дне реки. Между камнями зелела сочная трава. В воде, у берега, кое-где щетинился камыш, под ним плавали широкие листья кувшинок, похожие на лепешки, да извивались длинные водоросли. Середина Каменки оставалась чистой, и там светлыми всплесками играла голубизна.

К стр. 6

Высокое солнце жгло нестерпимо. Логову казалось, что оно остановилось в небе, собрало в пучок и направило на него все свои лучи.

«Ну и жара! — покачал головой Виктор Петрович. — Может, охунуться?»

Быстро сбегал к реке, разделся под камышами и плюхнулся в воду. Вынырнул он уже на той стороне. Отдышался немного и донскими саженками замахал обратно.

— Да тут мелко. Во! — Загорелый подросток, выйдя на середину реки, поднял над головой руки. Вода была ему по грудь.

— Так это же чемпион по лягушинуму плаванию! — услышал Виктор Петрович другой голос и лишь теперь заметил в камышах рыжего парня лет семнадцати. Он сидел на корточках, курил, часто сплевывая в воду. Возле него торчало несколько удочек.

— Эй ты, обормот! — закричал парень. — Ну-ка, сматывайся отсюда! Не видишь — мои крючки стоят.

Обида и возмущение помешали Логову ответить сразу. Виктор Петрович встал на дно и, сжав кулаки, сделал несколько шагов навстречу грубияну:

— Я вижу только наглеца, которого плохо учили! А мысли были другие:

«Что же я делаю? Я, учитель!..»

Однако угроза, прозвучавшая в словах Виктора Петровича, подействовала на парня.

— Ну, ты потише, — сказал он с меньшим пылом и стал насаживать на крючок червяка.

Логов неторопливо оделся, натянув брюки прямо на мокрые трусы, и пошел своей дорогой.

«Неприятный субъект, — думал он о рыжем парне. — За мальчишку меня посчитал! Видно, я совсем не похож на учителя, никакой солидности нет. Туго тебе придется, Виктор Петрович!.. Так, это Загородняя, девятнадцать, а мне нужно тридцать один».

Логов пересек маленький проулок, отыскал нужный дом, постучал. Ему открыла девочка.

— Здравствуй. Здесь живет Федотов Сергей?

— Здесь, только его дома нету.

— А мама?

— Дома.

— Позови.

Вышла высокая худая женщина.

— Я новый учитель вашего сына. Здравствуйте. Хочу с вами поговорить.

— Пожалуйста, заходите! — приветливо и в то же время смущенно улыбнулась женщина. — Только у нас не убрато... Рита, отнеси ведро. Заходите, заходите! Вот сюда...

Виктор Петрович через кухню прошел в другую, более опрятную комнату. У правой стены примостился старинный перекошенный комод, накрытый кусками одного большого стекла и уставленный глиняными статуэтками с отбитыми носами, пластмассовыми шкатулками разных цветов, рамками с фотографиями. Фотографии были и под стеклом и на стене. Прямо, между двумя окнами, стоял однотумбовый письменный стол. Справа от него — туго набитая книгами этажерка, слева — приемник. У третьей стены наспех застланная голубым покрывалом бугрилась высокая постель.

— Садитесь, пожалуйста! — суежилась женщина, придвигая учителю стул и на ходу поправляя постель и коврик на полу.

— Спасибо. — Логов сел возле комода и, пока хозяйка выносила в кухню какую-то вещь, пряча ее от гостя, стал рассматривать фотографии. Со снимков глядели на него простые рабочие лица, умные, честные глаза. Виктор Петрович знал: в таких семьях обычно вырастают хорошие дети.

— Вы уж меня извините, что задержала вас, — проговорила женщина и, наконец, опустилась на стул, сложив на коленях большие жилистые руки.

— Не за что извинять. Давайте знакомиться: меня зовут Виктор Петрович.

— А меня — Мария Наумовна. Спасибо, что пришли.

Учитель ощутил в своей ладони сильные шершавые пальцы.

— Очень приятно, Мария Наумовна. Так рас-

скажите мне, пожалуйста, о вашем сыне: как он учится, как ведет себя, как вам помогает — в общем все.

— Сережа-то? Я на него не жалуясь. По учебе он повсегда успевал. Конечно, не то чтобы как есть отличники, но и не последний. Опять же смирный, худого про него никто не говорит. Как послушаешь, другие и хулиганют, и курют, и всякими последними словами, а мой нет. Насчет этого молодец. Еще других остановит. Да вот, недалеко ходить, Семка... Как его?.. Рыжий такой...

— Семка? Рыжий? Здесь по соседству живет еще один мальчик... — Виктор Петрович, не доставая списка, захотел по памяти назвать фамилию. — Семен Гулько?

— Гулько, Гулько, хай его грец!.. Это ж наказанье, а не мальчишка! Курит, ругается всякими последними словами и по учебе никуда. Опять же, чтоб матери помочь — это не его дело. От зари до зари на речке с удочками торчит, а проку...

«Стой, стой! — мелькнула у Логова догадка. — Не тот ли грубиян? Рыжий, с удочками, ругается, курит... Конечно, он!»

Мария Наумовна продолжала:

— А что поймает — на базар, папирос да семечек закупит и ходит расплевывается — тошно смотреть! Весь в батьку.

— А кто у него отец?

— Пьяница, вот кто! Ну и, известное дело, драки, ругань повсегда. Через то и дети такие.

— Ясно, ясно, — задумчиво проговорил учитель. — А Сережа вам помогает?

— А как же! Отец наш как придет сморённый с шахты, так ему не до хозяйства. Только Сережа, спасибо ему, и выручает: дров наколоть, печку растопить, починить что — все делает. Остальные-то у меня девчонки — четверо, мал мала меньше — какой с них спрос?

— Когда Сережа дома бывает?

— Вечером будет. Работает он, устроился на лето, пока до учебы. Сказать по правде, семья-то у нас

большая, а работник, считайте, один. Вот и приходится парню...

— Ничего плохого в этом нет, что работает.

— И то верно: труд, говорят, кормит, а лень портит.

Не больше часа присидел Виктор Петрович у Федотовых, а сколько он узнал! Жизнь целой семьи открылась ему в такой полноте, какой не найти ни в одной, даже самой подробной анкете.

ГЛАВА 8

Гулько жили на одной улице с Федотовыми.

Виктора Петровича встретила женщина средних лет, с заплаканными глазами. Логов назвал себя и вошел в дом.

Неуютно было в этом доме: полупустые грязные комнаты, тяжелый запах, мутный свет из давно не мытых окон, занавешенных почерневшей марлей.

Хозяйка провела учителя в «зал», как она назвала самую большую комнату, где стояла железная койка, сундук и пустой буфет с разбитым стеклом.

— Вот вы, Виктор Петрович, пришли узнать насчет Семы, — шепотом заговорила женщина, со страхом оглядываясь на дверь. — А вы бы сначала про его отца спросили. Жизни от него нет! — Варвара Ивановна (так звали хозяйку) беззвучно разрыдалась.

Логов сидел с поникшей головой: действительность начинала вносить поправки в его романтическое представление о труде педагога.

— Варька, где тебя черт носит? Воды! — послышался из соседней комнаты грубый мужской голос.

— Проснулся... Ох, смерть моя!.. — Варвара Ивановна мелко зашлепала стоптанными чувяками, направляясь к двери. Было слышно, как в кухне звякнула кружка и зашумел открытый водопроводный кран. Потом чувяки прошлепали по коридору в соседнюю комнату, откуда через некоторое время донесся тот же грубый голос:

— Какой там учитель? Рано еще... Дай-ка мой пиджак.

Минуту спустя на пороге появился довольно молодой мужчина с обрюзгим лицом и рыжими нечесаными вихрами, похожими на костер. Это и был отец Семы. Нетвердой походкой подошел он к сундуку, сел, поздоровался.

— Здравствуйте, — отвечал Виктор Петрович. — Вы уже знаете, кто я и зачем пришел.

— Говорила жинка, да вроде бы рано — целый месяц... — Хозяин поскреб грязными пальцами затылок, волосы на его голове зашевелились и еще больше напомнили костер.

— Занятия начинать рано, а познакомиться с людьми пора, — возразил учитель.

— Может, и так... Только я вот малость нерентабельный, короче — с похмелья.

— В этом вся и беда, уважаемый... простите, не знаю...

— Василий Захарыч.

— Так вот, Василий Захарович, вы подумайте, как ваше поведение действует на детей.

— Ну, как это вы говорите, уважаемый, детей-то вы учите, а меня нечего учить.

— Я только советую.

— Нечего меня учить.

— Разве взрослые...

— Давно все науки прошел.

— Разве взрослые не ошибаются?

— Давно прошел. Еще не хватало, чтоб какой-то...

— Василь, замолчи! — перебила мужа Варвара Ивановна. — Залил глаза, так, думаешь, все можно...

— А ты, с-собака!..

В это время кто-то громко постучал в окно.

Хозяин отдернул занавеску, так что с нее тучами поднялась пыль, видимо узнал своего приятеля и крикнул:

— Вали сюда!

Но тот замахал ему с улицы рукой.

— Ладно, сейчас... — И, пробурчав еще что-то невнятное, Василий Захарович удалился.

— Теперь снова на неделю зальется, — горестно вздохнула Варвара Ивановна. — И всегда так. При вас он еще ничего, а то ведь как расходится, хоть живьем в гроб ложись.

— Ну, а вы, вы-то что смотрите? — Учитель резко встал и заходил по комнате. — Ведь это же... Ведь нельзя же этого допускать!

— А что поделаешь? — Женщина безнадежно махнула рукой. — Видно, судьба такая...

Логов остановился.

— Что?! Судьба?! — Виктор Петрович не мог удержаться от крика. — Чепуха! Вот и плохо, что вы примирились со своей... со своим положением! Вы хоть на производстве были? Где он работает?

— Боже спаси! Чтоб забил до смерти?

— Где муж работает?

— На шахте, крепильщиком.

— Коммунист?

— Что вы! Такого разве возьмут...

— Так вот, я сам пойду на шахту и все расскажу. До свидания!

ГЛАВА 9

Утром следующего дня Логов побывал в профкоме шахты. Его принял председатель местного комитета, полный медлительный человек, державший себя очень важно.

Виктор Петрович кратко, но взволнованно рассказал о положении в семье Гулько.

— Я вас прошу, — закончил учитель, — я прошу вас помочь школе, причем немедленно: ведь речь идет о воспитании советского молодого человека.

— Хорошо, — значительно подняв брови, проговорил председатель очень тихо и как-то в нос, — хорошо, товарищ... м-м...

— Логов, — подсказал учитель.

— Хорошо, товарищ Логов. Мы вызовем товарища... м-м...

— Гулько!

— Мы вызовем товарища Гулько. Всё?

— Пока все. До свидания.

С чувством досады и неудовольствия вышел Виктор Петрович из кабинета председателя. Не понравился ему этот важный толстяк с манерами «профсоюзного вождя».

«А черт с ним! — думал учитель. — Лишь бы помог. Этот не поможет — в партбюро пойду. Ну, а теперь — к Храмовым».

* * *

Просторный особняк Храмовых приютился в тихом переулке на западной окраине города. Было видно, что дом строил хороший архитектор и строил для себя. На светлом фасаде в шесть окон с высокой дверью посередине — ни одной завитушки, ни одной лишней выпуклости. Дом расположился в глубине двора, и к нему тянулась от ворот асфальтированная дорожка. Перед самым домом, похожая на большую пеструю тюбетейку, возвышалась клумба и выстроились посаженные рядком молодые тополя. Вдоль высокого деревянного забора прозрачно зеленели фруктовые саженцы, еще не прижившиеся на новом месте. К правой стене особняка примыкал гараж.

Виктор Петрович хотел позвонить, но сквозь железную решетку ограды увидел выбежавших из-за дома ребят. Среди них выделялся своей неловкостью и медлительностью очень полный мальчик в бархатной куртке. Дети с криком и смехом гнали к воротам большой мяч.

— Вадим! — на пороге дома появилась высокая женщина. — Вадим, ты слышишь? Поди сюда.

Ребята остановились и замолчали. Толстый мальчик подошел к женщине (наверное, это была его мать).

— Ты не должен играть с ними! — нарочито громко, чтобы дети слышали ее, продолжала женщина. — Проверь, на месте ли твои золотые часы, и... хорошенько запри калитку. К нам кто-то пришел?

Виктор Петрович пропустил чуть не плачущих от обиды ребят и, нервно покусывая губы, зашагал к дому.

— Здравствуйте. Я учитель, — без улыбки сказал он хозяйке, которая ждала его у открытых дверей.

— Вы новый учитель моего сына? — с любезным удивлением заулыбалась женщина.

— Да.

— Добро пожаловать! Очень, очень приятно. Эльвира Сидоровна Храмова.

— Виктор Петрович Логов.

— Прошу вас, уважаемый Виктор Петрович, прошу!

Хозяйка провела учителя в богато обставленную гостиную. Кроме мягких кресел в чехлах, кроме круглого стола с резными ножками, покрытого черной бархатной скатертью, кроме нескольких книжных шкафов отличной работы, кроме статуэток, портретов и картин в тяжелых рамах, там стоял прекрасный концертный рояль.

Эльвира Сидоровна сбоку тайком взглянула на Логова: ей хотелось знать, какое впечатление произвела на учителя ее квартира.

«По-барски живут, — поморщился Виктор Петрович, — и мыслят, кажется, по-барски».

— Прошу, — сказала хозяйка и первая села в кресло, эффектно откинув корпус и голову назад.

Эльвире Сидоровне было не больше тридцати пяти лет. Она, вероятно, считала себя красавицей и много занималась своей внешностью. Но, сама того не понимая, женщина делала все, чтобы стать некрасивой: свои чудесные каштановые волосы она перекрасила в белые, отчего те стали похожими на мочалку; настоящие брови сбрила и нарисовала другие, тоненькие, как шнурок; подвела ресницы, сделала под глазами синяки, накрасила губы и покрыла щеки какой-то сложной косметической стряпней. Так и ходила она, похожая на плохо загримированную артистку, которая забыла умыться после спектакля.

— Я слушаю вас, Виктор Петрович, — сказала Эльвира Сидоровна.

— ~~Напротив~~, я имел в виду послушать вас, — возразил учитель. — Мне хотелось бы знать, как учился ваш сын в ~~прошлые~~ годы, чем он интересовался. Я ведь новый человек.

— Ах, вот как! — Женщина картинно вскинула брови и на минуту задумалась. — Я не прочь. Учился мой Вадим, как бы это правильно сказать, не слабо, нет, а несколько... несколько равнодушно. Да, да, вот именно! Видите ли, прежние учителя не смогли заинтересовать его. Только этим я объясняю его скромные оценки по некоторым предметам. Но мой Вадим — исключительно способный ребенок. Вы в этом убедитесь, Виктор Петрович, поверьте мне! И вы, я уверена, исправите ошибки ваших предшественников. К моему Вадиму нужен особый подход. Я сама преподаватель музыки по классу рояля, так что имею достаточное представление о методике. Кроме того... — Эльвира Сидоровна наклонилась к Логову, положив на спинку его кресла свою пухлую в кольцах руку. — Кроме того, мой Вадим — большой, очень большой музыкальный талант. Вадим! Поди сюда.

— Нам лучше побеседовать пока без него, — заметил Виктор Петрович.

— Вы только посмотрите на его руки.

Вошел полный мальчик.

— Вадим, знакомься: Виктор Петрович, твой новый учитель, — говорила Эльвира Сидоровна, глядя больше на сына, чем на собеседника. — Покажи твою руку. Обратите внимание, Виктор Петрович: это же кисть настоящего пианиста! — У мальчика в самом деле были удлинненные сильные пальцы. — Может быть, мы разрешим ему исполнить что-нибудь?

Логов не стал возражать.

— Вадим, проиграй наш последний этюд. Помнишь?

Мальчик сел за рояль и четко, но, как показалось Логову, несколько автоматически проиграл какой-то этюд.

— Как вы находите, Виктор Петрович?

— Я нахожу, что нам все-таки следует говорить без него.

— Пожалуйста, пожалуйста! — с некоторым раздражением сказала Эльвира Сидоровна. — Вадим, иди к себе.

Мальчик удалился. Логов проводил его невеселым взглядом и потом перевел глаза на мать.

— Эльвира Сидоровна, — заговорил он с остановками, что всегда показывало его неудовольствие и протест, — я не стану скрывать от вас... того тягостного впечатления... которое произвело на меня все... что я увидел и услышал в этом доме.

— Как?! — с видом оскорбленного достоинства хозяйка выпрямилась в кресле. — Тягостного?

— Да. Прошу теперь выслушать меня. Сцена во дворе, невольным наблюдателем которой я оказался, была первым толчком... Что это за барское презрение к людям? За что вы так жестоко оскорбили детей? Чем они хуже вашего сына? Я понимаю, что говорю вам горькие и неприятные вещи, но вам нужно их знать.

— Признаться, вы не очень любезны! — вырвалось у Эльвиры Сидоровны.

— Я совершенно не любезен, однако не собираюсь извиняться. Второе, что неприятно поразило меня, — это ваше... это ваша вредная убежденность в какой-то исключительности Вадима, которой вы не скрываете даже от него. Вы никогда не задумывались над тем, к чему может привести ваше постоянное захваливание сына?

— Но если он того заслуживает? — Эльвира Сидоровна встала и, возмущенно подняв плечи, пересела к столу. — Не понимаю, чего вы от меня хотите!

Виктор Петрович тоже поднялся и заходил по комнате.

— Хвалить можно и нужно, — продолжал он, — но как и когда хвалить. Неумеренная похвала портит ребенка. Он начинает думать, что все сделанное им хорошо, что сам он лучше других, поскольку им постоянно восхищаются. Согласны вы со мной? Мы

должны быть разумно требовательными к нашим детям и научить их быть требовательными к самим себе. Неужели вы станете спорить?

— Вы... вы слишком много берете на себя! — не забываясь больше о приличии, закричала хозяйка. — Только помните, что Вадим — мой сын, и я вправе воспитать его так, как считаю нужным!

— Но поймите... Минутку... Теперь и я буду отвечать за воспитание вашего сына, — возразил учитель. — Вы напрасно...

— Нет, не напрасно! Это вы напрасно взялись меня учить! Молоды еще! Да, да, молоды!

Говорить дальше было бесполезно, и Логов поспешил уйти.

ГЛАВА 10

Выйдя от Храмовых, учитель облегченно вздохнул. «Ну и народ! А хорошо, что я у них побывал: дело начато...»

Логов миновал несколько кварталов и вдруг очутился перед просторной расчищенной площадью, вокруг которой среди наваленной буграми земли, гравия, песка и щебня начинали обрисовываться бетонные ступени трибун.

«Стадион!» — Виктор Петрович взобрался на глиняный холмик у водопроводной траншеи.

С высоты лучше был виден весь огромный амфитеатр. Неподалеку справа работал экскаватор. К нему один за другим подходили порожние и отходили с наполненными кузовами самосвалы. Слева, продолжая траншею, над которой стоял Виктор Петрович, грохотала землеройная машина. На противоположном конце площади, в прогалине, оставленной между трибунами, вероятно, для ворот, виднелась белая от извести бетономешалка. Рядом с нею тоже стояло и двигалось несколько грузовиков. Всмотревшись, Логов различил на берегу реки еще два экскаватора. Они рыли котлован.

«Для чего это? — недоумевал учитель. — Помеще-

ние для спортсменов? Не похоже... Стой, стой! Это же, наверное, бассейн! Стадион и тут же водная станция. Ну, конечно!»

— Шамрин! — услышал Виктор Петрович за своей спиной. — И ты в столовку? Жена, выходит, отказалась кормить?

Учитель оглянулся: группа рабочих проходила мимо него.

«Пожалуй, мне тоже нужно пообедать». — Логов направился вслед за рабочими.

— Яков Матвееч, до заданной не дошел? — спросил парень в газетной треуголке на голове вместо фуражки.

Яков Матвееч, широкоплечий, кажется уже молодой мужчина (лица его учитель не видел), не глядя на парня, отвечал:

— Дойдешь, когда грунт ни к черту. Камень один.

«Наверное, экскаваторщик», — решил Виктор Петрович, невольно прислушиваясь к разговору.

— Слышал я, что Зернов тебя обходит: за вторую тыщу кубов перевалил, — с ехидцей бросил парень в газетной треуголке.

— Разве худое дело? Молодец! — спокойно проговорил экскаваторщик.

— Да я не говорю, что худое, а тебе-то небось досадно: всегда первым был, и вдруг какой-то молокосос...

— Сам ты, видать, молокосос, — укоризненно покачал головой Яков Матвееч. — Зернов — справный экскаваторщик, хотя и молодой. Думаешь, ежели он меня в соревновании побьет, плакать стану? Глупой ты! Радоваться надо, что первейшие назади остаются, а другие — помоложе да посмекалистей — дальше нас, стариков, идут. На том и стоит все наше обшество. А вот про тебя, парень, я ничего доброго не слыхал. Только языком работаешь, и то не к месту.

— Ага, Федька, дали тебе прикурить! — смеялись над парнем товарищи. — Федька скажет, как в лужу станет...

Логов тоже улыбнулся.

«Как это он сказал: «Радоваться надо, что первые становятся последними, что молодые дальше стариков идут». Умный дядька. Если бы все так думали!..»

Рабочие свернули к длинному зданию с высокими окнами и, пропустив Якова Матвейча вперед, веселой гурьбой повалили в дверь.

Виктор Петрович вошел за ними в большой двухсветный зал со множеством столов, покрытых клеенкой. У открытых окон, с одной и другой стороны, стояли туи, пальмы, какие-то цветы в крашенных кадках.

Логов нашел свободное место у окна. Рядом за кружкой пива (порожня водочная бутылка валялась за цветком) сидели двое мужчин, курили, выдыхая друг другу в лицо смешанный запах табачного и спиртного перегара.

— ...А мне, грю, наплевать, что ты бригадир. Видал я таких начальников, — осипшим голосом тянул один.

Его собеседник согласно кивал головой, иногда грозил кому-то кулаком и выкрикивал что-то непонятное.

— Я, грю, сам бригадир... да! Жинке своей указывай, а мне нечего указывать. И пошел ты... Тоже мне начальство! Видали таких. Я сам, грю, начальство. А то, подумаешь, бригадир!..

И не было конца этому разговору.

Логов пересел за другой стол.

Худощавый мужчина лет сорока пяти, с большим родимым пятном на левой щеке, что-то чертил огрызком карандаша на бумажной салфетке и объяснял соседу, молодому человеку в очках:

— Видишь, чего я хочу. Смотри! Под землей, когда уголек оттуда повытаскают, пустое место остается. У нас его породой забивают. Для того, сам знаешь, машины такие есть — закладочные. Неудобные, скажу я тебе, машины: к ним породу нужно подбрасывать, транспорт, значит, давай опять же людей. А что, если эту самую пустоту заморозить?

— Как заморозить? — недоумевал сосед.

— А так. Вот сюда шланг с водой подвести, тут

машину поставить холодильную... вот... и заморозить. Водички-то в шахте полно и возить не надо—по трубе пойдет. Дешево и сердито.

— Погоди, погоди! Так лед же через пару дней растает!

— Держи карман! Хоть сто лет пролежит.

— Мудреное что-то. А впрочем... Как это ты додумался?

— Как додумался? Люди подсказали. Помнишь, когда за Первым Шурфом новую шахту бурили? Я туда ходил. Знаешь, что они сделали, чтоб грунтовую воду придержать? Взяли да заморозили землю кругом ствола. Тут-то я и скумекал. Хочу такое рацпредложение внести. Как думаешь?

— Подавай. Там разберутся. А я, если что, поддержу.

«Смотри-ка, видно, простой горняк, а что придумал!» — одобрительно кивнул Виктор Петрович.

Подошла официантка. Заказав обед, Логов наскоро поел и снова отправился по квартирам.

ГЛАВА 11

Готовясь к встрече с «ужасным хулиганом», как назвала Степного Тамара Львовна, Виктор Петрович волновался больше обычного.

Ученик жил на Первом Шурфе — в самой старой, давно запустелой части шахтерского городка, где уцелело всего пять-шесть покосившихся и почерневших от времени деревянных лачуг. Земля здесь тоже была черная от угольной пыли. Кругом — ни деревца, ни кустика. В тихие летние дни Первый Шурф изнывал от зноя, а при малейшем ветре над поселком поднималась удушливая черная метель. Неподалеку виднелся осевший и кое-где поросший травой террикон брошенной шахты, развалины каких-то построек, ржавые обломки рельсов.

Логову показалось, что перед его глазами чудом ожило страшное прошлое царской России.

С трудом отыскал он среди развалин ветхий до-

мишко, где жил Степной, и постучал в низкое оконце. Никто не вышел к нему. Учитель заглянул во двор: хозяев не было видно. Только минут через десять из-за угла показалась дряхлая старуха с ведром. Сделав несколько шагов, она остановилась и долго стдыхала. Логов торопливо подошел к женщине, взял ведро, налитое водой только до половины, и спросил, куда нести.

— Ох, спаси тебя Христос, сыночек, — хрипло и часто дыша, сказала старуха. — Вот сюда... — Костлявым пальцем она указала на тот самый домишко, какой интересовал Виктора Петровича.

— Вы Степная? — спросил учитель.

— Нет, сынок, Степная с сыном у меня на хвattere стоит.

— Вот они мне и нужны. Я учитель Алексея.

— Такой молодой и уже учитель? Нынче-то, правда, все грамотные. Это мы темными жили, темными и помрем... Ставь сюда. Дай бог тебе здоровья, подмогнул старухе.

Логов опустил ведро на лавку возле дверей.

— Родные не жалеют, так хоть чужой пожалел, — продолжала женщина, со вздохом и причитаниями опускаясь тут же на лавку. — Ох, царица небесная... Матерь божия... И где ты, смерть моя?

— А что родные? — спросил Виктор Петрович. — Не помогают?

— Жди от них помочи. Родной сын от матери отказался. Хватеру ему на троицу дали. Так сам с жинкой и сыном перешел, а меня не захотел взять.

— Да как же это?! Дикость какая-то! — Логов не верил своим ушам.

— Вот и дикость. Я тоже не чаяла, что на старости лет... — Женщина не договорила и заплакала.

— Как фамилия сына?

— Ты добрый человек. Только не надо... ничего мне, сынок, не надо. Нехай живет как знает. Бог ему судья.

— Какой бог?! Люди будут его судить! Этого нельзя так оставить!

Старуха долго не могла успокоиться. Учитель стоял рядом, до хруста в пальцах сжав кулаки, и все повторял:

— Дикость! Люди будут его судить! Этого нельзя так оставить!

Наконец женщина подняла лицо и проговорила:

— У тебя, сынок, свои заботы, и без меня, поди, голова болит. Ты вот до ученика своего пришел, а тут я со своим горем. Не сердчай на меня, старуху.

— Что вы, мамаша! Разве можно сердчать на вас! — горячо возразил Виктор Петрович. — Вам помощь нужна, и я помогу как сумею. Только вы скажите, где найти вашего сына.

— Не надо, милоч. Может, сам образумится.

— Через месяц я зайду к вам. Если ничего не изменится, скажете мне?

— Что с тобой делать! Придется, видно, сказать.

— Вот и хорошо, договорились... Ну, а теперь потолкуем о Степных. Когда они дома бывают?

— Фоминишна другую неделю в больнице лежит, а вот Алешка где, и не скажу. Он и раньше-то целыми днями где-то пропадал, теперь и вовсе без матери.

— Где же он может быть?

— Бог его знает.

— Давно нет?

— Ден пять. А прошлую зиму от рождества до самого крещения пропадал.

Учитель задумался: «Так долго? Зимой? Значит, у него есть какое-то убежище. Нужно узнать...»

— Когда Алексей возвращался, он что-нибудь приносил? — допытывался Логов.

— Рыбу да раков все лето носит, уголь собирает, больше ничего.

Это успокоило Виктора Петровича.

— Ну, а как он дома себя ведет? Матери, вам не грубит?

— Боже спаси! Никогда я от него черного слова не слыхала. А что, обругал кого?

— Нет, я просто интересуюсь.

— Смирный парень. И мать почитает. Помочь ей

большая от него: в магазин сбегать, убрать в хате, полы помыть — все сам.

«Странно! — удивлялся Виктор Петрович. — В школе одно говорят, здесь — другое».

Узнав, что мать Степного работает уборщицей на вокзале, учитель распрощался с бедной старушкой.

ГЛАВА 12

В доме Поярцевых, когда Виктор Петрович пришел к ним, был тот веселый беспорядок, какой сопутствует переселению на новую квартиру. По коридору, заставленному ящиками, коробками, кипами связанных книг, учителя провели в комнату и усадили на разобранный — без спинки — диван. Посередине этой большой и светлой комнаты стоял зеркальный шифоньер, как бы раздумывая, какое место ему лучше занять. Высокое трюмо уже поместилось между двумя окнами. Пианино расположилось в углу.

— Извините, я не вовремя... На старой вашей квартире мне сказали, что вы переехали несколько дней назад, — начал оправдываться Виктор Петрович, обращаясь к хозяйнне.

— Что вы! Что вы! Не вовремя! Учитель, когда бы он ни пришел в дом ученика, всегда ко времени, — весело запротестовал Поярцев, маленький брюнет с круглым румяным лицом. И все в этом человеке было веселое: и голубые глаза; и губы, с которых не сходила улыбка, и коротенький чубчик на голове, и светлая одежда. — Как прикажете вас величать?

Логов представился.

— Очень приятно. Меня зовут Валентином Ивановичем. Значит, вы насчет Любавушки, то есть Любы, — это мы в семье так привыкли, — насчет Любы хотели поговорить?

— Да, Валентин Иванович, пожалуйста, расскажите мне о дочери, о Любавушке — это вы очень хорошо! — все, что находите нужным. Я не хочу связывать вас никакими вопросами. — Логов сел поудобнее, поправил очки.

— Мы, отцы, вообще родители, склонны идеализировать наших детей, — заговорил Поярцев серьезно, но глаза и губы его по-прежнему остались веселыми. — Я постараюсь быть беспристрастным. Учитесь Любава хорошо. С четвертого класса у нее круглые пятерки: Характер бойкий, но это не мешает делу. Очень увлекается музыкой и кино. Играет она с шести лет, и, кажется, недурно, в драмкружок ходит, мечтает стать звездой экрана. Каково, а? Ну, если не звездой, то звездочкой. — Валентин Иванович улыбнулся. — Мне кажется, данные у нее есть. Мы с женой не препятствуем. Пусть мечтает и, главное, на деле осуществляет свою мечту. Верно?

— Совершенно верно! — согласился учитель.

— Значит, мы не ошиблись. Отлично! — весело подхватил Поярцев. И лицо его тоже говорило, что все отлично, что он всем доволен: и собой, и дочерью, и своими делами. Но это не было довольство самолюбленного глупца; это было удовлетворение преуспевающего в жизни человека, который честным трудом добился успеха и завоевал право немножко гордиться собой.

— Любавушка, иди к нам! — крикнул Валентин Иванович, предварительно спросив у Логова разрешения позвать дочь.

В комнату вошла стройная девушка, настоящая красавица. Любавушка — это поэтическое русское прозвище очень подходило ей. Лицо Любы — нежное, с ярким румянцем во всю щеку; большие синие глаза; тонкий, чуть вздернутый нос; тяжелые русые косы до пояса. Девушку так и хотелось видеть в кокошнике и сарафане.

— Здравствуйте, — сказала Люба и еще больше разрумянилась от смущения.

— Здравствуйте! — учитель встал и пожал девушке руку. — Виктор Петрович, ваш новый классный руководитель. Будете мне помогать?

— Хорошо, Виктор Петрович.

— С кем вы дружите в классе? Да вы садитесь, садитесь!

— Спасибо, я постою. В классе я дружу с Галей

Минской и еще с одной девочкой из музыкальной школы.

Логову тотчас припомнилась Эльвира Сидоровна Храмова.

— Вы знаете Эльвиру Сидоровну? — спросил учитель.

— Да, это мама Вадима Храмова, он тоже в нашем классе. А Эльвира Сидоровна у нас преподает.

— Ясно, ясно. Ну, а как вы в музыкальной школе успеваете?

— Ничего.

— Не скромничай, Любавушка, — вмешался в разговор Валентин Иванович. — Она и там отличница, Виктор Петрович. Может, сыграешь что-нибудь?

Дочь укоризненно посмотрела на отца: мол, зачем ты говоришь об этом, Виктор Петрович пришел совсем за другим.

— Я сейчас плохо сыграю, — отвечала она.

Отец не настаивал.

— Я еще буду у вас, — на прощание сказал учитель, — и тогда обязательно послушаю Любину игру.

ГЛАВА 13

Две недели ходил Виктор Петрович по квартирам своих ребят. Ставя в списке птичку против последней фамилии, учитель подумал: «Недаром они посылали меня «в народ»: теперь я начинаю понимать, что делать».

И Логов неожиданно быстро составил, как он чувствовал, вполне сносный план воспитательной работы с классом, чего не сделал бы прежде, не зная учеников и родителей. Когда он показал свои записки Геннадью Максимовичу, тот сказал:

— Для начала неплохо. У вас намечена работа со всем коллективом и в отдельности с каждым из ребят. Это правильно. А здесь что? «Формы перевоспитания некоторых родителей». Какой вы, однако, молодец! — Подвижное лицо Белова выражало сразу и одобрение, и удовольствие, и радость за первую уда-

чу молодого учителя. — Откровенно говоря, даже старые педагоги, и те не всегда понимают, как это важно. А названия отдельных бесед вам следует продумать. Вот, например: «Как осуществить свою мечту». Хороший вариант, но не лучший. Если так: «Умейте», нет, «Учитесь мечтать!» Что?

— Да, кажется, лучше, — не очень охотно согласился Виктор Петрович.

— Понимаете, в чем разница? — ожидая возражений, с жаром продолжал Белов. — Во-первых, короче; во-вторых, заставит ребят задуматься: «Выходит, и мечтать нужно уметь... Как же научиться?» Ведь не всякая мечта хороша и не всякую мечту можно осуществить. Правильно? Мечтают же некоторые господа о войне, о мировом господстве. Но первое дико, бесчеловечно, а второму никогда не бывать. Наконец название «Учитесь мечтать!» активнее: оно звучит как призыв.

— Верно, верно! — воскликнул Виктор Петрович. — Как вы умеете доказывать и убеждать!

— Простой анализ, — скромно пожал плечами Белов. — А теперь пойдете к Валерию Дмитриевичу: он хотел вас видеть.

Виктор Петрович вспомнил, как Заруцкий отчитал его при первом же знакомстве, и со смущенной улыбкой спросил:

— А он меня еще раз не выставит?

— Может, и нас обоих... — Веселые морщинки забегали по лицу Геннадия Максимовича. — Вы держитесь покрепче за меня.

Но заведующий учебной частью на этот раз был очень любезен.

— Здравствуйте, товарищи языковеды! Прошу, прошу! — зачастил он и, выхватив из шкафа толстую папку, передал ее Логову.

Виктор Петрович удивился, найдя в ней личные дела своих учеников.

— Теперь можете познакомиться с документами, — лукаво подмигнув Белову, продолжал заведующий учебной частью. — Это лишь дополнение к тому, что вы увидели своими глазами.

В самом деле, теперь Виктор Петрович совсем по-другому взглянул на так называемые «личные дела» своих будущих воспитанников. «Личные дела», если бы учитель начал с них, никогда бы не дали ему того ясного и верного представления о человеческих личностях, какое дали самые короткие встречи и беседы с живыми людьми. Читая характеристики, экзаменационные работы, табели успеваемости ребят, Логов увидел, что он знал об учениках гораздо больше, чем говорилось о них во всех этих документах.

В той же папке Виктор Петрович нашел групповую фотографию бывшего седьмого класса «В» с фамилиями на обороте. Среди выпускников не было только Степного и Гулько. Учитель часто разглядывал этот снимок и настолько изучил лица ребят, что при случае мог свободно узнать любого, даже того, с кем ему еще не удалось встретиться.

Закончив планы, Логов принялся за другую работу. В школьной библиотеке он пересмотрел все книги, журналы и брошюры. Нужные отобрал и целыми стопами носил домой. Читал обычно по ночам, многое выписывал или переносил в тетрадь названия и оглавления тех книг, которые могли пригодиться в будущем. Таким образом у молодого учителя составила большая тетрадь-справочник по методическим и теоретическим вопросам, уже девятая по счету, кроме университетских конспектов. Словом, Виктор Петрович старался сделать все, чтобы прийти к ученикам не робким новичком, а твердым и умелым хозяином класса.

Но все, что делал молодой педагог, казалось ему мелким и недостаточным, потому что он еще не видел результатов своего труда.

* * *

В конце августа Логов получил несколько писем от родных и друзей.

Как приятно бывает взять в руки почтовый конверт, на котором знакомой или незнакомой рукой выведено твое имя! Ты еще не знаешь, о чем расскажут

тебе неведомые строки, а уже волнуешься, уже кипишь и торопишься их прочитать, словно в каждом письме запечатано твое новое счастье.

Виктор Петрович вскрывал один конверт за другим. Родители писали, что дома без него, Виктора, стало пусто и скучно, что они ждут не дождутся его писем, и спрашивали, не сможет ли он приехать к ним хоть на денек. Университетские товарищи сообщали о дорожных впечатлениях, о новых людях и местах, задавали кучу вопросов.

У Логова была привычка: письма самых близких друзей читать последними.

«Витенька, милый, здравствуй!

Только что получила сразу два твоих «послания» и очень-очень обрадовалась им. А когда читала—плакала. Ты будешь ругать меня и за эти слезы?

Родной мой, я тоже скучаю по тебе, даже мало сказать «скучаю»: я не могу больше так жить, когда тебя нет рядом. И я, наконец, решилась сказать маме, что хочу ехать к тебе. Она, конечно, страшно расстроилась, но я ее уговорю. Итак, Витенька, устраивайся поскорее и жди меня. Нет, я хочу, чтобы ты за мной приехал... Ты рад? Ты счастлив? Сейчас же садись и пиши мне хвалебную оду! А лучше — хорошие лирические стихи. Теперь жди телеграмму: «Приезжай за мной».

Работа моя идет успешно. Вчера сделала пирке трем близнецам. Ты знаешь, все мальчики, и такие славные!

Да, Витёк, еще одна радость: Олег Николаевич (руководитель хора в Доме медработников, помнишь?) перевел меня в группу солистов. Теперь твоя Светлана будет выступать как настоящая артистка в сопровождении хора и даже одна!»

«Родная!.. Ехать за тобой?.. Так это правда?!» — Логову вдруг показалось, что грудь его раздвинулась и стало в ней просторно и легко. Он услышал, как сердце, которое тоже как будто расширилось на всю грудь, забилось гулко и часто.

Переполненный нахлынувшим счастьем, Виктор Петрович весь этот день ничего не мог делать. Он

дотемна бродил по городу, тыбирая тихие закоулки, где не было прохожих, читал любимые стихи, напевал знакомые песни, улыбался и говорил сам с собой.

Когда учитель вернулся домой и лег в постель, ему вспомнилась последняя встреча со Светланой, накануне отъезда.

Логов зашел к девушке вечером и уже на пороге, через несколько комнат, услышал приглушенные звуки «Элегического полонеза»: Светлана грустила. Виктор, осторожно ступая, двинулся навстречу этой музыке и этой грусти, которые были до слез близки ему. Девушка продолжала играть, повторяя пьесу. А Логов как замер в дверях, так и остался стоять неподвижно. Но вот Светлана мягко взяла последние аккорды и уронила руки на колени.

— Играй, играй! Еще играй! — прошептал Виктор.

Девушка быстро обернулась, вскочила и подбежала к нему.

— Витя, ты здесь? Я так ждала тебя! — тоже шепотом говорила Светлана, и глаза ее радостно сияли.

Логов как будто проснулся. Выйдя из того сладкого оцепенения, которое навевала на него музыка, он стал горячо и поспешно целовать милую, словно уже находился на перроне, у отходящего поезда, а Светлана провожала его. Виктор чувствовал на своем лице свежее дыхание девушки, прикосновение ее нежных пылающих щек и душистых волос к своим щекам. В эту минуту Логов, кажется, забыл обо всем на свете, кроме своего счастья. Но как ни странно, ему пришла мысль, что от него, наверное, пахнет плохим одеколоном, каким освежают в парикмахерских, и табаком, что Светлана, должно быть, слышит эти запахи и они неприятны ей.

— Все-таки завтра едешь? — спросила девушка с грустью и упреком.

— Да, уже билет взял, — ответил Виктор. — Работы много, Света, очень много работы.

— Понимаю, но неделю ты еще мог подождать.

— Если бы мог, разве бы я торопился. Поедем вместе! Квартиру мне должны дать. Я буду работать в школе, а ты — в больнице: медсестры везде нужны.

— Пока нельзя, Витя, маму жалко. Тяжело ей будет одной: папа недавно умер — и я уеду. Давай немного подождем.

— Пожалуй, ты права, — не сразу согласился Логов. — Я поеду, все устрою, тогда уже ты...

Так и решили. Они расстались на следующий день.

ГЛАВА 14

Тридцать первого августа в просторном школьном дворе было тесно и шумно от множества ребят. Крики, веселая болтовня, смех. Появление каждого ученика вызывало бурный восторг товарищей.

Многих не узнать: вчерашние подростки вдруг стали высокими юношами, так что прошлогодние брюки, к величайшему смущению молодых людей, едва прикрывали шиколотки.

Большая, пестрая и веселая семья школьников после летней разлуки вновь собиралась в дружеский круг.

Учителя, не успевая отвечать на приветствия, двинулись в гущу ребят. Ученики их окружили, заслонили, наперебой спрашивали каждый о своем.

Логов стоял на краю площадки, у небольшой трибуны, и старался найти в толпе своих ребят. Любу Поярцеву он узнал сразу по стройной фигуре и русым косам до пояса. Еще легче было заметить Вадима Храмова: он и здесь выделялся своей чрезмерной полнотой.

«А вот и Семен Гулько, — подумал Виктор Петров, глядя на рыжего парня, идущего мимо него разболтанной походкой. — Видно, не узнал меня после того случая. Ну и хорошо. Где же Степной?»

— Внимание! Внимание! — вдруг раздалось откуда-то сверху, покрывая звонкоголосый шум. — Говорит школьный радиоузел.

«Ишь ты! — удивленно обернулся Логов и увидел в окне второго этажа синий кружок репродуктора. — Недурно!»

— Товарищи учащиеся! — слышался ломкий ба-

сок юного диктора. — Объявляем порядок построения классов для предварительной проверки по спискам. Пятый «А» — классный руководитель товарищ Панасюк Тамара Львовна — строится с левой стороны площадки...

Логов заметил, как к указанному месту двинулась группа детей, как несколько других ребят и девочек из того же класса с разных концов двора бросились догонять товарищей. И вся большая смешанная толпа стала быстро распадаться на группы, где уже не было маленьких и больших, а подбирались ученики одного роста и одних лет.

К Виктору Петровичу подошел заведующий учебной частью.

— Наблюдаете? — заговорил он, поминутно оглядываясь по сторонам и делая какие-то пометки в блокноте. — Так, седьмые все... Восьмые? Где ваш? Ах, вон, вижу, вижу. Хорошо. Усиков! Ты почему не в строю? Что? Иди сейчас же!

Вскоре назвали класс Логова — восьмой «В», — и молодой учитель вместе с Валерием Дмитриевичем направился к ребятам.

— Здравствуйте, товарищи восьмиклассники!

— Здра-а-асты!!!

— Как отдохнули? — спросил Валерий Дмитриевич.

— Хорошо-о!!!

— Значит, пора за работу! Иначе наскучит и веселиться. В этом учебном году вы должны буквально с первых уроков серьезно взяться за дело: вы заметно повзрослели. Вот ваш новый классный руководитель — Виктор Петрович. Со всеми вопросами обращайтесь теперь к нему.

Заведующий учебной частью отошел. Ученики с любопытством поглядывали на нового учителя, перемигивались и о чем-то шептались.

Логов по списку стал отмечать присутствующих. Он еще раз убедился, что знает в лицо всех своих ребят.

Из тридцати двух учащихся на поверку не явилось четыре, и в том числе Степной.

Учитель тут же справился у старосты об отсутствующих, будут ли учиться и почему не пришли. О Степном Виктор Петрович хотел узнать подробнее, но вовремя спохватился.

«Не стоит расспрашивать о нем больше, чем о других, выделять его». — Учитель решительно вскинул голову.

— Ну, а как у вас с учебниками?

Несколько человек не имели книг по литературе, анатомии и немецкому языку. Логов записал.

— Виктор Петрович, а мы пойдем в наш класс?

— Уже никого нету во дворе! — зашумели ребята.

— Да, да, пожалуйста.

Ученики, обгоняя друг друга, бросились в школу занимать места. С учителем остались только Володя Светлов; прежний староста класса, Люба Поярцева и Галя Минская, черноволосая смуглая девочка.

— Виктор Петрович, а правда, что вы только кончили университет? — спросил Володя.

— Правда. А вы откуда знаете?

— Да так. Ребята сказали.

— Виктор Петрович, — заговорила Галя Минская, — а по какому предмету вы с нами будете заниматься?

— Я буду вести у вас литературу и русский язык.

На лестнице Логова остановил директор.

— Минутку, Виктор Петрович. Вы, девочки, идите. Почему вы оставили класс? Ваши учащиеся нарушают порядок. Если нужна моя помощь, я пойду с вами.

— Я сам! — Учитель поспешно поднялся наверх, подошел к классу. Там стоял необычайный шум и грохот. Ребята двигали парты, хлопали крышками, кричали. Некоторые пытались оттолкнуть девочек и занять их места.

Виктор Петрович молча замер у дверей. Ученики, заметив его, притихли. Все встали.

— Странно видеть за таким занятием советских школьников, — резко проговорил учитель. — Поставьте парты на место!

Логов, по-прежнему не двигаясь, выждал, пока

ученики выполнили его приказание, и медленно подошел к столу.

— Я надеялся, — продолжал он несколько мягче, — что восьмиклассники имеют представление о том, как нужно вести себя.

И уже спокойно Виктор Петрович сказал:

— Садитесь. Нам нужно выделить на завтра дежурных. Начнем с вас. — Учитель наклонился в сторону двух девочек, сидевших за первой партой. — А теперь запишите расписание на завтра: алгебра, литература, немецкий язык... Успеваете? Хорошо. Нам остается избрать нового старосту класса. Какие будут кандидатуры?

— Светлова!

— Володьку!

— Пусть Светлов остается! — раздалось со всех сторон.

— Так, я вижу, нам нечего и голосовать. Значит, решено: старостой остается Светлов.

«Не такие уж они строптивые, как я ожидал, — думал Виктор Петрович после собрания. — Впрочем, рано еще судить. А первую ошибку я уже сделал».

— Скажи, правильный учитель! — говорил в то же время ребята. — Ты смотри, какой молодой, а строгий!

— Мальцы, ша! Мы его завтра возьмем на пушку. Хоть он и лазил по квартирам, а меня не видал и других тоже. Как же он узнает? Погодите, еще Степняк придет...

ГЛАВА 15

Логов проснулся на заре, когда утро только начиналось. Сквозь окно в комнату просачивался тихий голубой полусвет.

«Сегодня в школу!» — вспыхнула первая мысль.

Учитель вскочил с постели, включил свет и по привычке прежде всего посмотрел на календарь.

«Первое сентября», — молча сказал календарь.

«Первое сентября!» — с тревогой и радостью подумал Виктор Петрович.

Еще с утра Логов заметил, что этот день не похож на остальные, что все вокруг стало другим и сам он становился другим: в нем начинало расти то новое, важное, чего не было раньше. Учитель сначала не понимал, а только чувствовал это новое и важное по охватившему его волнению, по той радостной тревоге и тревожной радости, которых он тоже никогда не знал. Сознание пока несло ему одни наметки, зародыши будущих мыслей: «...Сегодня начало... я сам... прекрасно!..» Несколько позже такие неоформившиеся мысли развились и сложились в более четкое рассуждение: «Сегодня начало большого и важного дела, которое мне доверили... Я должен все решать сам, своими силами, и сам понесу за все ответственность... это ново для меня, значительно и прекрасно!..»

Радостное волнение и светлая тревога ожидания начала достигли в сознании и чувствах Логова высочайшего напряжения то ли потому, что Виктор Петрович вообще отличался чувствительностью, то ли потому, что сама переживаемая минута была действительно необычайной, то ли по тому и другому вместе.

Все утро ходил он по комнате, потеряв способность что-нибудь делать. Развернул было тетрадь с планами и подробнейшими конспектами уроков, где все было рассчитано и предусмотрено, но читать не смог. И снова принялся ходить из угла в угол. Наконец часов около десяти, торопливо собрав в портфель книги, учитель отправился в школу, хотя старшие классы начинали занятия во второй половине дня.

...Идет урок. В коридорах пусто и тихо. Только изредка послышится из какого-нибудь класса голос учителя или прозвонит взволнованный дискант отвечающего ученика.

Логов с минуту постоял, прислушиваясь к этим звукам, и медленно пошел вдоль классов.

— ...Сотни называются единицами третьего ряда, — донеслось из-за первой двери.

«Здесь арифметика», — заключил Виктор Петрович.

— Яценко, прочти и отложи на счетах вот это число, — говорил певучий женский голос за второй дверью. Было слышно, как учительница водила мелом по доске, записывая число.

«И здесь арифметика».

— ...Маргарита Петровна! Маргарита Петровна! А мы с папой вот такого сома поймали! — кричал какой-то мальчик. — А потом...

Но его перебивали другие.

«Тут, видно, еще лето вспоминают...»

Логов обошел весь этаж и вернулся к учительской. Около двери он заметил, вероятно, только что выставленные рамки с какими-то надписями под стеклом. Они висели на стене тремя рядами. Виктор Петрович стал рассматривать их. Здесь были «Правила для учащихся», списки и фотографии отличников, Доска почета, грамоты городского комитета по делам физкультуры и спорта за неизменное первенство в соревнованиях.

«Молодцы!» — улыбнулся Виктор Петрович.

В учительской не было никого. Логов постоял возле стола, посмотрел расписание, затем на цыпочках подошел к шкафу (так подействовала на него царившая в школе тишина), взял с полки журнал своего класса.

Классный журнал, пока он чист, остается просто бумагой. Но сегодня, когда в нем начнут записывать уроки, ставить отметки, он превратится в коллективную биографию класса. Работа десятков молодых людей — час за часом, день за днем, на протяжении целого года, — их новые знания, успехи и неудачи, радости и огорчения — все это в своеобразной форме отразится здесь.

Прозвенел звонок, и в учительской вдруг стало тесно и шумно. Виктор Петрович видел взволнованные помолодевшие лица старших товарищей, слышал их оживленные голоса. И он яснее прежнего понял, что все самое дорогое в жизни этих людей — наша советская школа, наши советские дети. Им посвятили они свой труд, знания, надежды, все мысли свои и заботы и нашли в этом настоящее счастье.

А Логов, глядя на них, почему-то не чувствовал даже прежней радости. Напротив, тревога и боязнь мучили его.

«Хорошо им, — думал Виктор Петрович, — они знают свое дело, уверенно идут в класс. А я дрожу. Да хоть бы со своими первый урок провести, а то совсем с незнакомыми...»

К Логову подошло несколько учителей:

— Поздравляем вас, Виктор Петрович, с вашим первым учебным годом! Желаем вам самых больших удач!

Молодой учитель, признаться, не ожидал ни поздравлений, ни пожеланий. Внимание старших товарищей настолько тронуло и смутило его, что он не смог даже ничего ответить им, а только с благодарностью пожал всем руки.

* * *

Учитель вошел в класс. Десятки озорных, серьезных, насмешливых, ожидающих, голубых, серых, карих и самых различных глаз уставились на него: в класс пришел новый учитель.

Ребята стояли молча и внимательно разглядывали стройную фигуру Логова, его лицо, очки, университетский значок, руки, костюм и туго набитый портфель. Как все дети, они прежде всего старались определить, как нужно держать себя с новым человеком, что можно и чего нельзя при нем делать.

Первый урок для учителя своеобразный экзамен, он во многом определяет его будущие отношения с классом, и беда, если учитель покажет детям какую-нибудь свою слабость.

Логов знал это и старался следить за каждым своим движением, за каждым словом. Больше всего на свете он боялся выдать ребятам свое смущение, которое все возрастало оттого, что он молчал. В подобных случаях, чтобы побороть ненавистную робость, Виктор Петрович делал именно то, чего боялся. Он боялся заговорить с учениками и поэтому сказал:

— Я прошу вас встать как следует! (хотя все стояли очень хорошо).

Логов боялся двинуться с места и поэтому пошел от двери к столу тяжело, как на протезах.

Единственное, чего он боялся и чего не в силах был сделать, — это посмотреть ребятам в глаза.

— Здравствуйте! — излишне громко поздоровался учитель, глядя на чей-то высокий чуб.

— Здра-асть!!!

— Садитесь.

А в сознании Виктора Петровича настойчиво звенело: «Твердость, твердость и абсолютное спокойствие! Главное, не молчать!»

Прыгающими, непослушными пальцами Логов развернул журнал и стал вызывать всех по списку:

— Аванесов Николай.

Из-за парты в углу встал мальчик и сказал: «Здесь». Но ни лица, ни рук, ни даже фигуры — ничего ясно не различил молодой учитель, хотя смотрел в сторону ученика.

— Садитесь. Бабкина Рита.

Скрипнула парта у окна. И на этот раз Виктор Петрович вместо человека увидел серое пятно.

— Атомная бомба, — сказал кто-то, и сдержанный смешок пробежал по рядам.

— Садитесь. Гарина Вера.

Снова послышался смех. Сначала учитель не понял, в чем дело, но оказалось, что он искажил фамилию.

— Гирина, Гирина, а не Гарина! — поправили его ученики.

— Извините, — Виктор Петрович протер очки. — Садитесь, Гирина.

Эта ошибка и этот смех как-то сразу изменили всю обстановку урока: напряженность и натянутость почти исчезли, и Логов облегченно вздохнул. Он вызывал остальных учащихся и хотя по-прежнему не различал их лиц, но стал проще и естественней держаться перед классом.

Закончив переключку, Виктор Петрович решил приступить к беглому повторению основных тем

прошлогодного курса, чтобы потом объяснить новое. Он уже хотел порадоваться удачному началу урока, как вдруг обнаружил, что совершенно забыл все, что так подробно записал в своем конспекте.

«Спокойно! Спокойно! Не теряться! — сжимая зубы, подбадривал себя учитель. — Как же там начинается? Хоть бы на секунду заглянуть в тетрадь... Нет, нельзя: подумают, что я ничего не знаю. А что, если...»

— Ребята! — обрадованный счастливой мыслью, воскликнул Виктор Петрович. — Попробуйте-ка сами вспомнить, что вы изучали по литературе в седьмом классе! Кто скажет?

Поднялось несколько рук.

«Вот и отлично!» — вздохнул учитель. — Скажите вы.

Встала девочка.

— В седьмом классе, — заговорила она, — мы сначала прошли народные песни и былины: «Свитогор», «Илья Муромец», «Добрыня Никитич» и «Чапай». А потом мы учили Пушкина.

Виктор Петрович прекрасно слышал, что девочка именно так и сказала: «Мы учили Пушкина» вместо «изучали творчество Пушкина» или просто «изучали Пушкина». Однако эта ошибка не достигла его сознания: он улавливал только голос или отдельные слова, но не их значение. Учитель напряженно думал над тем, с чего начать объяснение нового урока (а к нему давно следовало приступить), но так и не нашел этого начала. Пока он выслушал всех ребят, поднявших руки, пока заглянул в план и, наконец, определился рассказывать, раздался звонок. Виктор Петрович растерянно остановился, потом торопливо продиктовал задание на дом и пошел к двери. Вдогонку ему кто-то спросил:

— А как вас зовут?

* * *

«Ну, наломал дров, — с горечью упрекал себя Логов, выйдя из класса. — Ведь засмеют как мальчишку! Что это будет? Что будет?»

В учительской Виктор Петрович молча пробрался к окну, закурил, жадно и часто затягиваясь, и простоял так всю перемену. Острый стыд за позорную и страшную, по мнению Логова, ошибку жег его.

Звонок заставил учителя вздрогнуть. Он резко повернулся, схватил портфель и журнал с надписью «8-й «В» и, обгоняя других преподавателей, быстро поднялся на второй этаж.

Ребята, издали заметив учителя, повалили из коридора в класс и с шумом занимали места. Когда Виктор Петрович затворил за собою дверь и взглянул на учеников, многие от него отвернулись, с трудом удерживая смех.

В классе никакого порядка: некоторые ребята продолжали сидеть, делая вид, что не замечают учителя; доска вся была размалевана мелом; кто-то, видно, пытался ее вытирать, но ему помешали; тряпка лежала на стуле, а стул висел на ручке окна.

Логов еще не успел выйти из того раздраженного состояния, когда недовольство собой легко переходит в недовольство другими. Это опасное для учителя и детей состояние тем не менее помогло Виктору Петровичу во время урока: класс требовал именно резкой и властной команды.

— Встать! — голос Логова накалился.

Большинство сидевших тотчас вскочило. Лишь некоторые поднимались медленно и неохотно. Один из ребят громко спросил:

— А вы кто такой будете?

Виктор Петрович побледнел. В его очень тихих словах задрожала суровая, едва сдерживаемая сила:

— Кем я буду — неважно, а пока я ваш классный руководитель. И вам, Гулько, пора это знать. Дежурные Минская и Поярцева выйти к доске!

Хотя многие ребята встречались с Виктором Петровичем у себя дома и все виделись с ним вчера, они никак не ожидали, что новый учитель так скоро запомнит их. С минуту в классе стояла какая-то даже странная для школы тишина, потом по рядам пошел

робкий удивленный шепот. Дежурные девочки, вот-вот готовые заплакать, подошли к доске, а Гулько сразу обмяк и трусливо согнулся над партой.

— Дежурные, приведите класс в порядок, — не поворачивая головы, приказал учитель. — Вы ответите за это безобразие!

— Виктор Петрович, мы... — начали было девочки, но учитель их прервал:

— Мы после поговорим! Выполняйте. Светлов, кто отсутствует?

— Нет одного Степного, — ответил староста. — Остальные здесь.

Когда дежурные вытерли доску и поставили стул на место, Логов разрешил всем сесть. Началось беглое повторение прошлогодней программы.

Класс работал хорошо. Лишь некоторые ребята незаметно подмигивали друг другу и улыбались, восхищенно поглядывая на учителя. Они поняли, что взять Виктора Петровича «на пушку», как было задумано, им не удастся: ведь этот нехитрый замысел строился именно на том, что новый учитель еще не успел запомнить ни их фамилий, ни лиц и, следовательно, любая шалость может остаться безнаказанной.

После пережитых волнений на Логова вдруг нашло спокойствие. Он уверенно вызывал учеников к доске, спрашивал, поправлял, если они ошибались. А когда начал объяснять новый урок, впервые в жизни почувствовал, как это радостно передавать свои знания детям. Вот они сидят перед ним, слушают и смотрят на него чистыми и такими серьезными глазами. Да, да, теперь он видел эти глаза! Он различал в них те мысли, какие вкладывал в свои слова. И вдруг открыл, что лица ребят меняются вместе с его лицом: когда он хмурил брови — и ученики хмурили брови; стоило ему улыбнуться — и многоликая улыбка обегала класс...

Звонок был для Виктора Петровича неожиданным. Учитель пожал плечами, недовольно покосился на дверь. И снова ребята повторили его движения.

ГЛАВА 16

Алексей Степной, видимо желая подчеркнуть этим свою независимость, явился на занятия второго сентября. Впервые Виктор Петрович увидел его стоящим у окна вестибюля.

Внешность Степного мало соответствовала той хорошей славе, которой он пользовался в школе: под небрежной путаницей каштановых волос матово светился просторный чистый лоб; редко мигающие серые глаза смотрели дерзко, и в них иногда пробивался острый металлический блеск (такие глаза не опустятся под вашим взглядом); узкий прямой нос был несколько длинноват; но полные губы поразили бы каждого своей свежестью и красотой, если бы не складывались так часто в презрительную усмешку.

Алексей прибыл в школу в прошлом учебном году и на новом месте сразу почувствовал себя как дома. Рассказывали, что он в первый же день нагрубил классному руководителю, избил двух мальчиков, прогнав их с задней парты, которую сам облюбовал, и сел один. Учился Степной кое-как, но преподаватели находили его способным. Ни с кем из ребят, кроме Гулько, он не сближался, а девчонок презирал. На уроках Алексей редко слушал учителя. Обычно он занимался своими делами: что-то писал в толстой черной тетради, ревниво пряча ее от чужих глаз, или читал, открыто положив книгу на парту. Руки он никогда не поднимал, к доске выходил, когда была охота, часто опаздывал на занятия, уходил с уроков или пропускал по несколько дней подряд. Классный руководитель Тамара Львовна безнадежно разводила руками: дерзкий новичок не признавал ее.

Естественно, что вопрос о поведении Степного был поднят сразу же после его прихода в школу, на ближайшем педсовете. Жалоб и предложений было одинаково много. Наконец постановили перевести ученика в другой класс, к более сильному и опытному педагогу. Кроме того, решили вызвать Алексея вместе с матерью на заседание педагогического совета. Но ни сын, ни мать на совет не явились. Некото-

рые учителя после этого случая предложили немедленно исключить «безнадежного хулигана» из школы, но директор оставил его.

— Выгнать всегда успеем, — сказал тогда Иван Федорович. — Заслуга не велика. Человека из него сделать — вот это заслуга. Видно, мне самому придется парнем заняться в следующем году. Теперь уже поздно: экзамены на носу. Ведь какой способный мальчишка! Неделями в школу не ходит, не учит ни черта, а успеваает же! Таких нельзя выбрасывать за борт.

Рудаков долго размышлял, кому из классных руководителей передать «норовистого парня». В это время приехал Виктор Петрович, и директор остановился на нем: молодой учитель как-то сразу ему приглянулся...

Степной по-прежнему одиноко стоял у окна спиной к Логову.

«Гордый одиночка! — глядя на него, подумал Виктор Петрович. — Лучше поговорить с ним с глазу на глаз: если и нагрубит, так никто не услышит».

Логов остановил мальчика из шестого класса:

— Вон у окна стоит ученик, да, да, Степной. Позови его ко мне.

Мальчик подбежал к Алексею, сказал. Тот, кажется, что-то небрежно бросил в ответ, но не двинулся с места и даже не повернул головы.

— Он говорит, что ему и без вас тошно, а меня к черту послал, — откровенно доложил шестиклассник.

Учитель отпустил мальчика и сам направился к Степному.

«Грубиян! Вот и потолкуй с ним. А, будь что будет!» — И вдруг, подойдя к Степному, Виктор Петрович совершенно неожиданно для себя произнес:

— Алексей, здравствуйте. Вы получили тетради?

— Нет, — растерянно ответил ученик, для которого такой вопрос тоже был неожиданным. Он ожидал, что его, как обычно, отчитают за дерзость или станут

допрашивать, почему он вчера не был в школе, хочет ли он учиться и тому подобное.

— Так возьмите, иначе вы можете остаться без тетрадей. — Не приглашая ученика, Логов направился в библиотеку, расположенную тут же в вестибюле. — Соня, выдайте Степному тетради, — обратился учитель к худенькой белокурой девушке за окошком и зашагал прочь.

«Для начала и это неплохо, — размышлял Виктор Петрович. — Я чувствую, что приказывать ему нельзя. С ним нужно завязать дружбу, конечно без панибратства, как со всеми ребятами. Да, да, пусть он увидит, что я отношусь к нему так же, как к остальным...»

Однако в тот же день Степной вынудил учителя забыть о дружбе.

Не успел Виктор Петрович на следующей перемене спуститься в учительскую, как его догнал староста Володя Светлов.

— Виктор Петрович! — зачастил мальчик взволнованно. — Там Степняк, фу, Степной и Гулько по-выгоняли всех из класса и стулом дверь заложили. И Храмова не выпускают. Он там плачет. Мы стучали, да не открывают.

Логов поспешил наверх. У дверей его класса толпились ребята. Дежурные семиклассники пытались оттеснить собравшихся, но толпа все прибывала.

В классе, закрытом изнутри, слышался смех и крики:

— Ишь, раскабанел! Надо физкультурой заниматься. Лезь на окно!

Виктор Петрович постучал в дверь.

— Немедленно откройте! — громко сказал он.

— Чего? — отвечали из класса. — Нам некогда...

— Брось, я Виктору Петровичу скажу! — донесся плачущий голос Храмова.

— Кому хочешь говори! Ну-ка, делай упражнения. Слышишь! А то вниз полетишь.

На стук учителя больше никто не отзывался.

«Как же быть? — Логов метался возле двери. — Что они там делают?»

Что делалось в классе, было видно со двора, где собралась почти вся школа.

На подоконнике открытого окна в одних трусах стоял Храмов и делал упражнения. Гулько сидел на карнизе, зычно командовал:

— Вдох! Выдох! Р-раз! Два!

Степной, сидя на другом окне, в такт команде бросал на землю брюки Храмова, тужурку, башмаки...

Толпа внизу покатывалась со смеху.

— Чего собрались? — вдруг загремел в коридоре директорский бас. Ученики расступились. — Марш отсюда! А ну, кто там, отворяй! — Иван Федорович с такой силой потряс дверь, что стул свалился.

В классе был один Храмов.

— Удрали, наглецы! — Директор выглянул в окно, за которым чернела пожарная лестница. — Ну, даром эта штука им не пройдет!

* * *

Домой учитель вернулся сумрачным и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Долго лежал он совершенно неподвижно, с открытыми остановившимися глазами, почти без мыслей (впечатления первых дней работы были слишком богаты и разнообразны, чтобы сознание могло сразу переварить). Но чувства давно сложились: острый до боли стыд перед учениками за обидные, глупые ошибки на первом же уроке, жгучее недовольство собой и тревога за будущее. А тут еще эта история со Степным и Гулько!

Как ложка дегтя портит бочку меда, так маленькое огорчение отравляет большую радость.

После нежного, призывного письма Светланы Логов был счастлив и отдался своему счастью не безрассудно, но со всею силой молодого, горячего сердца. И все, что он делал, о чем заботился, нисколько не мешало его чувству так же, как созревшее в нем чувство нисколько не мешало его работе. Напротив, оно помогало ему, умножало его силы, возвышало его.

Те влюбленные, которые хотят жить одним своим чувством, забыв обо всем другом, просто заблуждаются: любовь должна вести человека к людям, а не уводить от людей. Логов рано понял это. Он мечтал вместе с любимой девушкой трудиться для других. И вдруг Виктор Петрович увидел, что не умеет работать, что его хлопоты пустые и никому не приносят пользы. Разумеется, молодой учитель ошибался, но первые неудачи пробудили в нем такую мысль.

Митревна своим женским чутьем сразу поняла душевное состояние Виктора Петровича, как только он переступил порог.

«Что-то соседка моя закручинилась, — думала она, бесшумно подходя к двери в комнату Логова. — Лежит как пласт. Должно, беда какая случилась. Горе с этими озорниками! Разве не доведут? И обед стынет. Поставлю на плитку. Да как же я забыла: ему ж. нонче письма принесли! Отдать надо, может утешится...»

Митревна осторожно постучала.

Учитель встал.

— Пожалуйста, Лукерья Дмитриевна, заходите.

— Да заходить-то я не буду, а вот письма отдам. Нонче принесли.

Виктор Петрович поблагодарил и стал разбирать почту. Среди писем было несколько телеграмм:

«Поздравляю первым сентября.

Желаю успеха. Пиши. Аспирант *Коневец*».

«Поздравляю первым уроком. Желаю счастья.

Твоя *Светлана*».

Логов схватился за голову:

«Они поздравляют меня! С чем? Если б они знали!..»

Вдруг кто-то сильно застучал в наружную дверь. Митревна поспешила в сени.

— Виктор Петрович здесь живут? — спросил с улицы женский голос.

— Здесь.

В переднюю вошла школьная уборщица.

— Здрас-сьте в вашей хате! — проговорила она,

протягивая учителю какой-то сверток. — Вот вам Ольга Васильевна велели передать.

Виктор Петрович взял загадочный пакет, поблагодарил и вернулся в свою комнату.

«Что это может быть? — недоумевал он, стараясь прощупать сквозь газету завернутый предмет. — Книга или толстая тетрадь? Ну, конечно, книга: Елена Кононенко, «Мы и дети». Интересно!»

Логов перелистал несколько страниц, потом вернулся к началу и на внутренней стороне обложки увидел надпись:

«Юному коллеге по школе Виктору Петровичу Логову.

Никогда не отчаивайтесь, друг мой! Помните: чем труднее борьба, тем радостнее и значительнее победа. Эта книга подтвердит мою мысль.

Во-первых, обратите внимание на очерк «Два письма».

О. Грекова. 2 сентября 1949 г.»

Учитель задумчиво улыбнулся:

«Милый, славный вы человек, Ольга Васильевна!»

Логов просмотрел оглавление и нашел указанный очерк. Перед ним письмо такой же, как он, молодой учительницы Маши, и в письме почти те же, что и у него, мысли и чувства. Маша признается своей любимой учительнице Лидии Прокофьевне в первых своих неудачах, тревогах и сомнениях. Она думает, что ребята ее не любят и желают ей только зла, что из нее никогда не получится настоящий педагог, что напрасно избрала она эту профессию и тому подобное.

И вот ответ старой учительницы. Он адресован как будто не Маше, а ему, Логову, и написан не Лидией Прокофьевной, а Ольгой Васильевной:

«...Друг мой, выбрось из головы мысли о том, что ты не способна к педагогической работе. Знаю я тебя: педагог из тебя получится хороший. Нет большего счастья на земле, чем наш тяжелый учительский труд!

Ты огорчаешься, что ребята насмешничают? Да ведь не от злого сердца они — от глупости детской.

Все наладится у тебя. Ребята, которые кажутся такими жестокими, — народ добрый, честный. Тебе хорошо будет с ними.

Держи себя спокойней, вольней, солидней. Не террай спокойствия. Как бы у тебя на душе ни клокотало, держи себя в руках, не выдавай себя. Ребята хитрущие, заметят, если на тебя впечатление произвела их выходка».

— Так вот оно что! — воскликнул учитель. — Значит, все это не так страшно! А я-то, дурень!.. Ведь и Василий Борисович нам говорил: «Трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать!»

Просветлевший и ободренный, Виктор Петрович вышел на улицу. Было уже совсем темно, только окна домов блестели во мраке. И вдруг разом от края до края города вскипел электрический разлив, отхлынул раз-другой и засиял и заискрился в отдаленных поселках.

Насвистывая какой-то бойкий мотив, Логов широко зашагал по дороге...

ГЛАВА 17

— Виктор Петрович, зайдите ко мне, — говорил через несколько дней директор, направляясь в кабинет. — Ну, как дела? Любимцы ваши не пришли?

— Ох, эти любимцы, Иван Федорович! Нет, не пришли. Я к ним третий раз ребят посылаю. Их и дома нет. Пропали куда-то! Вы знаете, Иван Федорович, они ведь не только летом, а и зимой неделями дома не бывают. Значит, у них есть какое-то убежище. Только не представляю где.

— Верно, и в прошлом году зимой они так же вот набедокурили и скрылись. Да, загадочная история. Ну, а что вы с ними думаете делать? Может... исключить? — Директор хитро сощурился и забарабанил пальцами по столу.

— Исключить? Конечно, такой поступок требует самого строгого наказания, но исключать... Знаете, Иван Федорович, это линия наименьшего сопротив-

ления, это признание нашего собственного бессилия! Извините, но получается так.

— Что же вы предлагаете?

— Что я предлагаю? — Виктор Петрович с решительным видом поправил очки. — А вот что: нужно объявить им строгий выговор с последним предупреждением.

— Ах, как страшно!

— Снизить им оценку по поведению.

— Да, это их убьет.

— Разобрать их поступок на общешкольном собрании.

— Пожалуй.

— Кроме того, я у себя в классе работу проведу. Большинство ребят на моей стороне. Вот я и попробую настроить их так, чтобы проделки Степного и Гулько не находили сочувствия, а, наоборот, возмущали. Мне кажется, они перестанут безобразничать, когда увидят, что их шалости никого не смешат.

— О, это уже другой табак! — Рудаков улыбнулся впервые за все время разговора. — С этого и следовало начинать. А я уж было подумал, что вы по линии наименьшего сопротивления пойдете. Добро, Виктор Петрович! — Директор слегка хлопнул ладонью по столу. — Так мы и сделаем. Но помните и другое: Степного нужно разгадать, о нем вы должны знать все. Ясно? Тамара Львовна, да и не только она, ничего не добилась именно потому, что не знала, чем живет, чем дышит этот неотесанный, но сильный парень. Разгадайте его, увлеките чем-нибудь, подружитесь с ним как старший товарищ, и он пойдет за вами. Верно вам говорю! Ну, ладно. А как ваши уроки? Укладываетесь? План выполняете?

— Первый урок завалил, — признался Логов. — С объяснением не уложился: только начал — и звонок.

— Первый блин комом, как говорится. Ну, а сейчас?

— Сейчас ничего, укладываюсь.

Иван Федорович для чего-то переложил с одного места на другое стопку книг, потом взял в руки ключи от сейфа и, звякая, стал их перебирать.

— Виктор Петрович, — заговорил он, разглядывая бородку одного ключа, — вы, конечно, понимаете, что я не ради простого любопытства интересуюсь вашими уроками. Урок — это основная форма обучения и воспитания учащихся, это лицо учителя, его искусство. Вот как мы смотрим на урок. Нам важно знать, как вы его проводите, кто помогает вам, у кого вы учитесь. Я бы мог пойти с вами в класс и сам посмотреть, но считаю, что еще рано. Лучше вы расскажите. Ну, к примеру, чьи уроки вы посетили в последние дни?

— Я еще ни у кого не был, — тихо сказал учитель, опустив голову.

— Зря, Виктор Петрович! Совсем зря! Видите ли, вы все читаете разные методики, статьи и тому подобное. Конечно, печатные методики нужны — я не в том смысле, — их нужно знать! Но этого мало. Я вам скажу одно: методические разработки, по-моему, служат больше для повышения квалификации, для совершенствования, что ли, педагогического мастерства. А вам еще учиться нужно. Вот с этой-то целью вы и обращайтесь к старым учителям, беседуйте и, главное, ходите к ним на уроки. Это та же методика, только не в книжке, а на деле, живая, так сказать, методика. Опыт старших товарищей надо перенимать сразу же, буквально с первых дней. Мы не имеем права работать плохо — понимаете? — не имеем никакого права! Конечно, всякий труд ответствен, а учительский в особенности: ведь в наших с вами руках, дорогой Виктор Петрович, дети — завтрашний день советского общества и всего передового человечества. От того, как мы воспитаем вот этих мальчишек и девчонок, зависит и будущая наука, и искусство, и сама история. Верно вам говорю... Итак, мой дорогой, учите и учитесь. Обязательно побывайте у Ольги Васильевны, у Геннадия Максимовича, да мало ли у кого можно почерпнуть полезное!

* * *

Первыми Виктор Петрович посетил уроки Белова (учителя вели один предмет и были уже хорошо знакомы).

— Какими судьбами в нашу смену? — спросил Геннадий Максимович, удерживая в своей руке руку Логова.

— Принимайте меня в пятый класс, Геннадий Максимович: я решил стать вашим учеником.

— Ах так! На уроки ко мне будете ходить? Добро пожаловать!

Со звонком учителя вышли в коридор и направились в класс.

У Геннадия Максимовича была странная походка: когда он шел, его руки, гуловище и голова оставались без движения. Лицо Белова, напротив, постоянно менялось: то беглой тенью скользнет по нему легкая грусть; то лукавая усмешка тронет губы; а через мгновение нет ни грусти, ни лукавой усмешки; им на смену явится то заботливо-сосредоточенное выражение, какое бывает у педагога перед уроком, когда его мысли уже в классе, с учениками, ожидающими его.

Геннадий Максимович на ходу оправил галстук и пригладил волосы, хотя они были в полном порядке. Логов незаметно повторил его движения. Белов открыл дверь с табличкой «5-й класс «А», пропустил Виктора Петровича и вошел сам.

Дети уже молча стояли каждый возле своей парты, на которой были приготовлены нужные учебники и тетради. Какой-то белокурый паренек, прячась за товарищей, поспешно застегнул рубаху; другой мальчик наступил ногой на клочок бумаги. Но Геннадий Максимович все заметил, и только он слегка вскинул брови, как смущенный ученик нагнулся и поднял бумажку. Лишь после этого учитель поздоровался и разрешил детям сесть.

Логов занял последнюю парту, положил перед собой блокнот и часы. Уже по началу урока он видел, что Геннадий Максимович полный хозяин класса, что дети любят его и в то же время побаиваются.

В блокноте Виктор Петрович записал:

«1. Обращать внимание на внешний вид учащихся и санитарное состояние класса.

2. Научить ребят готовить все необходимое для урока во время перемен...»

Между тем Геннадий Максимович, не делая переклички (письменный рапорт дежурного лежал на столе), вызвал к доске двух учащихся и дал им по листку бумаги.

— Разделите доску пополам, запишите предложения и выполните все, что требуется. Внизу есть вопросы, — сказал учитель и, не теряя времени, пошел по рядам проверять домашнее задание.

Около одних ребят он задерживался и делал общие замечания; мимо других проходил, почти не взглянув в тетрадь; третьим приказал переписать все заново. Когда Геннадий Максимович обошел весь класс, мальчики у доски закончили свою работу.

— А теперь, друзья мои, обратимся к следующему, — указал учитель на доску. — Терников, читай предложение и вопросы.

Начался грамматический разбор. Геннадий Максимович встал у окна и говорил очень мало: он предоставил это право детям. И вот поднимаются десятки рук, указываются ошибки, возникают споры, приводятся правила. По разгоряченным лицам и по взволнованным голосам видно, что ребятам очень интересно рассуждать и доказывать с а м и м, без помощи учителя, что они ждали этого урока и готовились к нему.

Геннадий Максимович вызывал не только тех, кто хотел отвечать, но и других, по своему усмотрению, вероятно слабых, которые сидели молча. Вызванные чаще всего отвечали невпопад, сбивались, и тогда весь класс дружно ополчался против них.

Белов ко всему прислушивался и все запоминал. Лицо его беспрестанно менялось: при хорошем ответе оно выражало удовольствие, и ободренный ученик говорил уверенней; при слабом ответе оно становилось равнодушным; если же кто-нибудь из ребят начинал городить вздор, лицо учителя приходило в такое смятение, что напутавший ученик умолкал и опускал голову.

Впрочем, разбор продолжался недолго. Выслушав учеников, Геннадий Максимович боком подошел к доске и, водя по ней карандашом, сделал свое заключение. Нескольким ребятам и девочкам, которые отвечали больше других, он поставил отметки. Разобранные предложения переписали в тетради, после чего класс приступил к проверке домашнего задания.

Виктор Петрович был так увлечен ходом урока, что забыл о своем блокноте. Лишь теперь он спохватился и быстро записал:

«3. Уроки русского языка начинать с тренировки учащихся в письме и разборе предложений на определенные правила (подбирать заранее).

4. Научить детей рассуждать самостоятельно.

5. Чаще спрашивать отстающих, если даже они не поднимают рук».

Объяснение нового урока, к удивлению Виктора Петровича, заняло всего девять минут.

Геннадий Максимович прикрепил к доске яркий плакат, но развернул его не до конца, а так, что виден был только заголовок:

«Правописание безударных гласных».

Учащиеся записали в тетради новую тему.

«Замечательно! — восхищался про себя Логов. — Все понятно: ребята в споре и не заметили, что повторили как раз те правила, которые нужны для нового урока».

— Напишите, ребята, слово «тропинка», — говорил Геннадий Максимович, указывая это слово на плакате. — Скажи, Грибкова, на какую гласную здесь падает ударение?

— Тропи-инка. Ударение падает на гласную «и».

— Хорошо, садись. Подчеркните ее одной черточкой и поставьте ударение. А остальные гласные, Миронов?

— Остальные гласные «о» и «а» — безударные.

— Совершенно верно. Подчеркните только гласную корня «о» двумя черточками. Как она произносится в этом положении, Иваненко?

— Тропинка... трапинка... По-моему, как «а».

— Конечно, безударное «о» произносится, как «а». Хорошо! Запишите еще несколько слов: «пятая», «метель». (Геннадий Максимович по ходу объяснения все больше разворачивал плакат.) Итак, ребята, вы обнаружили, что безударные гласные произносятся нечетко, не так, как пишутся. Теперь подумайте, в каком же случае гласные произносятся четко, без искажений. Кто скажет? Ну, Американист.

— Гласные произносятся четко под ударением.

— Несомненно. Следовательно, что нужно сделать, чтобы проверить и правильно...

— Я скажу, Геннадий Максимович! — вдруг закричал тот самый белокурый паренек, который в начале урока прятался за товарищей, и сам испугался своего поступка. — Я нечаянно, Геннадий Максимович.

— Спокойно, спокойно, Коробов. Скажи.

— В общем, чтобы проверить, какую гласную нужно писать, нужно слово такое найти, чтоб ударение было, ну, в общем на эту гласную чтоб ударение было.

— Коряво сказано, но в основном правильно. Как же сказать лучше?

И дети с помощью учителя составили новое правило. Плакат был развернут до конца.

«Мастер! Настоящий мастер! — с хорошей завистью думал Виктор Петрович. — У него ребяташки сами рассуждают и приходят к выводу».

Оставшиеся двадцать минут Геннадий Максимович использовал на основательное закрепление новых правил самые разнообразные упражнения. Перед звонком он подробно разъяснил детям домашнее задание.

— Легкий урок!

— Я уже все знаю, — слышался в классе шепот:

И Логов впервые понял, что трудность и легкость урока больше зависят от учителя, чем от изучаемого материала.

Звонок. Ребята задвигались, слегка зашумели, но никто не вскочил и не побежал, хотя учитель вовсе не смотрел на них, делая запись в журнале.

— Урок окончен, — с улыбкой наклонил голову Геинадий Максимович. — До свиданья, ребята!

— До свиданья!!!

Трудно сказать, кого больше научил этот урок: детей или молодого учителя.

ГЛАВА 18

В субботу после занятий мало кто из школьников спешил домой: в этот день работали кружки.

Все кабинеты были открыты. Над микроскопом, за верстаком, у карты, на брусках в физкультурном зале, с кистью и пером в руках сосредоточенно трудились ученики.

Из лекционного зала доносились звуки песни. Там занимался хор. Тамара Львовна сидела за пианино и энергично ударяла пальцами по клавишам, дирижуя головой. Девочки и мальчики, стоявшие полукругом, дружно подхватывали мотив.

В самый разгар репетиции дверь отворилась, и в зал вошли директор и парторг. Они приветливо кивнули учащимся. Тамара Львовна, не переставая играть, обернулась. Иван Федорович торопливо замахал ей рукой: мол, продолжайте, продолжайте! — но учительница встала и спустилась со сцены в зал.

— Извините, что помешали, — сказала Грекова своим круглым голосом. — Мы не хотели вас прерывать. Но уж коль так случилось, давайте посоветуемся. А ребятшки, я думаю, пусть побегают пока. Чего ж им стоять?

Тамара Львовна разрешила детям отдохнуть.

— Не кажется ли вам... — Ольга Васильевна дождалась, пока дети вышли в коридор, и продолжала: — Не кажется ли вам, что наш хор звучит монотонно? Как вы находите, Иван Федорович?

— Да, да, — согласился директор, — все тянут на один лад.

— Я тоже об этом думала. — Молодая учительница виновато опустила глаза. — Но что делать? Такие ноты у меня. Вот, смотрите...

Тамара Львовна легко, как в танце, повернулась, подбежала к сцене и, не поднимаясь на нее, взяла с пианино кипу нот. Тонкое платье девушки, когда она, стуча каблучками, быстро шла обратно, плотно прилегало к ее груди и ногам, обозначив мягкие линии всего молодого тела.

«Ведь какая красавица! — подумал Иван Федорович, невольно задерживая на девушке взгляд. — А вот работа у нее что-то не клеится, хотя и третий год... Виктор Петрович, тот покрепче, главное, любит свое дело. Из него выйдет толк. Хотел я их поженить, да, видно, дела не будет».

— Вот что у меня. — Тамара Львовна развернула ноты. — Видите. Это все для солиста в сопровождении фортепьяно. И это. А для хора я ничего не нашла.

Ольга Васильевна со смущенной улыбкой перелистала несколько страниц.

— К сожалению, я ничего не смыслю в нотах. Вам, друг мой, следует обратиться во Дворец культуры. Там большой хор, опытный руководитель, и нужные ноты, конечно, есть. А я, что я? Знаю только, что в хоре бывает несколько голосов — и все.

— Верно, — подхватил директор, — зайдите во дворец. И потом, Тамара Львовна, у вас очень мало ребят. Мобилизуйте-ка старшие классы. Басы, басы! Верно вам говорю. Представьте, например, что я запел у вас моим несравненным басом. Как выиграл бы весь хор! — Рудаков рассмеялся так громко, что пианино ответило ему низким гулом басовых струн. — Ну, Ольга Васильевна, пойдете дальше?

Заметив, что Иван Федорович и Ольга Васильевна удалились, дети гурьбой повалили в зал. И вскоре звуки пианино и детские голоса снова разносились по зданию школы.

Медленно шагая вдоль классов, директор задумчиво глядел себе под ноги. Раза три он одобрительно кивнул головой и улыбнулся, видимо радуясь какой-то своей мысли. Грекова тоже молчала. В подобных случаях она не любила спрашивать, а ждала, когда собеседник сам начнет разговор.

— Ольга Васильевна, — заговорил Рудаков, — вот

мы были сейчас у наших физкультурников, радистов, хор слушали, да и другие кружки. У нас везде и всюду работой руководят учителя. Как, по-твоему, правильно это?

Грекова слегка наклонила голову и вскинула брови, что она делала всегда, когда затруднялась ответить сразу. Потом сказала:

— Разумеется, неправильно.

— И я считаю, что неправильно! — горячо продолжал Рудаков, как будто спорил со своей собеседницей. — Мы вредим ученикам нашими назойливыми «делай так, а так не делай», «вот тебе, деточка, готовый план — выполняй». Ведь это уже не руководство получается, а какое-то, понимаешь, вождение за ручку. Мы думаем, мы намечаем, мы организуем... А ребята? Им нечего делать! Откуда же у них инициатива творческая возьмется, когда мы сами душим ее?

— Вот именно!

— Да, да, мы сами растим их пассивными людьми, иждивенцами, которые самостоятельно шага сделать не могут! А от иждивенца до паразита недалеко. Что, не так?

— И до отщепенца, что в стороне от коллектива стоит, — добавила Грекова.

— А почему стоит в стороне? Потому что мы не всех ребят к общественной работе привлекаем: у одного, понимаешь, десять нагрузок, а у десяти — ни одной.

— Очень резонное замечание. Но привлекать мы еще как-то умеем, а вот увлечь работой — с этим у нас просто беда. В общем, Иван Федорович, вопрос такой, что походя не решишь. Нужно серьезно все обдумать и с товарищами посоветоваться.

— Да, на следующей неделе соберу народ.

Дверь класса, возле которой остановились Иван Федорович и Ольга Васильевна, на секунду приоткрылась. Из нее выглянула вихрастая мальчишечья голова, сделала большие глаза и исчезла. В классе послышался возбужденный шумок, потом стало тихо.

— Здесь, мне помнится, обычно Виктор Петрович бывает, — сказала Грекова.

— Да, да, — подтвердил Рудаков.

В классе работала редколлегия школьного литературного журнала.

На партах и подоконниках лежали многочисленные листы бумаги, исписанные и неисписанные, разрисованные и обведенные рамками, вырезки из журналов и газет, цветные карандаши, краски, кисти. На учительском столе стояла пишущая машинка. Маруся Приходько, девочка из класса Виктора Петровича, сосредоточенно била одним пальцем по клавишам и улыбалась каждой появляющейся букве. За партами сидело еще несколько ребят. Заведующий отделом прозы, девятиклассник Юрий Герасимов, рослый загорелый парень с крупными чертами лица, догрызал уже второй карандаш, редактируя критический обзор журнала. Лирический поэт Вася Зуйкин сидел, наклонив над тетрадью лицо, густо усыпанное веснушками. Иногда он вскакивал и взволнованно ходил по классу. Володя Светлов, высунув от усердия кончик языка, заканчивал иллюстрацию к рассказу четырнадцатилетнего юмориста Вени Рыжкина, который прыгал от восторга за его спиной.

Виктор Петрович правил стихи.

Когда директор и парторг вошли в класс, все встали.

— Здравствуйте, любимцы муз! — шутливо приветствовал кружковцев Иван Федорович, пожимая руку Логова.

Ребята ответили на приветствие и шумной толпой окружили вошедших.

— Иван Федорович, большое вам спасибо от всех нас за машинку! — сказал Герасимов. — Мы второй номер уже не пишем, а печатаем. Толково получается!

— Вот посмотрите! — Девочка, которая до этого сидела за машинкой, протянула директору первый экземпляр редакционной статьи.

— Сами печатаете? — спросил Иван Федорович, не спеша оценивать работу.

— Эту еще не сама печатала, — смущенно отвечала восьмиклассница. — У меня пока плохо выходит.

Все подошли к столу и стали рассматривать в машинке новую закладку, где отдельные буквы перебивались по нескольку раз, а в середине слов попадались тире и вопросительные знаки, исправленные карандашом.

— Ну что ж, — одобрительно наклонил голову директор, — две последние строчки напечатаны без ошибок. Уже хорошо. Я так не сумею.

— Иван Федорович, не создать ли нам курсы машинописи? — спросила Ольга Васильевна.

Ее предложение поддержали все:

— Добро!

— Правильно!

— Факт! Анна Васильевна хорошо печатает. Вот и пусть учит девочек.

Так и решили. Тут же, в классе, на курсы записалось пять человек.

Иван Федорович между тем уже сидел за партой и внимательно просматривал очерки, рассказы и стихи, намеченные к печати. Юные авторы с тревогой и любопытством поглядывали на него: директор неплохо разбирался в литературе и был взыскательным критиком. Однако Иван Федорович с видимым удовольствием читал страницу за страницей, и вдруг он громко рассмеялся, как смеются люди, привыкшие открыто и непосредственно выражать свои чувства.

— А подать сюда Веню Рыжкина! — сказал Иван Федорович, поднимая на ребят смеющиеся глаза. — Ай да молодец! Честное слово, молодец! Ну, присядь поближе.

Веня Рыжкин, низкорослый, коренастый паренек, с круглым лицом и озорными искорками в черных зрачках, смело подошел к директору, сел рядом.

— Сам писал?

— А кто ж за меня писать будет! Конечно, сам.

— Гм, недурно... А сюжет откуда взял?

— Как откуда? Из жизни. Надуманные ситуации, высосанные из пальца образы никогда не станут живыми. Это же главный закон искусства.

— И тут не подкопаешься! — Иван Федорович довольно потер руки и с улыбкой оглянулся на окружающих. — Ну, Рыжкин, а как ты сам оцениваешь свой рассказ?

— Как сам оцениваю? Рассказа-то еще нет, а то, что написано, никуда не годится. Все нужно менять.

— Сколько ты над ним работал?

— Полтора года и еще столько придется.

— Вот как! Твой отец, по-моему, шахтер.

— Да, наволоотбойщик.

— Кем же хочешь быть?

— Я не только хочу, а буду корреспондентом газеты.

— Правильно, сынок! Так и держи, не сворачивай.

* * *

Тамара Львовна после репетиции недаром задержалась в учительской: плащ и кепка Логова висели на своем обычном месте.

Чтобы не вызвать подозрения у подруг, которые настойчиво звали ее с собой на танцы, молодая учительница взяла с окна тетради и принялась их проверять. Но едва подруги успели выйти за дверь, как в руках Тамары Львовны вместо одного красного карандаша появился другой, употребляемый вовсе не для исправления ошибок. Потом и плоская пудреница с маленьким зеркальцем в середине, и крошечный флакончик духов, и рейсфедер, приспособленный для выщипывания бровей, были извлечены из сумки. Прислушиваясь к звукам в коридоре, девушка протерла зеркальце и стала проделывать со своим лицом те хранимые в тайне от мужчин операции, которые, однако, хорошо им известны и предназначены прежде всего для них. Закончив туалет, Тамара Львовна вернулась к тетрадам, но работа не клеилась. В голову приходили совсем другие мысли:

«Он меня не замечает или только делает вид. Конечно, он гордый и скрытный, никогда не признается. Однако вчера он так посмотрел на меня, так посмотрел, что все стало ясно. Какие у него красивые умные

глаза! И очки ему очень идут. А губы... Но что ж это его так долго нет? Сколько можно!..»

В это время за дверью слышались шаги.

«Наконец!» — облегченно вздохнула Тамара Львовна и сделала вид, что работает.

Вошел Виктор Петрович с объемистой папкой в руках.

— Вы тоже закончили? — спросила девушка.

— Да, закончил. В следующую субботу выпустим второй номер журнала «Наше творчество». Вот любуйтесь. — Учитель разложил на столе еще не сшитые листы с текстом, готовые рисунки, фотографии.

Тамара Львовна недолго их рассматривала.

— Прелесть! Прекрасно! Очень хорошо! — восклицала она. — Вам в какую сторону, Виктор Петрович?

— В какую сторону? Как в какую сторону? — не понял учитель.

Девушка не отвечала, потупив глаза.

— Ах, в какую сторону идти домой? — догадался, наконец, Виктор Петрович: таким неожиданным был для него этот вопрос. — В сторону шахты.

— И мне туда!.. — робко и смущенно проговорила молодая учительница.

— Так пойдемте вместе.

На улице моросил мелкий беззвучный дождь, называемый в народе мжичкой. Фонари были обведены искристыми кругами: светилась попадавшая в лучи водяная пыль. Холодная сырость неприятно покалывала лицо и заставляла вздрагивать всем телом.

— Какая мерзкая погода! — огорченно сказала Тамара Львовна, поднимая воротник.

— И в такой погоде есть своя прелесть, — возразил Виктор Петрович.

— Уж какая тут прелесть!

— А посмотрите на фонари: они похожи на огромные одуванчики. Правда? А ваш воротник в мелких-мелких бусинках дождя, он весь горит. Разве не красиво?

— И правда, красиво! — Тамара Львовна ласково посмотрела на Логова. — Вот я такая: пока мне не покажут, я сама не увижу...

Некоторое время они молчали. Девушка поскользнулась раза два, но ее спутник так и не догадался подать ей руку.

— Виктор Петрович, — снова заговорила девушка, — вы всегда и со всеми откровенны?

— Да, конечно, — отвечал молодой учитель.

— Вот скажите: если бы не мой намек, вы пошли бы со мной?

— Знаете, об этом я никогда не думал.

— И теперь жалеете?

— Нисколько: мы, кажется, не успели наскучить друг другу.

Тамара Львовна замедлила шаг и остановилась.

— Вот и мой дом, — проговорила она. — Заходите, если будет охота. У меня есть к вам одна маленькая просьба: принесите мне что-нибудь почитать.

— А что именно?

— Если можно, «Саламбо» Виктора Гюго.

Логов остолбенел.

— Я вас прошу, — повторила Тамара Львовна.

— Хорошо! — отвечал Виктор Петрович с иронией, которой девушка не заметила. — Я спрошу разрешения у Флобера.

— Ах, пожалуйста, спросите. Я вам буду очень благодарна. До свидания.

ГЛАВА 19

В воскресенье Логов ходил по квартирам своих учеников. Прежде других Виктор Петрович решил навестить родителей Степного и Гулько, потому что ребята две недели не являлись в школу.

Снова Первый Шурф. Те же покосившиеся и почерневшие лачуги, тот же террикон брошенной шахты, под ногами та же черная от угольной пыли земля. Только после вчерашнего дождя все кругом стало еще чернее. И снова учителю показалось, что перед ним старый, отживший мир.

У домишка, где жил Алексей, Логов остановился и через низкую изгородь, кое-как скрученную из

обрезков ржавой жести, железных прутьев и кусков проволоки, заглянул во двор. На лавке возле двери чистила кастрюлю пожилая женщина, но не та старуха хозяйка, которую знал Виктор Петрович, а другая, высокая и сухоощавая, в драном полушубке на худых плечах.

— Здравствуйте, — сказал учитель, когда увидел, что женщина заметила его. — Разрешите?

— Чего надоть? — не отвечая на приветствие, спросила она, и Логов почувствовал на себе ее недружелюбный взгляд.

— Вы мать Алексея?

— Ну, мать.

— Я учитель.

— Жалиться пришли? — Степная поставила кастрюлю на скамью, вытерла о подол руки.

— Нет, не жаловаться, — возразил Виктор Петрович и, не дождавшись приглашения, сам шагнул во двор. — Я пришел познакомиться с вами, посоветоваться.

— Було время — советовались и со мной, а теперича... — Женщина безнадежно махнула рукой.

«Казачка, что ли? — подумал Виктор Петрович. — Говор наш, донской. Сердитая тетка. И сын в нее».

— Алексей дома?

— Нету.

— Где же он?

— Неколи мне за ним глядеть.

— Но вы же мать! Должны же вы о сыне беспокоиться?

— Слава богу, не малолеток. Сам нехай об себе беспокоится.

— Странно! А если с ним случилось что-нибудь?

— Случилось? Сохрани, господи, и помилуй! — Испуг и страдание отразились на лице женщины. — Чего с ним?

— Да ничего. Я только спрашиваю, — поспешил успокоить родительницу Виктор Петрович.

Степная облегченно вздохнула и перекрестилась.

«Она очень любит его и знает, где он, — заключил

учитель. — Значит, у них нет секретов друг от друга. А мне от этого не легче, даже трудней».

Действительно, сколько и о чем Логов потом ни спрашивал женщину, она ничего не сказала ему.

Тогда Виктор Петрович зашел к хозяйке. Старуха была больна и лежала на жесткой и грязной постели, укрытая вонючим тряпьем.

«До чего довели! Этого нельзя так оставить!» — пришла учителю прежняя мысль. Он медленно и осторожно, как подходят к больным, приблизился к старухе, посмотрел в ее жалкое, страдальческое лицо.

— Вам плохо? — спросил Виктор Петрович и вдруг понял, каким глупым и ненужным был его вопрос, потому что больной не может быть хорошо.

Женщина, часто и шумно дыша, уставилась на Логова тусклыми глазами.

— Ох, доктор, — заговорила она слабым голосом, — ради бога, не надо в больницу... Я и сама помру.

— Я не доктор, я учитель.

— Учитель? Что надесь приходил?

— Да, да. Врача вызывали?

— Нонче был. Семка с им за «Скорой помощью» побег.

— Какой Семка?

— Да внук.

— Так Сема Гулько ваш внук?

— А кто же? Внук и есть.

— Значит, его отец — ваш сын?

— Не знаю, как и назвать. Вроде бы сын и не сын. Бог ему судья... Теперя мне уж недолго жить, нехай хоть похоронит по-людски.

Логов почувствовал, как в его груди поднялось что-то горькое и горячее, сдавило горло и мешало дышать. Это горькое и горячее вот-вот готово было вырваться наружу. Боясь показать постороннему человеку свою слабость, учитель сделал вид, что закашлялся, и торопливо вышел на улицу. За несколько минут добежал он до квартиры Гулько, но никого не застал дома.

«Что же делать? — в лихорадочном волнении думал Виктор Петрович. — Какая бесчеловечность! Мать умирает, а сын... Этого нельзя так оставить! И тот в профкоме... толстокожий бюрократ... Но что делать? Стой! Знаю!»

Логов поспешил домой. Чуть не бегом бросился он в свою комнату, не раздеваясь, даже не снимая кепки, сел за стол, схватил ручку и первую попавшуюся тетрадь.

«Пережитки прошлого», — размашисто написал Виктор Петрович на середине страницы. Подумал. Зачеркнул. Еще написал: «Судите сами. Фельетон». Поморщился, но оставил и быстро забегал пером по бумаге:

«Первое, что я услышал в семье Василия Захаровича Гулько, — это наглое, оскорбительное слово его сына; второе, что я там увидел, — это заплаканные глаза его жены; и третье — горе и страдания его матери, больной старухи, брошенной им на произвол судьбы.

Потом я познакомился с самим Василием Захаровичем. Он, по его собственному выражению, был «нерентабельным» после очередной гулянки. Немытый, нечесаный, с обрюзгим лицом, плохо держась на ногах, стоял он передо мной, учителем его сына, и ему не было стыдно. Нет! Он не постеснялся при мне обругать жену и потом уйти со своими «друзьями»-собутыльниками продолжать попойку. А его сын, школьник, в это время шатался по базару, дымя папиросой и «с шиком» сплевывая через губу; его жена бежала к соседям за куском хлеба; его большая старая мать умирала, быть может, от голода!»

До поздней ночи просидел Виктор Петрович над исписанной и исчерканной тетрадью. Утром он отнес фельетон в газету, и через несколько дней его читали и о нем говорили почти все жители шахтерского городка.

Быстрее обычного протрезвился Гулько-отец. Гулько-сын опять куда-то скрылся. Забыв солидность, метался по своему кабинету председатель профкома шахты (автор фельетона чувствительно задел и его). Состоялось, наконец, профсоюзное собрание, на кото-

ром Василию Захаровичу (да и не только ему одному) пришлось, как говорится, очень туго. Неблагодарный сын поневоле вспомнил о матери — у нее нашли крайнее истощение организма — и взял ее из больницы домой, тем более что после выступления газёты тяжелым положением престарелой женщины заинтересовался суд.

Конечно, все это сделалось не так скоро, как хотелось Логову, но он радовался, что помог людям в беде.

ГЛАВА 20

Виктор Петрович привык перед уроками проецировать в школьной библиотеке новые книги. И теперь с книгой в руках он стоял у стеллажа и вдруг почувствовал: кто-то сзади взял его под локоть и прислонился к плечу. Обернувшись, Логов увидел Тамару Львовну.

— Вас Иван Федорович зовет. Между нами: приехал главный архитектор города инженер Храмов, недовольный, хмурый такой. Будьте готовы, — прошептала девушка и, не выпуская руки Логова, повлекла его за собой.

Учитель хорошо знал, чем мог быть недоволен инженер Храмов, и давно ждал разговора с ним.

«А что я ему скажу? — проснулась беспокойная мысль. — Обидели Вадима крепко. Неприятная история. И я, конечно, больше всех виноват».

Дверь кабинета директора была приоткрыта. Логов заглянул в нее, спросил:

— Можно?

— Да, да, — откликнулся Иван Федорович.

Виктор Петрович вошел.

На диване в небрежной, даже несколько вызывающей позе сидел плотный, широкоплечий мужчина лет сорока. Откинув назад свою крупную голову с густыми черными волосами, он вприщур оценивающе смотрел на учителя. Но ни эта поза, ни этот взгляд не смущали Логова: он стал привыкать к тому, что на него постоянно устремлены десятки ребячьих глаз, гораздо

более острых и наблюдательных, чем глаза взрослых людей.

— Виктор Петрович, это Григорий Ильич, отец вашего Храмова, — сказал директор.

Познакомились.

— Он спрашивает, — продолжал Иван Федорович, с улыбкой глядя то на одного, то на другого, — он спрашивает, что это за школа у нас, если тут с детей штаны снимают. Вот и попробуйте ответить на такой вопрос.

Виктор Петрович понял, что разговор, видимо, обойдется без крика, что директор сумел настроить возмущенного родителя на мирную беседу, и был этому рад.

— Безобразный случай, о котором вы говорите, Григорий Ильич, не останется безнаказанным и больше не повторится. Но... — Логов задумчиво закусил губу, подыскивая нужные слова. — Но во всей этой истории, если хорошенько разобраться, есть здоровая мысль. Видите ли, с вашего Вадима давно пора снять штаны.

— Как это? — удивился инженер. — Пороть его, что ли?

Директор вопросительно вскинул брови.

— Не пороть. С него давно пора снять шерстяные штаны, бархатную куртку, которые он и в жару носил, все эти десять одежек. Пусть он дома, да и здесь на уроках физкультуры побегает в майке и трусах. Понимаете? Спортом ему нужно заняться: ведь он у вас жиром оброс.

Иван Федорович разразился громовым смехом. Григорий Ильич сконфуженно пожал плечами, потом и он рассмеялся, с шутливым испугом заслоняясь от Логова рукой.

— Так что Степной и Гулько, правда в уродливой форме, дали вам все-таки очень дельный совет, — с улыбкой продолжал Виктор Петрович. — И еще: вот вы освободили Вадима от физкультуры, у него справка есть. А признайтесь откровенно: справочка-то липовая, между нами говоря?

— Помилуйте, Виктор Петрович, помилуйте, не-

возможный вы человек! — взмолился Храмов. — Я ничего не знаю. Это все жена командует.

— Но главный-то архитектор вы! Вот и давайте вместе спроектируем хорошего советского человека — Вадима Григорьевича Храмова — и будем лепить.

Виктор Петрович и Григорий Ильич расстались друзьями.

ГЛАВА 21

Степной и Гулько не ходили в школу больше двух недель. Наконец они явились.

Виктор Петрович ни о чем не стал с ними говорить, а решил в тот же день провести классное собрание.

Заведующий учебной частью одобрил его план.

— Так, так, понимаю! — начал он, как всегда, быстро и горячо. — Вы хотите, чтобы сами ребята их распекли... — Валерий Дмитриевич наклонился к Логову, слегка тронув его за плечо, и вдруг резко выпрямился. — А вы знаете, это недурно, недурно! Сегодня собрание? Я к вам, пожалуй, загляну. Впрочем, не стоит: мое присутствие стеснит ребят.

Между тем Степной и Гулько как ни в чем не бывало вошли после звонка в класс. Алексей молча уселся на свое место, а его болтливый товарищ сделал «под козырек» и крикнул:

— Зубрилки, здорово! Наше вам! Припухаете?

Хотя все были в сборе, никто не ответил ему.

Гулько удивленно заморгал глазами.

— Степняк, ты смотри! Тут все, видать, в паиньки записались. Порядочек! Храм, ты обратно...

— Ну-ка, замолчи! — оборвал болтуна Федотов. Здоровенный неуклюжий переросток, был он выше и сильнее всех ребят в классе. — Пришел, так молчи.

Кому-нибудь другому Семка ответил бы дерзостью, а то и доброй оплеухой, но силача Федотова он боялся.

— Батя, ты не моги меня обижать. Я шутю... — Ученик не столько по незнанию, сколько из озорства искажал слова, видя в этом какой-то шик.

Прозвенел второй звонок, и в класс быстро вошел Валерий Дмитриевич (он вел физику). Все встали. Гулько, идя к своему месту, сделал испуганное лицо, комически затряс ногами, чтобы хоть этим рассмешить товарищей. Но заведующий учебной частью резко одернул его и вернул к доске решать сложную задачу. Начался урок.

* * *

В один из перерывов Логов объявил ребятам о классном собрании. Учитель опасался, что Степной и Гулько уйдут и таким образом нарушат все его планы. Поэтому Виктор Петрович дал некоторые поручения старосте и дежурным по школе, но дело приняло неожиданный оборот.

На последней перемене Степной, как обычно, стоял у окна, а Гулько, не найдя поддержки среди своих ребят, шептался о чем-то с шестиклассниками. Он подмигивал им, хихикал и делал какие-то знаки, указывая в сторону Любы Поярцевой. Девочка ничего не замечала: она повторяла по учебнику заданный урок. Семка, кивнув ребятам, которые не отставали от него, подошел к Любе.

— Цыпочка, лапочка, что вы читаете? — спросил он, как бы нечаянно кладя на плечо девочки свою руку.

Поярцева вспыхнула и резко оттолкнула мальчишку.

— Иди! Что тебе нужно?

— Ах, ах, простите! Дядя шутит. А где вы достали такой материи?

Прозвенела пощечина. Люба вырвалась из кольца ребят, подбежала к Степному.

— Алексей! — проговорила она, смело глядя ему в глаза. — Прогони этих... хулиганов!

И вдруг Степной, тот самый Степной, который еще вчера сам колотил девчонок и даже сегодня, всего лишь минуту назад, одобрительно посмеивался, наблюдая за Семкой, тот же Степной вдруг смущенно опустил перед девчонкой глаза. Алексея одинаково

поразило и то, что девочка просила его, нет, скорее требовала его помощи (никто еще не рисковал этого делать); и то, что она не плакала от обиды, как другие, а стояла перед ним гневная, решительная и такая красивая; и то, что обратилась к нему именно Поярцева.

Алексей поднял глаза, но по-прежнему не двинулся с места.

— Да ты, оказывается, тоже мямля! А я думала...

Люба резко повернулась и отошла прочь.

Степной покраснел до ушей, до затылка. Он хотел остановить девочку, но наткнулся на Гулько. Алексей злобно схватил товарища за шиворот и с такой силой толкнул его, что тот растянулся на полу.

«...Некрасивая история, но поучительная, — размышлял Виктор Петрович, после того как Поярцева сама рассказала ему о случившемся. — Я больше считывал на ребят, а оказалось — девочка... Похоже, что у них начинается дружба. Ну и пусть! Пусть дружат! Это хорошо».

После уроков Логов поспешил в свой класс, чтобы тотчас начать собрание. Когда он подошел к двери и потянул ее на себя, она не открылась. Из класса доносились возбужденные голоса:

— А-а, боишься!

— Вадика раздевать и в окно прыгать так не боялся!

— Пусти, говорю! — отвечал голос Алексея. — Тебя, что ли, боюсь!

Виктор Петрович улыбнулся: «Степного обрабатывают. Молодцы!»

Учитель решительно постучал в дверь, и она после этого распахнулась. У выхода стояло несколько ребят, и среди них — Алексей с книгами за поясом.

— В чем дело? — спросил учитель.

— Виктор Петрович, Степной не хочет на собрание оставаться! — отвечал за всех Светлов.

— Это почему же?

Алексей молчал.

— Впрочем, не будем терять времени. Садитесь

на места! — Виктор Петрович обвел взглядом учеников: не было одного Гулько.

«Это даже лучше, — решил учитель, — вдвоем они бы чувствовали себя увереннее. Главное, Степной здесь».

— Друзья мои! — неожиданно весело и быстро заговорил он. — Как вы думаете, о чем я вам сейчас расскажу?

Ребята вопросительно посмотрели на учителя, потом на Алексея, который, кажется, тоже был озадачен таким вопросом. Все знали, что собрание должно обсудить поведение Степного и Гулько.

Когда ученики сообщили об этом Виктору Петровичу, он отрицательно покачал головой:

— Нет. Я хочу рассказать вам одну интересную и поучительную сказку.

По классу прошел удивленный шепот, потом ребята уселись поудобней и замерли.

— Много тысяч лет назад, — начал Виктор Петрович, — далеко за морем, на восход солнца, жило могучее племя людей. Это были сильные и смелые люди. Они пасли стада, охотились на зверей, а после охоты пировали, пели песни, танцевали.

Однажды во время такого пира с неба спустился орел и унес одну из девушек. Пущенные из луков стрелы упали обратно на землю. Беспольными оказались и поиски. Так и не нашли девушку и забыли о ней...

Виктор Петрович с минуту помолчал. По лицам учеников он видел, что горьковская сказка была известна немногим. Вероятно, впервые слышал ее и Степной. Он сидел, скрестив руки на груди, и с плохо скрываемым любопытством смотрел на учителя.

— Так прошло двадцать лет. И похищенная орлом девушка неожиданно пришла сама. Только теперь она была измученной, иссохшей женщиной и вернулась не одна: она привела с собой юношу, красивого и сильного. Когда ее спросили, где она была эти двадцать лет, она ответила, что орел унес ее далеко в горы и сделал своей женой. Вот его сын, а отца уже нет в живых: когда он стал слабеть, то поднялся в по-

К стр. 64

следний раз высоко над землей и, сложив крылья, упал на острые скалы.

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их; только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. С ним разговаривали, но он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их, он не хочет делать этого. О! Тогда уж совсем рассердились они и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идет куда хочет.

В классе стояла напряженная тишина. И вдруг кто-то из мальчиков сказал:

— Точно как наш Степняк!

Все задвигались, зашумели, оглядываясь на Алексея. А тот лишь презрительно улыбался.

Учитель как будто ничего не заметил. После глубокой паузы он взволнованно продолжал рассказ о том, как гордый сын орла убил девушку, как люди, потрясенные невиданным преступлением, долго искали и, наконец, нашли для гордеца страшную казнь: они оставили юношу свободным и одиноким, назвав его Ларрой, что значит «отверженный, выкинутый вон».

Ребята сначала не поняли, в чем состояла тяжесть этого наказания, но конец знаменитой сказки объяснил им все.

Виктор Петрович умолк и некоторое время стоял неподвижно. Потом он обратился к ученикам:

— Я вижу, что сказка вам понравилась.

— Еще бы! — отвечал класс. — Замечательная сказка! А кто ее написал?

Учитель улыбнулся:

— Вот это я хочу спросить у вас.

Одни пожали плечами, другие задумались. Лишь несколько человек подняли руки, и выше всех Володя Светлов.

— Скажите, Светлов.

Мальчик вскочил, как на пружинах.

— Эту сказку написал великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький. У него есть несколько рассказов под заглавием «Старуха...», старуха, кажется, Изгиль...

— «Старуха Изергиль», — поправил учитель.

— Ага, Изергиль. Точно! Там и про Данко рассказывается.

— Молодец, Светлов! Садитесь. Рассказ о Данко нам пригодится. Вы пока вспоминайте его. Я вас еще вызову... Ну, а теперь поговорим о Ларре. Какое мнение о нем сложилось у вас?

Поднялись десятки рук. Первое слово учитель дал Гале Минской.

Минская, черноволосая и смуглая девочка, отличница с первого класса, всегда во время уроков сосредоточенно глядела в книгу или тетрадь, только в случае крайней необходимости поднимая глаза на доску. Она постоянно что-нибудь помечала, записывала, подчеркивала и, казалось, ничего не слушала. Но ее можно было спросить в любое время, и всегда она отвечала верно, основательно и без поспешности.

— Конечно, поведение Ларры мы не можем считать хорошим, — как всегда, неторопливо заговорила девочка. — Он очень горд и любит только себя. Это настоящий эгоист, который считает себя лучше всех в мире, а других людей не признает. Хотя в Ларре есть и положительные качества, например смелость, большая сила, ну, и еще... он в общем красивый, но эти качества никому не приносят пользы, а, наоборот, вредят. Таким людям нет места в обществе. Вот и все.

— Хорошо! — Виктор Петрович одобрительно наклонил голову. — Кто еще? Светлов, пожалуйста.

Староста класса Володя Светлов был худеньким парнишкой, быстро идущим в рост, как молодой стебель; его крупная стриженная голова со смуглым лицом и юркими черными глазами постоянно верте-

лась. Когда Володя отвечал урок, он переминался с ноги на ногу и размахивал руками.

— Галя правильно сказала, — начал мальчик горячо, — Ларра эгоист! Конечно, эгоист, раз он ни с кем не считается, а только себя любит. Советские люди не должны быть такими. Они должны жить и работать, чтобы всем помогать, в общем всему народу, а не только себе. А вот ты, Алеша (Володя обернулся к Степному), ты все делаешь, точно как Ларра: он не признавал старших и вообще людей — и ты тоже; он гордый — и ты гордый, — вот прямо все точно, как будто про тебя писали. И еще: Ларру люди от себя прогнали — и тебя, наверно, скоро из школы выгонят. Хоть и сказка, а здорово похоже! Вот Данко совсем не такой...

— Данко?

— А кто это? — зашептали ребята.

— Светлов, расскажите нам о Данко, — предложил мальчику Виктор Петрович.

Володя коротко передал содержание легенды и продолжал:

— Данко любил свой народ в тысячу раз больше, чем себя. Это настоящий герой, не то что Ларра. Он сам умер, да зато целое племя от смерти спас.

...А Степной улыбался по-прежнему и часто зевал (именно тогда, когда на него обращали внимание). Но эта его улыбка и эти зевки не могли скрыть от Виктора Петровича некоторое беспокойство, охватившее ученика. Волнующий рассказ, как будто в самом деле написанный не о Ларре, а о нем самом, справедливые упреки товарищей заставили Алексея взглянуть на себя иными глазами. И если юноша продолжал молчать и презрительно улыбаться, то уже не потому, что отрицал свои ошибки, а потому, что нельзя было так скоро исправить их и стать другим человеком.

Виктор Петрович отлично понимал состояние ученика и не настаивал на том, чтобы он сейчас же дал какие-то обещания. Поэтому учитель только прочитал приказ директора, в котором объявлялся строгий выговор Степному и Гулько, и отпустил ребят.

Как-то утром, подняв глаза от тетрадей, Виктор Петрович увидел в окне шахту, прежде скрытую зеленой стеной деревьев.

Кончалась первая четверть. Притихшие ребяташки трудились в школах над контрольными работами, деловито сопели, согнувшись над партами, скрипели перьями, грызли ручки, марали чернилами лица и руки. После уроков дети окружали учителей, наперебой спрашивали ответы к задачам или трудные слова из диктантов, радовались и огорчались.

Провел в своих классах четвертное сочинение и Виктор Петрович. Теперь он сидел за проверкой.

Логов полюбил эту работу: было что-то волнующее и радостное от сознания, что в ученических тетрадках он увидит не только труд ребят, но и свой труд, поймет, что он хорошо делал и что плохо, так как удачи и ошибки детей — это прежде всего удачи и ошибки учителя.

«Вот интересно, — размышлял Виктор Петрович, — прочтешь страничку, иногда всего несколько строчек, а уже видишь, знает ученик тему или нет, какое у него развитие, способности. Даже характер можно определить».

Учитель проверил одну работу: крупные торопливые буквы, кое-где не доведенные до конца; твердые запятые, поставленные без всякого колебания, и ни одной поправки, хотя сочинение писалось без черновика; мысль четкая, уверенная. И Виктор Петрович живо представил себе Володю Светлова.

«Ну, ты у меня молодец! Врожденный философ. «Пять!»»

А вот другая работа, Маруси Приходько. Девочка мучилась над словом «интеллигенция». Она стирала одни буквы и ставила другие, потом и эти соскабливала бритвой и надписывала сверху третьи, наконец все зачеркнула и решительно вывела: «энтилегенция».

«Четыре ошибки в одном слове! Горе мне с тобой, Приходько! А намазала, намазала!..»

Виктор Петрович вспомнил Марусин ответ на последнем уроке. Выйдя к доске, она долго молчала. Логов успел до подробностей изучить ее лицо: смуглая кожа в белесых пятнах и прыщиках; на левой стороне вздернутого носа — темная родинка; под узкими, едва заметными бровями — маленькие серые глаза, испуганные и просящие. Казалось, девочка все время жила в страхе и отовсюду ждала беды.

«Вот о ком я почти ничего не знаю. Нужно еще зайти к ней домой», — решил учитель и, обращаясь к Марусе, спросил:

— Что мешает вам учиться?

— Ничего... — как-то слишком поспешно возразила Приходько, и в ее глазах снова промелькнул испуг.

— Впрочем, об этом после... Так помните вы годы жизни Грибоедова?

Теребя свою жиденькую овсяную косичку, девочка, наконец, ответила:

— Александр Сергеевич Грибоедов родился в 1795 году, а помер в 1929 году.

Дружный смех прокатился по классу.

— Ого! — воскликнул Володя Светлов. — Сто тридцать четыре года прожил! Хорошо бы было!

Виктор Петрович отложил Марусину тетрадь и взял следующую — Вадика Храмова.

«Полковник Зубоскал, — писал Храмов, — приказал поставить всех фельфебелей и Вольтеров и успокоить их палочной дисциплиной...»

«Зубоскал вместо Скалозуба — оригинально! — смеялся учитель. — А содержания комедии, дружок, ты не знаешь. Впрочем, это уже моя вина...»

Тетрадь Храмова после проверки трудно было узнать: из фиолетовой она стала красной. Над строчками и под строчками, на полях и прямо поперек текста легли то крупные, то убористые надписи, разнообразные пометки, линии, значки. Виктор Петрович заботливо исправил каждое слово, неподходящее по смыслу, каждую ошибку и внизу аккуратно вывел: «1».

Работа Степного отличалась прекрасным лите-

ратурным слогом и хорошей грамотностью, но выполнена была небрежно. Учителя особенно поразило заключение:

«Таким образом, весь допушкинский период можно назвать предисловием к русской литературе: Александр Сергеевич Пушкин по праву стал первой и лучшей ее главой».

«Ведь как сказано! Алеша, ты же умнейший парень! Почему же ты замкнулся, ушел в себя? И что мне с тобой делать?»

Учитель встал и долго ходил по комнате.

Темнело. В окно заглядывало выцветшее осеннее небо. И земля в сумерках тоже потеряла свои краски: шахта, дома, безлиственные сады — все было одинаково серым. Лишь изредка вспыхнет где-нибудь в зарослях багровый лист, как последняя искра догорающего лета, и погаснет во мгле...

«Почему Светлана не пишет?.. Что она делает сейчас?..» — Логов закурил и остановился возле открытой форточки. И одна за другой замелькали в сознании Виктора Петровича те необычайно привлекательные картины-мечты, которые теперь заменяли ему настоящие встречи с любимой девушкой. То представлял он, что Светлана приехала к нему в Н. Вот она входит в комнату, взволнованная, радостная, светлая. А он стоит и не может шага шагнуть. Он еще не верит, что все это правда, но вдруг срывается с места, бежит ей навстречу и... — можно задохнуться от счастья! — действительно чувствует на своих губах теплоту ее губ. Они не могут говорить, они только чему-то до глупости долго смеются и смотрят друг на друга. То рисовалась ему другая картина, что сам он приехал к Светлане в Р. Вот он встречает ее на улице... нет, лучше дома. Она сидит за роялем, играет что-нибудь из Чайковского или Шопена. Он, Логов, незаметно подходит к ней и... — можно задохнуться от счастья! — чувствует на своих губах теплоту ее губ...

Если эти картины — а было их очень много — начинались по-разному, то кончались они все одинаково. Но, несмотря на то, что все они кончались оди-

наково, Виктору Петровичу не надоедало думать об одном и том же. Напротив, именно это одинаковое больше всего было приятно ему.

Виктор Петрович вздохнул и снова принялся за тетради.

Быстро летело время. Уже поредели огни в окнах домов, уже зароились на улицах светлячки шахтерских лампочек (близилась ночная смена), а учитель все сидел, склонившись над столом, хотя красный листок календаря с утра твердил об отдыхе. В полночь Виктор Петрович почувствовал, что у него болят глаза, голова стала тяжелой, интерес к ученическим сочинениям почти пропал. Логов несколько раз ловил себя на том, что прочитывает фразы механически, не вникая в их смысл и не замечая ошибок.

«Довольно! — сказал он себе и бросил карандаш. — Пустая трата времени. Сколько ж я их...»

Он пересчитал проверенные тетради: тридцать одна работа за шестнадцать часов.

«Так медленно... А ведь у меня этих сочинений вон какая гора, сто тридцать штук! Когда ж я их все проверю? И так уже, кажется, почти не сплю... Да, трудновато...»

ГЛАВА 23

Близилась Октябрьские торжества.

Город похорошел: на фасадах зданий, на воротах и в аллеях парка укрепили портреты вождей, плакаты и флаги; а вечерами, бросая отсвет на низкие облака, рассыпалась огнями многоцветная иллюминация.

Дети начинают праздник раньше взрослых. И Виктор Петрович на уроках видел, что хотя ребята и слушают его и как будто записывают правила, но в мыслях у них уже не придаточные предложения и не причастный оборот.

Утром седьмого ноября, до начала демонстрации, Логов сел побриться. Закусив перед зеркалом нижнюю губу, он принялся скоблить лезвием свой узкий подбородок.

«Тоший ты, брат, Виктор Петрович, — рассуждал сам с собой учитель. — И лысеть начинаешь. Скоро твой просвещенный лоб утратит последние остатки декоративной растительности, на макушке у тебя образуется целая танцплощадка, и, к удивлению своих учеников, ты примешь вид облупленного яйца. Когда ты войдешь в класс...»

— Витя! Вам телеграмму принесли! — вдруг крикнула через дверь Митревна.

— Что? От кого?

Виктор Петрович выбежал в переднюю и выхватил у почтальона синий телеграфный бланк.

— От Светы!.. Ох, простите, пожалуйста! Спасибо. Что? А-а, расписаться...

«Витя, поздравляю Великим Октябрем.

Желаю счастья, здоровья, успехов.

До скорой встречи. Твоя Светлана».

«До скорой встречи?! Да, так и написано: «До скорой встречи. Твоя Светлана». Значит, она сама придет, моя Светлана! Придет! Скоро!..» — Виктор Петрович все читал и перечитывал телеграмму, хотя уже знал ее наизусть.

Наспех закончив бритье, Логов быстро оделся и пошел в школу.

Во дворе начинали собираться дети, веселые, шумные, нарядно одетые. Виктор Петрович отыскивал своих учеников и поздравил их с праздником. Те, окружив учителя, хором поблагодарили его и, в свою очередь, поздравили с праздником.

— Виктор Петрович, а мы читали ваш фельетон! — сказал Светлов.

— Здорово вы про Гулько написали!

— Семка и на демонстрацию не пришел: стыдно небось показаться, — заметил Федотов, оглядывая двор через головы ребят.

— Так ему и надо, — ухмыльнулся Вадик Храмов, — в газету попал! Теперь все над ним смеяться будут.

Учитель посоветовал:

— А вы не смейтесь и других останавливайте.

Ошибиться может любой из нас. И Сема, конечно, нехорошо делал, но теперь исправится.

Храмов надулся и отошел.

— Виктор Петрович, вы и раньше писали в газете? — спросила Люба Поярцева.

— Писал.

— Значит, вы писатель?

— Ну нет! Стать писателем не так просто.

В это время раздался мощный голос репродуктора:

— Внимание! Внимание! Говорит школьный радиоузел.

Товарищи учащиеся! Напоминаем порядок построения колонны.

Мальчики восьмых-десятых классов строятся у ворот...

Через несколько минут послышался четкий барабанный такт, и школьники двинулись по улице.

В больших городах парады и демонстрации продолжаются чуть ли не целый день. Глядишь и диву даешься, откуда валят без конца эти толпы ликующих и счастливых людей, поднимающих к солнцу яркие знамена, лозунги и докрасна раскаленные звезды.

А в маленьком шахтерском городке скромнее и тише проходят праздничные дни. Никакого парада здесь не было, и демонстрация заняла не больше часа. Но пестрый человеческий поток нес те же знамена, лозунги и звезды, и то же счастье сверкало в глазах людей.

Колонну школьников к трибуне пропустили первой.

Виктор Петрович залюбовался стройными рядами детей. Радостные, весенние лица, песни, цветы, полыхание алых полотен, издали похожее на широкое зарево, — все это как будто бросало вызов угрюмому осеннему небу.

«Какой контраст! — подумал учитель. — Светлячок мой, ты теперь тоже на демонстрации и, может быть, тоже думаешь обо мне. «До скорой встречи». Да, да, мы скоро будем вместе и на всю жизнь! Не

ужели это правда?» — Логов хотел перечитать телеграмму, которую взял с собой, но раздумал: «Нет, потом...»

— Урра-а-а!!! — прокатилось по колонне.

Виктор Петрович с недоумением посмотрел вокруг, затем, как бы извиняясь за свои мысли, виновато улыбнулся людям, стоявшим на трибуне, и с тою же улыбкой взглянул на ребят. А когда уже позади него послышалась новая здравица в честь комсомола, он вместе с учениками радостно прокричал «ура».

После демонстрации Логов пошёл к речке. Долго сидел он на берегу совершенно неподвижно, потом вдруг вскинул голову, поднял руку и медленно, с остановками, как складывались в его сознании стихи, прочитал:

По дорогам стальным кто куда,
Часто-часто дыша от скорости,
Голубые бегут поезда,
На колеса мотая версты.

Где ж тот поезд, что жду я давно,
Жду и в светлые дни и в ненастье?
Где тот поезд, что в утро одно
Привезет мне желанное счастье?..

ГЛАВА 24

После классного собрания Степной ходил мрачный, ни с кем не разговаривал, даже с Гулько, но и не затевал своих обычных безобразий.

Виктор Петрович напряженно следил за учеником. Теперь, когда Алексей задумался о своем поведении, когда он усомнился в прежних своих понятиях, а новых еще не приобрел, нельзя было оставить его одного. Но в то же время и попытки помочь ему, даже самые осторожные, могли оказать противоположное действие: Степной был слишком горд.

«Действительно, мудреная задача, — качал головой учитель. — Начало есть, однако главное... Чем

же он все-таки интересуется? Книгами? Какие книги он читает? И что это за черная тетрадь?»

Логов прежде всего старался определить главный интерес ученика, тот интерес, который двигает всеми поступками человека. Учитель понимал, что открытие этого интереса и правильное руководство его развитием помогут ему руководить самим человеком. А если этот интерес порочен? Тогда нужно привить другой, полезный для общества интерес.

Наконец на одном из уроков Виктору Петровичу показалось, что он приблизился к разгадке. Задав ребятам несколько вопросов из теории литературы, Виктор Петрович обнаружил, что ученики не помнят ни одного стихотворного размера, и решил объяснить.

Хорей, ямб, дактиль...

Степной, никогда не смотревший на доску, теперь не отрывал от нее глаз. Заметив на себе взгляд учителя, он отвернулся и зевнул.

Виктор Петрович старался не смотреть больше на дерзкого ученика, а сам подумал:

«Он интересуется стихами. Определенно интересуется!..»

На дом учащимся было задано выписать из произведений любимых поэтов по два-три примера на каждый стихотворный размер.

К следующему дню все ребята выполнили задание, все, кроме Степного.

«Неужели я ошибся? — досадовал учитель. — Проверим еще раз...»

Стали читать стихи. Виктор Петрович незаметно наблюдал за Степным, но тот, казалось, был совершенно равнодушен и к ямба, и к хореем, и ко всему на свете. Лишь один раз, когда Маруся Приходько нарушила размер в строке:

«...И на холме среди желтой нивы...» —

Степной презрительно поморщился.

«А ведь он чувствует ритм», — заметил учитель.

На перемене Алексей впервые за все время подошел к Виктору Петровичу.

— Я не понял, что вы там объясняли, — сказал он сквозь зубы.

Логов с дорого стойшим ему спокойствием отвечал:

— Оставайтесь после уроков.

— И я останусь!

— И я! — раздалось несколько голосов.

Алексей нахмурился и отошел.

— Пожалуйста, ребята, — сказал Виктор Петрович. — Вы тоже не поняли? Сегодня после уроков я буду здесь...

Вечером Логов направился в свой класс, чтобы провести дополнительные занятия. За партами сидели Сережа Федотов, Вадик Храмов и Маруся Приходько. Степной не остался...

ГЛАВА 25

Ольга Васильевна как-то сказала Логову:

— Для учителя, друг мой, очень важно постоянно держать в поле зрения весь класс, никого не выпускать из виду. Нельзя, к примеру, заниматься сначала Степным, а потом Храмовым, нельзя забывать о хороших учениках, когда есть плохие. Всегда, обо всех вместе и о каждом в отдельности должны вы заботиться, друг мой!

Виктор Петрович хорошо запомнил эти слова.

«В самом деле, — размышлял он, — я начал увлекаться Степным, забывая о других ребятах. Вовремя она меня предупредила. А Храмовым пора заняться... И Светловым тоже. Они друзья, и такие разные. Что же сближает их?»

Светлов и Храмов действительно были друзьями, хотя ни в характерах, ни в интересах, ни в развитии, казалось, не имели ничего общего и жизнь одного проходила совсем не так, как жизнь другого.

* * *

Когда Светлов проснулся и спустил ноги на холодный пол, вздрагивая всем телом, Храмов еще слюнявил во сне подушку.

— Ма! — крикнул Володя и выбежал в кухню.

Но матери уже не было: рано утром она всегда спешила в детский сад, где оставляла до конца работы Володину сестренку Леночку.

Мальчик покачал головой, потянулся и стал делать зарядку. Сначала он двигался медленно и вяло, но потом размялся и начал прибавлять к упражнениям такие выверты и выкрутасы, каких не найдешь ни в одном гимнастическом комплексе.

— А теперь приступим к водным процедурам, — сказал Володя и ногой распахнул дверь в холодные щелистые сени.

— У-уф! — вырвалось у мальчика, но он, фыркая и отплясывая над тазом, все-таки умылся до пояса. — Бр-р-р! Вот холодина! Треба дров нарубить. Климат в хате как на льдине у папанинцев.

Володя быстро оделся, выбежал во двор и, достав из сарая сучковатый чурбан и колун, принялся за работу.

— Батарея, огонь! — приговаривал он и со всего маху рубил колоду. — Р-раз! А-а, не сдаешься? Ну-ка еще!.. Огонь!

А Вадик тем временем еще спал в теплой комнате, и мать, подходя к нему в третий или четвертый раз, умоляющим голосом просила:

— Вадик, детка! Ну, вставай! Когда же ты уроки будешь делать?

— Отстань! — огрызнулся Вадик. — Когда да когда... Сказал, встану — и встану!

— Ну, поспи, поспи, сынок, только не сердись... Это все Виктор Петрович! Учитель-то без году неделя, а какой самоуверенный тон! (Эльвира Сидоровна никак не могла простить Логову тот разговор, что был еще в августе.) Разве можно столько задавать? Ребенок должен спать нормально...

Володя уже успел нарубить дров, уже сбегал за водой, растопил печь и уселся за стол читать историю, одновременно отхлебывая из кружки им же согретый чай, а Вадик только собирался встать. Храмов долго потягивался в постели, шурил на свет опухшие глаза. Потом он взял со стола затрепанного

«Барона Мюнхгаузена» и, не вставая, принялся читать. Мальчик пролежал бы так еще час и два, если бы не вошла мама.

— А, проснулся, книжничек мой, пухлянтик мой маленький! — ласково заворковала Эльвира Сидорова, склоняясь над сыном.— Ну, поцелуй маму.

Вадик вместо поцелуя подставил матери свою тугую щеку.

— Му-утик, — капризно протянул он, пряча лицо в подушку, — принеси-и поку-ушать.

— Нет, ты, Вадим, вставай! Умоешься, тогда сядешь кушать.

— А я хочу ту-ут.

— Лежа, детка, вредно кушать. Тебе же папа говорил?

— Ну, тогда я совсем не буду! — обиженно пробурчал мальчик и отвернулся к стене.

— Что ты! Что ты! Разве можно не кушать! — засуетилась мать.

И у Вадиковой кровати скоро появилась тумбочка с обильным и вкусным завтраком. Здесь были пухлые булочки, печенье, бублики, масло, варенье и вместительная чашка какао.

Через минуту Вадик аппетитно чмокал и чавкал, а мать сидела у его ног и непрестанно говорила:

— Вот маслица скушай. Смотри, какой румяный бубличек! Тебе налить еще какао?

Пока Храмов завтракал, умывался и одевался, Светлов успел решить все задачи по алгебре и сделал два упражнения по русскому языку. Писал он хотя и быстро, но старательно, рассуждая сам с собой, произнося вслух или даже напевая отдельные фразы. Ему нравилось наблюдать, как под его рукой вырастали длинные ряды цифр, бежали строчки, как упражнения с пропущенными или недописанными словами преображались в стройный, содержательный рассказ.

Наконец, когда Володя выполнил все задания и аккуратно вложил в полевую сумку (это была единственная память погибшего на войне отца) тетрадки и книжки, Вадик сел за уроки.

Историю он сразу отложил в сторону:

— Там и учить нечего.

Потом он заглянул в алгебру, но, не дочитав даже условия задачи, плаксиво заголосил:

— Му-утик, задача не получается.

Прибежала мать.

— Ну и учителя! — возмущалась Эльвира Сидоровна. — Не объяснят, как нужно, а требуют. Надо с вашим директором обсудить этот вопрос. Что тут у тебя не получается?

И мама с грехом и с ошибками пополам решила за сына задачи.

Оставался русский язык. Вадик нашел в сборнике заданные упражнения. Они показались ему слишком длинными. Мальчик осторожно, чтобы не слышала мать, вырвал листы и поспешно сунул их в карман.

— Вадим, уже двенадцать, — раздалось из-за двери. — Ты все сделал?

— Ага, — отвечал Вадик, небрежно запихивая в портфель учебники вместе с «Бароном Мюнхгаузеном». — Я сейчас пойду: у нас собрание.

— погоди, погоди! — встревожилась Эльвира Сидоровна. — Я тебе завтрак заверну.

— А, не хочу.

— Как можно! Сейчас не хочешь — потом захочешь. На, спрячь в портфель. Да не раздавай кому попало: друзья-то все хороши, пока им даешь, а как у них попросишь...

В дверь кто-то постучал.

— Войдите! — крикнула Эльвира Сидоровна.

На пороге появился Володя с книгами в руках.

— Здравствуйте! — улыбнулся мальчик. — Я вот принес...

— Не испачкал? — Женщина внимательно осмотрела книги.

— Нет. Я всегда руки мою, когда читать сажусь. Эльвира Сидоровна, а вы дадите мне «Войну и мир»? Я аккуратно.

— Ну, возьми, только чтоб чистую вернул.

Женщина вышла, а Вадик тем временем шепнул на ухо товарищу:

— Я сказал, что у нас собрание. Ты молчи!..

— Ладно, — кивнул Володя. — Пошли ко мне, штуку одну покажу.

— Нет, я лучше в «Динамо». Там ножички мировые и марки.

Вернулась Эльвира Сидоровна.

— Вот первый том. Прочтешь — возьмешь еще.

— Спасибо.

— У вас что, собрание сегодня?

— Да.. — замялся Володя. — До свидания.

Мальчики вышли вместе. Светлов поспешил домой, а Храмов — на улицу.

Володю ждала срочная работа: Виктор Петрович поручил ему нарисовать портрет Пушкина.

Мальчик уже несколько дней честно трудился над рисунком и теперь хотел закончить его. Он развернул и приколот к столу большой лист отличного ватмана, весь испещренный на первый взгляд небрежными и беспорядочными штрихами. Но издали среди этих штрихов уже можно было различить верно схваченные формы головы и лица.

Часто глядя в книгу, где был напечатан портрет, мальчик быстрыми и легкими движениями карандаша наложил первую грубую тушевку. Отошел. Прищурился. Кое-где уточнил контуры и стал усиливать тени. Скоро на бумаге сгустились и окрепли смелые штрихи, потом, как-то вдруг, после нескольких удачных нажимов графита, прояснились черты великого поэта и что-то живое сверкнуло в глазах.

Володя уже не смотрел в книгу. Настоящее вдохновение водило его рукой, послушный карандаш как будто сам находил на бумаге те места, где нужно было оставить то резкую, то мягкую, то чуть заметную линию. Сердце мальчика радостно стучало, в глазах разгорался огонек.

Все было хорошо в портрете. Лишь тени оставались какими-то плоскими. Светлов разглядывал рисунок и вблизи, и на расстоянии, и через кулак, сложив трубкой пальцы, но так и не определил своей ошибки. Мальчик задумался. Потом он достал альбом с открытками и вырезками из журналов, которые со-

бирал уже несколько лет и не променял бы даже на морской кортик в ножнах, что по секрету показывал ему Храмов. Володя перелистал альбом и остановился на автопортрете Серова. Он стал внимательно изучать тени и вдруг обнаружил, что они не везде были одинаковы: чем ближе к свету — тем гуще тени, чем дальше от света — тем они бледнее.

Светлов схватил резинку, подбежал к портрету и широкой полосой снял карандаш с правой стороны лба, под глазами и на нижней части подбородка. Отошел. Взглянул. Лицо вдруг стало выпуклым. Когда же в других местах мальчик еще усилил тени, оно как будто выдвинулось вперед и отделилось от бумаги.

— Ай да Светлов! Ай да сукин сын! — в восторге закричал Володя, переделывая на свой лад слова, сказанные когда-то Пушкиным, и пустился перед портретом в пляс. Но, взглянув на ходики, он спохватился: до звонка на урок оставалось шесть минут. Мальчик снял портрет, свернул его в трубку и, подхватив сумку с книгами, что было духу помчался в школу.

* * *

— Вопрос: «Крестьянское восстание под предводительством Болотникова», — говорила Мария Прокофьевна, учительница истории. — До осады Москвы. Пойдет отвечать...

Пока Мария Прокофьевна водила пальцем по журналу, в классе стояла бездыханная тишина. Одни, кто не выучил урока, сидели, что называется, ни живы, ни мертвы; другие, хотя и знали урок, тоже замерли от волнения и некоторой робости, потому что волновались и робели их товарищи; лишь немногие смельчаки были сравнительно спокойны и сами приселись к доске.

— Приходько Мария, — сказала, наконец, учительница, и тотчас по классу прошел облегченный вздох.

Вздохнул и Храмов, а Светлов и еще несколько ребят с сожалением опустили руки.

Робкими шагами, вобрав голову в плечи, Приходько побрела к доске. Постояла, подумала и словно запричитала слабым срывающимся голоском.

Тем не менее ответила она неплохо. Видно, случилось это довольно редко, потому что даже очки учительницы засияли удовольствием.

— Вот так Мурка!

— Приходько скоро отличницей станет! — слышались одобрительные возгласы.

— Молодец, Приходько! «Четыре»! — улыбнулась Мария Прокофьевна. — Ведь можешь хорошо учиться, только лень-матушка ходу не дает.

— «Пять»!

— Мария Прокофьевна, вы ей «петуха» поставьте! — зашумели ребята.

— Что это за «петухи» тут завелись! — с шутилой строгостью прикрикнула на них учительница. — Садись, Мария. Дальше пойдет отвечать Вадим Храмов.

Вадик поморщился, помялся на месте, однако зашагал к доске. По дороге он выразительно толкнул в бок одного из сидевших впереди ребят и подмигнул Светлову.

Заметив нерешительность Храмова, Мария Прокофьевна спросила:

— Ты чем это расстроен сегодня, друг мой?

— Голова болит, — соврал мальчик.

— Отчего же она болит?

— Не знаю.

— Оттого, что не знаешь?

По рядам прокатился смех. Вадик покраснел и отвернулся.

— Сейчас проверим. Возьми-ка указочку да отвечай урок.

— А что рассказывать?

— Как что? О дальнейшем ходе восстания расскажи.

Вадик покосился на Володю. Тот незаметно делал ему какие-то знаки, шевелил губами.

— В тысяча шестьсот... шестом году... Болотни-

ков начал брать Москву, — с остановками заговорил Храмов, — но... не смог взять.

Светлов утвердительно кивнул головой и опять задвигал пальцами.

— Помещики... изменили Болотникову, и его снова разбили под Москвой, — с пятого на десятое перескакивал ученик.

Мария Прокофьевна вскинула брови, но перебивать не стала.

Так, часто поглядывая на Володю или на других ребят, которые показывали ему из-под парт крупно написанные шпаргалки, Вадик ответил весь урок.

— Горе мне с тобой, Храмов, — вздохнула учительница. — Вот всегда ты тянешь, тянешь, полурочка займешь, а толком ничего не ответишь. «Три». Садись...

* * *

На перемене в коридорах поднялась кутерьма: с визгом и топотом валили из дверей шестые классы, затевали шумную свалку и беготню. Но когда среди ребят появились учителя и дежурные старшеклассники с красными повязками на рукавах, установился порядок.

Храмов стоял у окна и жевал свой завтрак. К нему никто не подходил, только какой-то малыш завистливо косился на толстый бутерброд с маслом, медом и сыром.

Светлов же был в дальнем конце коридора, где происходило состязание силачей.

Окруженные плотным кольцом ребят, стояли в позе фехтовальщиков Федотов и другой восьмиклассник, такой же рослый и широкоплечий. Они тянули друг друга за руки, и каждый старался заставить противника сойти с места. Багровели от напряжения лица, бугрились и перекатывались под кожей молодые мускулы.

Учителя иногда подходили к толпе ребят, но не мешали невинной их затее.

«Пусть разомнутся немного, — думали они, — силенку-то некуда девать. Лишь бы не озорничали».

Володя прыгал около борцов, как заядлый арбитр, азартно потирал руки.

— Держу пари за Федотова! — кричал он. — Батя, не сдавай! Внимание, товарищи! Не толпитесь, уважайте спорт... Так, так, батя! Очко в нашу пользу!

Федотов медленно одолевал противника и вдруг под восторженные крики товарищей неожиданно сильным толчком отбросил его в сторону.

Но звонок оказался сильнее: он всех заставил рассыпаться по классам.

* * *

Виктор Петрович ходил между рядами, просматривал тетради.

— Грязно, Гулько, — задержался он у одной парты. — Всё торопитесь куда-то. К следующему уроку перепишите заново. Проверю... Храмов, где ваша работа?

— Виктор Петрович, я не сделал. У меня в книге этих листов нет.

— Покажите.

Учитель взял в руки совершенно новый сборник упражнений. В нем действительно не хватало двух листов; но странно, что вырванными оказались именно те и только те листы, где были напечатаны заданные тексты.

— Вам не жалко книгу? — спросил Виктор Петрович.

— Это не я...

— Посмотрите мне в глаза, Храмов.

Но Вадик опустил голову.

— Стыдно? Книга отомстила вам: она вас выдала.

Учитель тут же на месте поставил мальчику в его дневнике единицу.

— Вот как нужно выполнять домашние задания! — поднял он над головой Володину тетрадь. — Светлов знает, что он пришел в школу учиться, а не рвать в клочья учебники, над которыми много лет трудились умные люди.

Храмов побледнел.

— Или возьмите работу Поярцевой! Она тоже понимает, что эти упражнения нужны ей, а не мне.

Голос Виктора Петровича спустился на суровые басы:

— Жаяок и смешон лентяй, который пытается обмануть учителя: он прежде всего обманывает себя!

Вадик залился румянцем. Боясь встретиться глазами с насмешливыми взглядами товарищей, он уткнулся носом в парту и просидел так до конца урока.

На перемене Володя отдал Виктору Петровичу портрет.

Учитель долго всматривался в рисунок. Лицо его осветилось какой-то новой для ребят улыбкой, в глазах пробился горячий блеск.

— Да ты ли сделал это?! — проговорил, наконец, Виктор Петрович и вдруг спохватился: «Так можно захвалить мальчишку и погубить его талант». Поэтому учитель хитро прищурил глаз и продолжал:

— На первый взгляд просто чудо, а присмотришься к нему — станет чудно. Глядите сюда, Светлов: фрак-то от лица ничем не отличается! Штрих один? Как же так: здесь — сукно, а там — живое тело... Не чувствуется материал. Понимаете? А вообще неплохо. Вы показывали свои рисунки художникам?

— Я руководителю изокружка показывал, — ответил Светлов, — во дворце есть изокружок, я там занимаюсь.

— Очень хорошо! Работайте, Володя, больше работайте над собой! Из вас может настоящий художник получиться...

* * *

После уроков недалеко от школы Эльвира Сидорова поджидала сына. Когда Вадик заметил ее, он опасливо оглянулся по сторонам и заторопился: ему было стыдно перед ребятами, что его встречают, как маленького, и он не хотел, чтобы учителя видели его мать.

— Ты опять пришла?—недовольно говорил мальчик, ускоряя шаг. — И кто тебя просит? Что я, маленький?

— Не спеши! Ой, не могу! — задышалась от быстрой ходьбы Эльвира Сидоровна.

В саду, видя, что опасность миновала, Храмов пошел медленней.

— Я боюсь оставлять тебя одного, — отдышавшись, заговорила мать. — В школе много нехороших мальчишек. Один раз они уже шокировали тебя. Не знаю, за чем ваши учителя смотрят...

Через полчаса они были дома. К удивлению жены и сына, Григорий Ильич сидел в столовой с газетой в руках.

— Здравствуй, папа, — нерешительно, как с малознакомым человеком, поздоровался Вадик.

— Здравствуй, сынок! Чем похвалишься?

Мальчик не отвечал.

— Нечем, выходит? Так, так... Покажи-ка мне дневник.

— А у нас их отобрали.

— Да что ты говоришь! Вот некстати...

Отец встал, подошел к телефону и скоро выяснил, что дневники находились у ребят. Григорий Ильич нахмурился. Он задал еще несколько вопросов Логову и обещал зайти в школу в ближайшие дни.

Вадик делал вид, что внимательно рассматривает ногти. Пальцы его тряслись.

— Слышишь, мамаша! — бросив трубку, обратился Григорий Ильич к жене. — Учитель нас обманывает: он сказал, что не отбирал дневники, а на самом деле держит их у себя. Ведь наш сын никогда не говорил неправду...

Вадик сосредоточенно водил носком ботинка по узору ковра. Эльвира Сидоровна поджала губы и отвернулась.

Отец продолжал:

— Вадим, иди сейчас же в школу, возьми у Виктора Петровича дневник и принеси мне. Да скажи ему, чтоб он в другой раз не обманывал...

— Гриша, не нужно! Умоляю тебя! — заступилась за Вадика мама. — Куда он пойдет в такую пору? Прости его! Он больше не будет.

— Что не будет?

Эльвира Сидоровна взяла мужа за руки, потом, отослав сына в его комнату, со стоном опустилась на стул.

— Ах, Григорий! — сказала она трагическим голосом. — С некоторых пор ты изменился и к сыну и ко мне.

— Пожалуй.

— Не знаю, чем подкупил тебя Виктор Петрович, а на мой взгляд, он... он слабый воспитатель и совсем не умеет работать с детьми.

— Ты так думаешь?

— Разве это воспитатель? — говорила Эльвира Сидоровна, все более волнуясь и уже не слушая мужа. — Разве это воспитатель, если в его классе... Твоего сына тиранят в школе, шокируют, а тебе как будто и дела нет! Это, наконец, невыносимо! — Она всхлипнула, но тут же торопливо замахала перед глазами платком: «Слезы так портят ресницы...»

— Вот что, дорогая моя! — Григорий Ильич задумчиво повертел в руках газету и стал сворачивать ее в трубку. — Вот что, дорогая моя. Мне начинает казаться, что Виктор Петрович как раз такой учитель, какой нужен Вадиму... Погоди!.. Послушай! — остановил он жену, когда та хотела ему возразить. — Эта история с физкультурными упражнениями тоже должна кое-чему научить нас. Конечно же, мы ошибались. Я, например, вовсе не занимался сыном, да и ты... Ну, послушай меня!.. Не будем теперь ссориться и тем более пенять на других. Лучше подумаем, как быть дальше...

До поздней ночи беседовали родители. И хотя их мнения часто расходились, они оба поняли, что их сын был не таким, каким они хотели видеть его, что нужно сделать еще очень много (и совсем не так, как они делали), чтобы он стал настоящим человеком.

Володя после уроков отыскал секретаря школьной комсомольской организации Геннадия Спицына.

Спицын, белокурый паренек, с румяными, еще по-детски округлыми щеками, был невысок ростом, но широк в плечах. Двигался он быстро, говорил громко и при этом слегка ударял кулаком правой руки по левой ладони.

— Ну, как дела? — спросил Геннадий.

— Да ничего, все в порядке, — отвечал Светлов. — «Устав» я уже весь выучил и газеты читаю каждый день. Вот только сегодня некогда было.

— Этого мало, — возразил Спицын. — А как ты своим товарищам в учебе помогаешь? Комсомолец должен заботиться не только о себе. В этом-то, братишка, вся штука и заключается, что и требовалось доказать.

Володя смутился, вспомнив, как он подсказывал Вадику на уроке истории.

— У вас в классе есть такой ученик Храмов. Тебе не стыдно как отличнику, что он лентяй и тянет весь класс назад? Да вы же с ним, кажется, друзья? Ну вот, еще лучше! Как же вы дружите?

Светлов молчал, робко и виновато поглядывая на секретаря.

— Никудышная у вас дружба, если вы с ним только в чехарду играете. Факт!

— Вот честное-пречестное слово, что я теперь здорово буду помогать Храмову! — горячо заговорил Володя, размахивая руками. — Только вы примите меня! Ладно? Я... я и другим буду помогать... настоящему.

— А ты уже и струсил? — засмеялся Геннадий и похлопал Светлова по плечу. — Тебя-то мы, конечно, примем: ты парень вроде подходящий, что и требовалось доказать. В пятницу комитет, после уроков. Останешься.

— Есть! — радостно выпалил Володя. — Можно идти?

— Иди.

Мальчик выбежал в коридор, съехал вниз по перилам лестницы и, выскочив на улицу, со всех ног пустился домой.

— Ма! Меня в комсомол принимают! — закричал Володя с порога.

— Тс-с! — остановила его мать. — Леночку разбудишь.

Володя приложил палец к губам и на цыпочках подбежал к матери.

— Меня в пятницу на комитет вызывают! — возбужденно шептал он. — Принимать! Уже комсомольское поручение дали: Вадьку по учебе подтягивать и вообще.

— Смотри сам лентяем не сделайся с этим своим Вадькой.

— Да, да, вот увидишь! Еще как подтяну! У него котелок варит, только ни шута не делает. А знаешь, мама, Виктор Петрович сказал, что из меня настоящий художник может получиться. Только, говорит, побольше работай над собой... Ты дашь мне денежку на масляные краски? Они дешево стоят, я в «Динамо» видел. А то ж работать нельзя без красок. Ну, дашь? А?

— погоди ты! Пристал, как репей: дай да купи. А денег у тебя много?

— Ну, ма!..

— Вот пойдешь сам работать, узнаешь, как они достаются.

— Ну, ма!..

— Тебе вон ботинки нужно... Ты посмотри на свои ботинки! На что они похожи? Прямо огнем горят.

— Ну, мама, я же отдам, когда заработаю. Вот нарисую картину, мне и заплатят целую тыщу! Понимаешь?

— Да, целых две. Так и жди.

Однако Володя хорошо знал свою маму: как все почти мамы, она побурчит, повздыхает, быть может даже всплакнет втихомолку, но сделает для своего сына или дочери все, хотя бы ей пришлось для этого отказать себе в самом необходимом.

— Ладно, что с тобой поделаешь, — проговорила женщина.

Обрадованный мальчик затанцевал вокруг матери, потом бросился ее целовать.

— Мама! А я сегодня две пятерки получил: по русскому и физике.

— Так и нужно.

— А Вадьке Виктор Петрович единицу вклеил. Понимаешь, листы из книжки выдрал, чтоб уроков не делать. Сообразил! И по истории так, еле-еле на тройку вылез, и то ребята подсказали.

— Ребята? Без тебя обошлось?

— Я немножечко, ма. Два слова.

— Вот видишь, какой ты! Нет чтобы разъяснить, что там и как, а непременно подсказывать. Владимир, ты дождешься...

— Мама, все: больше не буду! Хватит ему на подсказки надеяться. Теперь мы все уроки будем вместе учить. Главное, если б не понимал, а то так, лодыря корчит.

Наскоро пообедав, Володя принялся за уроки, чтобы утром сбежать в магазин за красками и начать картину. К одиннадцати часам он все закончил и лег спать.

«Порядок! Можно считать, что я уже комсомолец! Недаром же Геннадий сказал: «Тебя-то мы, конечно, примем», — думал мальчик, засыпая. — И краски будут. Я еще не так нарисую! Буду на художника учиться...»

ГЛАВА 26

На одном из заседаний комсомольский комитет решил выпускать школьную сатирическую газету. И вот через несколько дней ученики слепили из папье-маше фигуру крокодила, раскрасили и вложили в лапы зубастого зверя застекленную рамку. Газету назвали «Наш крокодил».

У очередного номера собралась целая толпа ребят.

— Братцы, смотрите! — кричал Володя Свет-

лов. — Наш Вадька «Крокодилу» в лапы попался! Как же это?

— Погиб наш Вадик во цвете лет! — покачала головой Люба Поярцева. — А хорошо нарисовано: это ж нужно уметь так зевнуть! Вот-вот класс проглотит.

Вадик Храмов хочет спать.
Баю-бай, малыш, без койки.
Кто готовится на «пять»,
А тебе сойдут и двойки.

— Тут и наших бьют! — протискиваясь вперед, говорил ученик десятого класса. — Петрусь, ну-ка пропусти. Так и есть! Я же Леньке говорил: не уходи, плохо будет. Не послушал старшего, а теперь — пожалуйста:

Он не подготовился к урокам.
— А если спросят? Будет вид! —
И вот домой бежит с подскоком
Затуливетров Леонид...
Историю выучить лень,
Он спал, наверно, целый день.

— Да-а, протянули что надо!

Проходя мимо газеты, Виктор Петрович заметил в толпе Степного и, услышав его голос, невольно замедлил шаг.

— Хреновые стихи, — говорил Степной, презрительно скривив губы. — Только бумагу марают.

— Чего там «хреновые»! — возразил ему десятиклассник. — Ну, попробуй лучше напиши.

Учитель остановился, вернулся назад, снова остановился.

— И не собираюсь в эту дурацкую газету писать, — огрызнулся Алексей. — А захотел бы, так...

— Захотел бы! Захотел бы! Ты скажи: умел бы, — продолжал спорить десятиклассник.

В толпе кто-то хихикнул, но тотчас умолк: ребята знали, как опасно задевать Степного.

— Эх ты, голова! — распалился Алексей. — Умел бы! Думаешь, как ты!..

— Ну, ну, знаешь, потише! А ты что написал, «поэт»?.. Никто не говорит, что это гениально, но для школьной газеты ничего:

Историю выучить лень,
Он спал, наверно, целый день.

— Дрянь. Разные размеры и вообще халтура. Уж если хочешь... вот:

С истории-то он удрал,
Да сам в историю попал.

— А верно, так лучше. Ты смотри! Толково.

С истории-то он удрал,
Да сам в историю попал.

И вся толпа одобрительно загудела, повторяя степновские стихи.

«А ларчик просто открывался», — вспомнились Виктору Петровичу слова Крылова. Логов зашел в библиотеку, полистал какую-то книгу, но не прочитал ни одной строки. В голове кружились все те же слова: «А ларчик просто открывался», «С истории-то он удрал, да сам в историю попал». Я еще тогда понял, что он пишет стихи. Конечно. И по сочинениям видно... «А ларчик просто открывался».

— О чем задумались, Виктор Петрович? Здравствуйте!

Логов не заметил, как к нему подошла Ольга Васильевна.

— А вы знаете, что Степной пишет стихи? — спросил Виктор Петрович.

— Стихи?! Никогда не думала.

— А я давно это знал.

И учитель стал рассказывать о том, что он видел и слышал возле стенной газеты.

— Вы подумайте! Да что вы говорите?! Вот вам и Степной! — то и дело восклицала Ольга Васильевна. — Теперь-то вы знаете, с какой стороны подойти к нему!

— Думаю, что не ошибусь. Впрочем, время покажет.

— Ну, желаю успеха! А вы не догадываетесь, Виктор Петрович, для чего я пришла сюда?

— Догадываюсь: проверить, как я выполняю партийное поручение. Могу сообщить, что третий номер литературного журнала готов.

— Вы думаете, раз я парторг — так обязательно по партийным вопросам? Нет.

— Ну, тогда ко мне на урок.

— Теперь угадали.

* * *

Логов был и смущен, и обрадован, и взволнован тем, что к нему на урок, да еще в его собственный класс, идет опытный, всеми уважаемый преподаватель, от которого ничто не ускользнет. Он давно ждал случая подробно поговорить со старшими товарищами о своих уроках, проверить себя и услышать добрый совет. Но теперь, когда Виктор Петрович получил такую возможность, он встревожился: «А вдруг у меня все не так, как нужно? А что, если ребята скверно подготовились?»

После перерыва учителя направились в класс. Вежливо пропустив вперед Ольгу Васильевну, Логов стремительно шагнул к столу, поздоровался с учениками и разрешил им сесть.

Ребята видели, что учитель взволнован: глаза его сверкали необыкновенно, мелко дрожали руки. Он даже не раскрыл журнала, чтобы отметить присутствующих, как это бывало всегда, никому не сделал замечания, а с минуту молча стоял перед классом, выжидая полной тишины.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа, —
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа, —

неожиданно начал Виктор Петрович неровным от волнения голосом.

Ученики, знавшие это стихотворение наизусть, услышали в нем новые звуки, новую силу и страсть.

...Слух обо мне пройдет по всей Руси великой... —

Учитель широко развел руки и откинул голову назад.

И в этом его движении, и в свободном течении его окрепшего баритона, и особенно в продленном и поднятном на высокую ноту слове «всей» ребята увидели безмерную ширь Отчизны.

...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу... —

заканчивал читать Виктор Петрович в полной тишине. Кончил, помолчал и вдруг поднял на ребят глаза, прищуренные чуть смущенной и вопросительной улыбкой.

— Переходим к изучению жизни и творчества величайшего русского поэта Александра Сергеевича...

— Пушкина! — хором подхватил класс.

Учитель кивнул дежурному. На доске появился портрет великого поэта, тот самый, который нарисовал Володя Светлов.

Ребята зашевелились, слегка зашумели, но этот сдержанный шумок только обрадовал Виктора Петровича: ученики обменивались впечатлениями по поводу такого необычного начала урока, и видно было, что оно им понравилось. Через минуту снова стало тихо.

Учитель продолжал:

— Весь допушкинский период можно назвать предисловием к русской литературе: Пушкин по праву стал первой и лучшей ее главой...

Виктор Петрович обвел взглядом класс и увидел, что Степной смотрит на него удивленными и радостными глазами.

— Это очень верное и образное высказывание принадлежит ученику нашего класса Алексею Степному.

Ребята зашептались и стали оглядываться на товарища. Тот покраснел.

«Вот чем его можно взять! — пришла Логову мысль. — Признанием его достоинств».

— А этот портрет, — продолжал Виктор Петрович, — нарисовал тоже наш ученик — Владимир Светлов.

И снова ребята зашептались, одобрительно кивая друг другу головой. Володя смутился.

Учитель кратко сказал о значении творчества Пушкина и затем перешел к его биографии.

* * *

На перемене Виктор Петрович не стал задерживаться в классе. Он только передал Володе обещанную ему книгу и вышел.

В коридоре учителя догнал Степной. Ольга Васильевна понимающе удалилась.

— Виктор Петрович, разрешите мне взять ту книжку про Пушкина, что вы Светлову дали?

— Конечно, после того, как ее прочтет Светлов.

— А сейчас?

— Ну, как вы думаете, справедливо я сделаю, если отберу сейчас книгу у Светлова и передам ее вам? Ведь он раньше просил.

— А я сам возьму.

— Если вы желаете быть несправедливым, возьмите.

Степной нахмурился и, стараясь, чтобы этого не заметил учитель, из-за спины показал кому-то кулак.

— Виктор Петрович!

Учитель оглянулся: позади него стоял Светлов.

— Виктор Петрович, а пускай он сначала прочтет. Мне все равно.

— Ладно, бери ты, — сказал Алексей и вытащил из-под тужурки отобранную у Володи книгу.

Логов спустился в учительскую.

— Вот и он! — взволнованно говорила Ольга Васильевна, обращаясь к учителям. — Вы понимаете ли, что это значит! Отошла я, будто не вижу, а сама прислушиваюсь. И вдруг Степной — Степной, товарищи, не кто-нибудь! — говорит: «Виктор Петрович, разрешите мне взять книгу?» Каково! Ведь вот же своими ушами слышала! Ну, и чем кончился ваш разговор?

— Тем, что книги он не получил, — с улыбкой отвечал Виктор Петрович.

— Напрасно! Так вы его снова оттолкнете.

— Не думаю.

— Рад за вас, Виктор Петрович, очень рад! — потряс руку Логова директор. — Товарищи, кстати, в середине января у нас педсовет по итогам первого полугодия. Заслушаем отчеты о работе Виктора Петровича и ваш, Иван Кузьмич. Всех прошу хорошо подготовиться к совету.

Иван Кузьмич Стрелец, учитель математики, тот самый грузный старик с бритой головой и седыми лохматыми бровями, с которым Логов познакомился еще в августе, только пожал плечами: мол, что поделаешь, отчет так отчет. Он вытащил из кармана садовый нож и стал чистить ногти. Виктор Петрович вспомнил, что поднимал этот нож с пола, когда хозяин уронил его.

— Значит, вместе... — подняв на Логова глаза, подмигнул Иван Кузьмич. — Я здесь тоже первый год. Вот нас в одну пору и проинспектируют. Мне-то не привыкать: уж столько было этих отчетов да ревизий — трехзначное число. А вам, конечно, внове.

— Вот и нет, кажется, больших грехов, а боюсь, — признался Виктор Петрович.

— Отчитаться — еще бы ничего. Но перед отчетом начнут на уроки ходить целой бригадой: и директор, и завуч, и председатель предметной комиссии, и все, кому не лень. Вот это, батенька мой, истинное наказание. Могут и свою контрольную работу провести, а вы будете только при сем присутствовать. Или повальный опрос учинят. Положение, скажу вам, хуже губернаторского. Вы, однако, не робейте: молодым снисхождение делается, и весьма справедливо... — Стрелец говорил все это тихим голосом; со старческой хрипотцой, близко наклонившись к Логову и дыша ему в лицо каким-то особенным запахом, похожим на запах моченых сухарей.

«Почему-то от стариков часто так пахнет, — поду-

К стр. 95

мал Виктор Петрович, невольно сдерживая дыхание. — Да, значит, отчет... Дошло и до меня. Но это неплохо, неплохо: по крайней мере свои ошибки узнаю».

Иван Кузьмич между тем расстегнул свой огромный потёртый портфель, вынул из него термос и, хотя это вовсе не интересовало его собеседника, стал объяснять:

— Чаек вот ношу. Понимаете ли, не могу пить из общего графина, душе претит. И то подумать, что всякий грязными руками трогает. — Он плеснул в пластмассовый стаканчик чаю, сделал несколько глотков. — Вот и прекрасно! Когда-то и я никаких болезней не боялся, а теперь... Годы, милый мой, не те.

— Виктор Петрович, к вам товарищ, — сказала Ольга Васильевна, указывая на вошедшего незнакомого мужчину в сером пальто.

— Вы товарищ Логов? — спросил незнакомец.

— Да.

— Сегодня во Дворце культуры большой вечер песни. Получите билет.

— Билет? От кого?

— Не приказано говорить.

— Странно!

— Обязательно приходите, не пожалеете.

«Неужели Светлана?!» — подумал Виктор Петрович и срывающимся от волнения голосом спросил:

— А кто дает концерт?

Но мужчины в сером пальто уже не было.

— Какой вы, однако, счастливец! — воскликнул Белов (он тоже сидел в учительской, проверяя тетради). — Бьюсь об заклад, что это особа прекрасного пола назначила вам свидание! Угадал! Угадал! Посмотрите, как он смутился! Впрочем, если у вас не хватает смелости, я могу взять билет.

Все рассмеялись. Только Тамара Львовна отчего-то покраснела и незаметно выскользнула за дверь.

— Ольга Васильевна, с нами такой романтической истории, наверное, уже не случится, — вздохнул Геннадий Максимович, и его лицо мгновенно преобра-

зилось: вместо прежней веселости набежала на него легкая грусть.

Ольга Васильевна тоже вздохнула:

— Всеу свое время.

«Схожу-ка я во дворец», — решил Виктор Петрович и потянулся за плащом, но Грекова его остановила:

— Нам бы следовало поговорить.

— Пожалуйста, пожалуйста, Ольга Васильевна! — поспешил ответить Логов.

— Видите ли, урок нужно разбирать, пока свежо впечатление. Пойдемте вот сюда, в кабинет: он свободен. Я вас долго не задержу.

— Задерживайте сколько нужно.

— Так вот что, друг мой, — продолжала Грекова, усаживаясь за директорский стол, — по одному уроку, конечно, трудно, даже и невозможно судить обо всей работе, но кое-что уже можно заключить... Очень похвально, что вы ищете новое, хотя, нужно сказать, не всегда удачно. Возьмем, к примеру, начало нынешнего урока. Оно было и неожиданно, и красиво, и ребят заинтересовало. Но учтите другое: на него ушло ровно шесть дорогих минут! А что дало? Почти ничего. «Памятник» дети давно знают наизусть. Значит, время потратили, а знаний ученикам не прибавили. Вы скажете, у вас была иная цель — заинтересовать класс? Так интереса можно было добиться и не теряя времени, самим объяснением. Ведь материал-то какой! Не увлекайтесь внешними эффектами! Помнится мне случай, когда одна учительница, кажется географии, начала урок с того, что запела в классе «Песню о Родине». Объяснение ваше очень живо и доходчиво, но длинновато: второстепенных подробностей много, друг мой, вот что! Ведь всего-то о Пушкине и за год не перескажешь, а вы на нескольких уроках захотели это сделать. Поэтому на опрос и закрепление у вас осталось очень мало времени. Нужно, чтобы дети на уроке во всем разобрались, чтоб не было у них недоуменных вопросов. А как же вы узнаете, поняли они или нет, если вы их почти не спрашиваете?

Большой зал Дворца культуры был наполнен, переполнен, забит нахлынувшей со всего города публикой. Люди сидели и стояли везде, где нашлось для этого хоть маленькое местечко.

Виктор Петрович вбежал в вестибюль с третьим звонком.

«Черт возьми, уже начало! — досадовал учитель. — За сцену теперь не пройдешь».

За кулисы Логова действительно не пустили, и он пошел в зал. Народу было столько, что пробраться на свое место в четвертом ряду нечего было и думать. К тому же свет скоро погас.

Виктор Петрович кое-как протиснулся к стене, прислонился спиной к холодному мрамору и задулся. Молодая послушная память вернула его в приморский городок, где они со Светланой в прошлом году гостили у ее родственников: рыбацкий домик на самом берегу; во дворе. — перевернутый каюк и весла, сети, подвешенные для просушки на блоки; за двором — песчаная отмель и сухая тропа на воде — каменный мол, по которому они уходили далеко в море. Солнце, ветер и волны...

Когда на занавесе сошлись лучи фонарей, заплескались аплодисменты, и в их приборном грохоте расступилось синее море бархата.

На сцену вышел конференсье. Он с профессиональной легкостью раскланялся перед публикой и начал программу:

— Всякий раз, когда я открываю концерт...

И посыпались остроты, не всегда новые и умные, хотя все они выдавались за первый сорт. Порой зрители смеялись не над шутками конференсье, а над ним самим, но он все принимал за чистую монету.

Потом на сцену стали выходить исполнители.

Виктор Петрович напряженно вглядывался в лица актрис, но Светланы среди них не было.

«Неужели я ошибся? — с болью разочарования думал он. — Нет, она здесь! Я чувствую, что она здесь!»

Концерт между тем продолжался. Вдыхала одинокая гармонь, прифронтовой лес осыпался грустными звуками, веселым струнным перезвоном приплясывал «Крыжачок». И от этих разнообразных и полных звучаний на душе становилось так светло, что сама грусть была похожа на радость.

— Алябьев, «Соловей». Исполняет солистка хора областного Дома медработников Светлана Полонская, — объявил, наконец, конферансье.

К рампе приблизилась невысокая светловолосая девушка в длинном бархатном платье. Лицо Светланы горело от волнения, сочные, немного пухлые губы были приоткрыты, неровно дышала высокая грудь. Но скоро девушка собралась с духом и улыбнулась. В ее синих глазах сверкнул бойкий и лукавый огонек. И хотя никто из присутствующих, кроме Логова, не знал певицу и никогда не слышал ее голоса, все аплодировали ей. Нет, пожалуй, не ей принадлежали пока овации зрителей, а молодости и красоте, которые она олицетворяла.

Но вот встрепенулись пробужденные струны. Ожидая нужного такта, певица задумчиво смотрела в зал. Потом она запела:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей...

Ее сопрано, чистое и гибкое на всех нотах, в первое мгновение звучало еще не на полную силу: казалось, певица сдерживала себя. Когда же в мелодии зазвенела соловьиная трель, голос оживился. Жажда счастья, горячий призыв и радостное ожидание встречи с любимым — все гармонически сливалось в нем.

В театр, за стенами которого чахла промокшая осень, вдруг донесся шорох листвы, дыхание майской ночи, окованной лунным серебром, вернулась чья-то далекая юность...

А голос постепенно крепчал, разгорался, взлетал все выше и выше и, наконец, достиг такой высоты, что струны рояля вынуждены были замолчать. И вот последние бурные звуки песни, и зал до краев наполнился рукоплесканиями.

* * *

Они встретились в антракте за кулисами.

— Света!..—сказал Виктор Петрович одно только слово, но сказал это слово так, что в нем отразились все его чувства.

Девушка молча прильнула к руке Логова своей щекой. Ей и вовсе не нужно было ничего говорить, потому что она уже все сказала там, в зале.

Прозвенели звонки. Сквозь нависающие задние полотнища сцены, сквозь плотный занавес Виктор Петрович и Светлана слышали глухой шум голосов, хлопанье стульев, но по-прежнему не двигались и молчали.

Пробежал конференсье.

— Не забывайте, что вы на работе! — с досадой бросил он. — Приготовьтесь к выходу.

Однако ни Светлана, ни Виктор Петрович хорошенько не поняли, кто и что сказал им, они лишь почувствовали, что снова должны расстаться. Через минуту девушка твердо пожала руку Логова и улыбнулась ему ласковой и вместе грустной улыбкой: мол, к сожалению, мне пора...

Ждать Светлану пришлось очень долго, потому что ведущий программу отодвинул ее выступление на самый конец. Освободилась она только в одиннадцать часов и, бросив что-то резкое не на шутку рассердившему ее конференсье, подошла к Логову. Вместе они спустились вниз. Виктор Петрович удивился, найдя в гардеробной многих товарищей по работе. Он познакомил с ними Светлану, и, кажется, все одобрили его выбор. Одна Тамара Львовна, холодно кивнув певице, сделала равнодушное лицо.

Ребята, стоявшие впереди, помогли учителю взять пальто, и молодые люди вышли на улицу.

Холодный дождь лениво, как бы нехотя, капал с темного неба. Он словно чувствовал, что ему теперь, в декабре месяце, уже не время поить отдыхающие после урожая поля и сады, что пора бы пушистому снегу одеть озябшую землю.

Светлана поспешно закрыла горло воротником.

Логов пожалел, что в городе нет такси, но какой-то мужчина предложил певице и ее спутнику свой автомобиль. Девушка вопросительно посмотрела на Виктора Петровича, тот ответил легким пожатием руки, и они поехали.

Любезный незнакомец оказался настолько тактичным, что не докучал молодым людям разговорами, даже не поворачивал к ним головы. За всю дорогу он произнес только три слова: «Прошу! Куда везти?» — и то перед тем, как сесть в машину.

Впрочем, Виктор Петрович и Светлана сказали немногим больше: учитель предложил девушке заехать к нему, а она, указав на часы, назвала гостиницу. Остальное время они тоже молчали. Но в душе каждый из них многое открыл друг другу.

Логов читал стихи:

В моей руке такое чудо —
Твоя рука!..

Ты со мной, и каждый миг мне дорог.
Может, впереди у нас года...

А Светлана пела, несколько меняя слова песни:

Мы росли вдвоем,
Мы с тобой пройдем,
Мы с тобой пройдем
Все пути...

У гостиницы машина затормозила и круто свернула к подъезду. Виктор Петрович и Светлана поблагодарили любезного незнакомца, который на прощание молча кивнул головой.

По лестнице (номер певицы находился на втором этаже) поднимались медленно, хотя обоим хотелось бежать. Но им казалось, что если они пойдут быстрее, то швейцар и еще какие-то мужчины, говорившие с ним, обязательно заметят их нетерпение поскорее остаться вдвоем. Когда они, наконец, прошли страшно длинную лестницу и зашагали по еще более длинному пустому коридору, Виктор Петрович взял Светлану под руку и хотел привлечь девушку к себе. Но та вдруг испуганно от него отстранилась: прямо перед ними кто-то некстати открыл дверь. До чего

же беспокойный народ, эти постояльцы гостиниц! Когда они только спят!

Светлану между тем тревожила мысль, которая пришла ей еще в автомобиле: прилично ли, что она ведет Виктора Петровича ночью в свою комнату? Но ведь неприлично то, что нехорошо. А между ними не может быть ничего нехорошего. Однако другие этого не знают, они могут подумать и о плохом. Что же делать? Ей так хочется побыть с Виктором без этих друзей! Она не знала, что делать.

Когда подошли к номеру, Логов открыл дверь и, пропустив девушку, стал прохаживаться по коридору.

Светлана была благодарна Виктору Петровичу за то, что он так просто решил мучивший ее вопрос. И в то же время ей было немного досадно, что он так просто и спокойно решил его.

«Значит, он холоден ко мне и у него нет желания побыть со мной без посторонних, — думала Светлана, хотя была уверена совершенно в другом. — Почему же я волнуюсь? Нужно и мне быть холодной к нему...»

Если бы девушка стала продолжать эти свои мысли, она бы в конце концов уверила себя в том, что Виктор Петрович действительно охладил к ней, перестал понимать ее, хотя все началось именно с того, что он прекрасно понимал ее и не был к ней холоден. Так нередко начинаются размолвки между любящими друг друга людьми.

К счастью, Светлана не стала продолжать свои нехорошие мысли. Она сняла пальто, подошла к двери, спросила:

— Ты хоть разденешься или?..

И вдруг по лицу Виктора Петровича она увидела, какой ценой досталось ему то спокойствие, которое обидело ее.

— Родной мой, прости! — воскликнула девушка и, подбежав к Логову, взяла его за руку. — Пойдем! Пойдем же сюда!

Она ввела Виктора Петровича в комнату и стала целовать его в щеки, в губы, в лоб, не замечая того,

что дверь осталась открытой и по коридору ходили люди.

— Я глупая! — говорила Светлана. — Я несправедлива к тебе... Прости меня!

— О чем ты?

— Я скверно о тебе подумала, когда ты остался там... Не нужно вспоминать об этом! — И Светлана снова прильнула к Логову, и он, пьянея от счастья, чувствовал всем своим существом волнующую теплоту ее молодого упругого тела.

— Я больше никуда не пушу тебя! Ты останешься со мной! — говорил Виктор Петрович.

— Да, да, хорошо... — шептала девушка. — Я сама хочу... Только ты не знаешь одной новости.

— Какой новости?

— Хорошей, родной мой, очень хорошей!

— Так скажи!

— Меня посылают в консерваторию. В Москву!

— В Москву?

— Да. После смотра меня и еще троих отобрали.

— Что ты говоришь! Света, поздравляю!

— Спасибо.

— Это же замечательно! Да, но ты уедешь...

— Осенью... Ты будешь меня ждать?

— Бессовестная! Что ты говоришь!

— И будешь приезжать ко мне?

— Замолчи!

— А сказать тебе еще что-то?

— Скажи.

— Не скажу! Сам догадайся.

— Не знаю, смогу ли догадаться, но я тоже хочу тебе что-то сказать.

— Тогда ты говори первый.

— Света, я, конечно... ты сама должна решить. Но я хочу, чтобы ты — понимаешь? — чтобы ты поехала в Москву... моей женой... — Виктор Петрович схватился руками за голову и боялся взглянуть на Светлану: так страшно стало ему то, что он сказал.

«Зачем я это делаю? — упрекал себя Логов. — Может быть, она не настолько меня любит. Ведь я самый обыкновенный, а она талант. Она там встре-

тит лучших людей и будет жалеть... Зачем я навязываюсь?»

И Виктору Петровичу сделалось еще страшнее от того, что он подумал.

А Светлана чуть слышно прошептала:

— Ты угадал.

ГЛАВА 28

У Логова не было первых часов, но он пришел в школу рано, чтобы посетить урок Ивана Кузьмича.

Стрелец уже сидел в учительской.

— Здравствуйте, Иван Кузьмич!

— Мое почтение, Виктор Петрович.

— Вы разрешите мне пойти к вам на урок?

— С полным моим удовольствием, Виктор Петрович!

— Вы сейчас к моим?

— Да, да, к вашим. Великолепный становится класс! Бывает, конечно, что и шумят и пошаливают, но на то они и дети. А работают хорошо, работают хорошо... Виктор Петрович, будьте настолько добры, закройте форточку.

— А не душно?

— С пару, как говорится, костей не ломит. А сквозняк, знаете ли, может прохватить — и не заметишь. Вам-то, молодым, это что с гуся вода, а вы с мое поживите. Годы, милый мой, не те.

Логов захлопнул форточку.

— Покорно благодарю. — Иван Кузьмич вынул из портфеля свой термос, налил в стаканчик чаю. Потом он взял из аптечной коробки пилюлю, положил в рот и запил чаем. Все это он делал не торопясь и с таким видом, будто совершал какой-то торжественный обряд. — Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! А то, понимаете ли, на улице сырость и здесь сквозняки...

В учительскую своей торопливой походкой вошел заведующий учебной частью, поздоровался.

— Я к вам на урок, Иван Кузьмич, — сказал он и, не останавливаясь, так быстро проскользнул в ка-

бинет директора, что Стрелец не успел даже рта раскрыть. Но не прошло и минуты, как он вернулся говоря: — Ваш план?

— Есть, есть! Видно, я сегодня именинник: Виктор Петрович тоже ко мне идет. — Иван Кузьмич порылся в своем огромном портфеле и, не найдя нужной тетради, стал выкладывать на стол промасленные свертки, вероятно с завтраком, книги, перчатки, тетради, кашне.

— Вы и на уроке так ищете? — спросил Заруцкий.

Логов отвернулся, чтобы скрыть невольную улыбку.

— Что вы! Что вы, Валерий Дмитрич! — испуганно запротестовал Стрелец. — Ведь приготовил... А, вот он!

Заруцкий просмотрел план, что-то быстро записал в блокноте.

Со звонком все трое пошли в класс.

Ребята уже были на своих местах, перед ними лежали на партах тетради, карандаши, линейки, циркули, транспортиры — все нужное для урока геометрии.

Поздоровались. Валерий Дмитриевич и Виктор Петрович заняли последние парты. Иван Кузьмич встал за столом и звучным взволнованным голосом (не таким, каким он говорил в учительской) сказал:

— Теорему Пифагора докажет Федотов. Минская решит задачу. Вот условие. Доску разделите пополам.

Логов удивленно поднял голову и не узнал старого учителя: глаза его молодо сверкали из-под седых высоко вскинутых бровей, распрямились плечи и спина, движения стали быстрыми. Поразительно легкой для его возраста и комплекции походкой Иван Кузьмич пошел вдоль парт.

— А мы пока проверим домашнее задание. Храмов, прошу.

«Учителя не стареют: они всегда молоды, как их ученики», — вспомнились Логову слова Ивана Федоровича. — Да, я начинаю это понимать».

Вадик, всегда вялый и ко всему равнодушный,

вдруг довольно резво поднялся со своего места и, не читая условия задачи, которое было всем известно, стал объяснять решение.

«Что это с ним?» — Виктор Петрович посмотрел на других ребят: Гулько водил пальцем по тетради, следя за решением; Маруся Приходько исподлобья, но с улыбкой, редкой для нее, поглядывала то в тетрадку, то на Ивана Кузьмича; только Степной посмеивался недоверчиво.

«Какие-то они сегодня не такие — хорошие. Наверно, потому, что завуч здесь», — решил Виктор Петрович.

Когда задание было проверено и ответили вызванные ученики, Иван Кузьмич начал доказательство новой теоремы. Он без линейки, но быстро и точно сделал на доске чертеж и стал объяснять. И чем дальше шло объяснение, тем ярче блестели глаза учителя, тем полнее звучал его голос.

Старый педагог не только сам говорил. Он задавал вопросы ребятам, и те, волнуясь вместе с учителем и радуясь тому, что новый урок дается им так легко и просто, весело отвечали с мест.

«Передалось! От него передалось! — догадался Логов. — Вот почему они работают с интересом».

Кончился урок. Виктор Петрович вслед за Иваном Кузьмичом вышел из класса, глядя на старого педагога влюбленными глазами и стараясь рассмотреть вблизи его чудно преобразившееся лицо. Но странное дело: как только Иван Кузьмич покинул ребят, он снова стал прежним стариком, снова, придя в учительскую, глотал свои пилюли и скучным голосом говорил скучные вещи. И Логов подумал, что, может быть, настоящий педагог вот так и должен жить: гореть, гореть в полный накал, когда он с детьми, а в остальное время лишь готовится к этому горению. Читает ли педагог новую книгу, смотрит ли в театре новую пьесу, слушает ли новую лекцию или концерт—все это он делает не только для себя, но прежде всего для своих учеников. И еще одно важное открытие сделал Виктор Петрович: ока-

зывается, мало передать ученикам свои знания — нужно передать ученикам и свою великую любовь к знанию.

ГЛАВА 29

— Брось! Сказал, завтра принесу! — кричал Светлов, пытаясь вырваться из рук Степного. — Я капельку не дочитал.

— В чем дело? — спросил Виктор Петрович, подходя к ребятам.

Алексей нехотя отпустил Володю и пробурчал ему вслед:

— Тоже мне грамотей! Одну книжку никак не осилит.

— Какую книжку?

— Да ту, что вы дали, — про Пушкина.

— Есть и другие хорошие книги.

— В нашей библиотеке ничего хорошего не достанешь: все на руках да на руках.

— Зайдите ко мне домой, в моей библиотечке найдется кое-что интересное.

Степной прищуренными глазами посмотрел на учителя и с грубоватой прямоотой спросил:

— Обрабатывать хотите?

— Хочу! — улыбнулся Виктор Петрович. — Моя обработка будет литературная. В вашем вкусе.

— Откуда вы знаете мой вкус?

— Пора узнать, Алеша, полгода с вами работаю. И, откровенно говоря, вы напрасно меня сторонитесь: я ведь тоже (учитель сделал ударение на последнем слове), я тоже пишу стихи.

Назвав свой адрес, Виктор Петрович ушел. А Степной остался на прежнем месте, и его красивое лицо вытянулось от удивления.

* * *

Назавтра Виктор Петрович ждал Степного до десяти часов. В одиннадцать Логов нервно расхаживал из угла в угол. А около двенадцати во дворе вдруг послышался лай собаки, потом — ее жалобный визг, и Алексей без стука рванул дверь передней.

— Можно?—спросил он, хотя был уже в комнате.

— Да, да! — отвечал учитель.

— Здравствуйте, Виктор Петрович!

— Здравствуйте, Алеша. Садитесь. Я сейчас.

Логов не случайно оставил ученика одного: он заметил, как тот покосился на книги, и хотел дать ему возможность посмотреть их.

Учитель повозился в кухне у печки, вымыл руки, закурил.

«Ведь пришел же, разбойник, пришел! Ловко я его вчера: «Я то же пишу стихи!» Ну, стихотворец, душа из тебя вон, теперь ты никуда не денешься!»

Логов смял папиросу и быстро вошел к ученику.

Алексей, услышав шаги, поспешно сунул на полку этажерки томик Есенина, но задвинул его так глубоко, что Виктор Петрович это сразу заметил.

— Книгами интересуетесь? Хорошее дело! — проговорил учитель, а сам подумал: «Есенин! Ясно, ясно».

Логов предложил ученику табурет и сел напротив.

— Ну, где же ваши стихи?

— Виктор Петрович, да кто вам сказал, что я пишу стихи?

— Никто не говорил, но я в этом не сомневаюсь. Даже могу сказать, в каком духе вы пишете.

— А скажите, скажите! Интересно!

— Я уверен, что вы поклонник Есенина и подражаете ему.

Степной удивленно вскинул брови.

— ...Что Лермонтова вы любите еще больше...

Степной пожал плечами и растерянно улыбнулся.

— ...Что вы склонны к одиночеству и что эта тема едва ли не самая главная в ваших стихах.

Степной хлопнул себя по колену ладонью и поерошил волосы. Его красивое лицо выражало теперь не удивление, а восторг.

— Виктор Петрович! — воскликнул он. — И откуда вы все знаете? Вы что, волшебник?

— Не удивляйтесь, Алеша. Я же говорил, что сам пишу стихи, так что поэта за версту вижу.

— Значит, я похож на поэта?

— Я уверен, что вы не только похожи, но и на самом деле поэт.

Степной ничего не ответил, только лицо его просияло.

Виктор Петрович, глядя на него, подумал:

«Ишь как расцвел! Любишь, когда хвалят. Погоди, дружок, я же тебя и поругаю».

— Значит, и вы пишете стихи? — спросил Алексей после долгого молчания.

— Да, пишу. У меня и в печати есть, наверное, стихотворений двадцать.

— А дадите почитать?

— Ну, конечно! Я не держу их в секрете, как некоторые молодые люди.

Они оба рассмеялись от души. И этот неожиданно веселый смех, которого никто в школе никогда не слышал от Степного, и эта первая искренняя беседа со скрытным учеником, обещающая полное сближение, очень радовали Виктора Петровича.

— Где-то были газеты. Сейчас найдем. — Логов порылся в ящиках стола.

— Одну газету мы уже читали, — без улыбки сказал Алексей, — с вашим фельетоном. Правильно, конечно. Поделом.

Хотя именно от Степного лучше всего можно было узнать, как отнесся к фельетону его друг Сема Гулько, Виктор Петрович поспешил отвлечь ученика от этого разговора: он неизбежно привел бы к осуждению поступков родителей, чего нельзя было допустить.

— Вот газеты, и здесь, в альманахе, две басни.

Алексей стал читать.

— «Нержавеющая слава...» Хорошо! «Вянут звезды на востоке, осыпаются, как цвет». Это совсем здорово! — поминутно восклицал он. — А такое, Виктор Петрович, похожее и у меня есть.

Алексей расстегнул пиджак и вытащил из-за пояса черный клеенчатый переплет, из которого торчало множество листов бумаги разной длины, клочки газет и карандаш.

— Вот послушайте. Недавно нацарапал.
Алексей незаметно увлекся и читал одно стихотворение за другим.

— ...А вот еще. «Ночь» называется.

Чем я встревожен? Мне не спится,
А ночь темна-темна,
А вьюга топчется и злится
У моего окна.
И клен раздетыми ветвями
Цварапает стекло,
Как будто просит со слезами:
— Открой, пусти в тепло!
Я так озяб под ветром вьюжным,
Мне страшно в эту ночь!..
А я молчу, хоть знаю: нужно,
Но чем ему помочь,
Когда вот так же в мгле ненастной
И жизнь моя текла,
Когда я сам ишу напрасно
Участья и тепла?
Клен оживет с лучом весенним,
Его спасет весна,
Но мне, где мне искать спасенья?
В ночи? А ночь темна..:

Степной замолчал и опустил голову. Виктор Петрович тоже некоторое время сидел молча, до боли сжимая пальцами вспотевший лоб.

— Алеша, — наконец тихо заговорил учитель. — Алеша, неужели ты так страшно одинок и так несчастлив?

— В стихах я никогда не вру.

— Но противоречишь себе. Разве ты на самом деле ищешь «участья и тепла»? Как раз наоборот: с тобой многие хотят сблизиться, и я первый, но ты держишься в стороне, всех избегаешь. Ты сам создаешь себе одиночество!

Степной кусал губы и комкал тетрадь.

— Конечно, сам, Алеша! Ты весь ушел в себя, замкнулся и воспеваешь свое горе горькое, даже как будто наслаждаешься им. Кроме своих узколичных чувств, ты ничего знать не хочешь. Неверно, Алеша! Так ты погубишь свой талант. Личные чувства, конечно, нужно описывать, но не все, а только те, что передают чувства других людей, всего народа. По-

нимаешь? А у кого из советских людей ты найдешь это свое одиночество или эту мировую скорбь? Смешно и говорить!

Учитель хотел было закурить, но, разминая папиросу, сломал ее и бросил.

— Если хочешь знать, вот это «гордое» одиночество и завело тебя в тупик. Оно и погубить может. Разве мало таких примеров! Одиночество, Алеша, пожалуй, одна из самых страшных пыток для человека... Помнишь, я рассказывал в классе горьковскую сказку о Ларре?

Виктор Петрович встал и заходил по комнате. Степной еще ниже опустил голову, ковыряя пол носком ботинка. Лица его учитель не видел.

— Так-то, Алеша! По форме твои стихи довольно удачны, у тебя уже выработалась техника. А вот содержание подкачалось... Знаешь что, Алеша! Попробуй-ка некоторое время ничего не писать. Займись чтением; книги можешь брать у меня. Только не читай на уроках! Учение, Алеша, прежде всего! Без знаний и не мечтай о поэзии!.. Так вот, попробуй не писать пока. Продумай хорошенько наш разговор, разберись во всем, повнимательней присмотришься к товарищам, ко всему, что тебя окружает. А там — вот увидишь! — и новые строки придут, лучше прежних, и бодрость, и светлая вера солнцем ворвутся в твои стихи! Ты сам будешь смеяться над своими вчерашними слезами... Да и тебе ли, такому юному, грустить! Это в наше-то время! Ты оглянись вокруг да посмотри, какая жизнь у нас!

Степной резко встал и в упор посмотрел на учителя.

— Напрасно стараетесь! — нервно крикнул он. — За советы благодарю, только я в них не нуждаюсь. Мой отец умер в ссылке, мать больная, еле ходит... жрать нечего, а вы — «солнце», «счастье»! С Храмовым о счастье поговорите: эта свинья закормленная вас лучше поймет...

Алексей смял свою тетрадь и вышел. Виктор Петрович не удерживал его. Учитель понял, что потерпел еще одно поражение, когда победа, казалось, бы-

ла так близка. И вдруг он услышал голос Митревны:

— Постой-ка, постой, негодник! Куда? Не пушут! Ты чего кричишь? А? На кого кричишь, спрашиваю?

Такого поворота Логов не ожидал. Он с трудом заставил себя усидеть на месте (ему очень хотелось выглянуть за дверь), а Митревна продолжала каким-то чужим, непривычно суровым голосом:

— На своего учителя кричишь? Бесстыжие твои глаза! Он тебя, дурака, человеком хочет сделать, а ты... Прямой ты негодник, вот и весь тебе сказ!

Как ни странно, Алексей ничего не ответил на это.

— Поди сюда! — повелительно позвала женщина. (По звуку шагов Виктор Петрович догадался, что соседка повела Степного в свою комнату.) — Видишь? Это старшой сын, Василь. Орденов-то! На целый полк хватит. Майор. Погиб смертью храбрых. Мне командир его так и прописал... — Митревна вздохнула. Теперь она говорила тише и мягче, но учитель по-прежнему слышал ее слова. — А это меньшой, Витюшка. Тоже бедовый был. Как где песни, пляски—он всегда первый. В армии разведчиком служил: к немцам, значит, в ихний тыл пробирался. Убили его, изверги... — Соседка снова вздохнула и снова помолчала. — Вот муж. Тоже знатный был человек, царство ему небесное. В шахте засыпало. Одна я осталась... Теперича суди, каково мне, старухе, на белом свете жить. А вот живу, креплюсь и в работе не последняя. Не у одного тебя горе, милоч. Из-за своего горя негоже на людей злоститься. А учителей особливо надо уважать: они тебя уму-разуму учат. Знаешь, чего Витюша про своих учителей писал? погоди, покажу. — Митревна пошуршала какими-то бумажками, вероятно нашла нужное письмо и отдала Степному.

— Тута вот почитай... Вслух, вслух читай: матери сыновнее слово дорого.

Степной прочитал:

— «...А Геннадию Максимовичу, Ольге Васильевне, Петру Захаровичу и всем нашим учителям передай мой низкий поклон и глубокую благодарность за

то, что они меня жить научили. Скажи, что я их никогда не забуду и не подведу, клянусь в этом комсомольской и гвардейской честью. А что шалил иногда, ленился, дерзил, так это просто по глупости. Многого я тогда не понимал. Пусть они меня извинят...»

Если бы Виктор Петрович видел Алексея в эту минуту, он заметил бы на его лице сочувственное внимание, смущение и... стыд, стыд перед этой старой доброй женщиной, перед светлой памятью ее мужа и сыновей, перед ним, его учителем.

— Видишь как! — сквозь слезы сказала Митревна. — Окромя благодарения, ничего учителям не говорит.

Некоторое время за стеной было совершенно тихо, потом раздался какой-то шорох, а через минуту хлопнула наружная дверь.

Логов поспешно вышел в переднюю.

Соседка протянула ему оставленную Алексеем записку.

ГЛАВА 30

Зима перепутала сроки: уже давно прокричали над головой запоздалые журавли, уже поезда дальнего следования привозили снег на крышах вагонов, уже ноябрь осыпался последними листками календаря, а под ногами еще чавкала грязь, и даже иней ни разу не опушил деревья. Только в конце декабря снежным валом обрушилась на город метель. Озлобленная, дикая, она секла колючими вихрями землю, погребала в снегу дороги, рвала провода, валила заборы, свирепо завывала, натываясь на препятствия. Мороз держался небольшой, но из-за ветра казался страшным. Улицы опустели. Лишь по главному шоссе, рыча и качаясь на сугробах, прошел тяжелый трактор со снегоочистителем и за ним несколько машин. Люди появлялись редко, преимущественно шахтеры, спешившие на работу. Идти было трудно. Человеческие фигурки, утопая по пояс в снегу и наваливаясь грудью на ветер, медленно двигались к шахте, которая одна как будто не замечала вьюги. Она

по-прежнему грохотала и дымила, осыпая белый снег черной угольной пылью.

Трое суток бушевала метелица и наделала много бед: в больницу поступало много обмороженных; два дня в Н. не приходили поезда, хотя тысячи людей расчищали дорогу; половина города осталась без электричества; молчало радио и телефон. Лишь на четвертые сутки улегся буран и проглянуло солнце.

Занятия в школах временно прекратились. Учителя, как и все почти жители города, работали на железнодорожной линии, которая лишь местами виднелась из-под снега. По насыпи где кучками, где в одиночку копошились люди с лопатами; несколько в стороне чернели на сиегу два трактора и с десятков грузовых машин. В морозном воздухе звонко раздавались свистки паровоза, суетившегося на станции, рокот моторов, стук железных лопат о рельсы, крики и смех.

Виктор Петрович, в валенках, в шерстяной кацавейке и шапке-ушанке, энергично наседавал на большой сугроб.

«Интересно, сколько в нем лопат? — прикидывал учитель. — Сейчас узнаем: раз, два, три...»

Он сразу взял быстрый темп и легко досчитал до сорока. Его сердце забилось гулко и часто, глубже стало дыхание. Логову показалось, что в его груди лопнула какая-то перепонка, до сих пор мешавшая ему дышать, что только теперь он вздохнул полными легкими. Работая, он почувствовал, что в его теле есть мускулы, есть еще сила, которая прежде бездействовала и о которой он почему-то забывал. И Логов с радостью расходовал эту силу, так как знал: чем больше тратишь ее, тем больше она становится.

«Чудесно! Почаще вот такие разминки делать нужно, а то я все-над столом гнусь...»

После сотой лопаты Виктор Петрович решил передохнуть. Он с наслаждением разогнулся и некоторое время стоял неподвижно. Перед ним с одной стороны лежала степь, зарытая в снега; с другой — рассыпался домами веселый городок, тоже белый; только огромный курган террикона по-прежнему тем-

нел вдали: снег лишь местами держался на теплой его поверхности.

— Отдыхаете? — к Логову подошел Геннадий Максимович. — В этом я всегда готов вам помочь.

— Вы все шутите... Устал немножко. И пейзажем вот залюбовался. Какая резкая перемена: три дня назад сырость, грязь. — и вдруг!..

— Да, перемена столь же резкая, как и в вашем Степном. Вы знаете, он сегодня со мной поздоровался! Я даже опешил, клянусь вам всеми суффиксами и приставками.

— Ну и клятвы же у вас! — улыбнулся Виктор Петрович. — Так, значит, поздоровался?

— Да, представьте себе! И знаете, этак с легким поклоном и, главное, без иронии. Вы просто чудотворец, истинный чудотворец!

— Какие там чудеса! Эх, Геннадий Максимович, уж если говорить правду, так я никудышный педагог.

— Ну, бросьте, бросьте! Я-то знаю...

— Не все вы знаете. На днях Степной был у меня...

— Дома?

— Дома.

— И это вы тоже не считаете чудом? — По лицу Белова забегали лукавые морщинки. — Ну-ну, как же вы с ним?

— Да как... Все испортил.

— Не может быть! — Геннадий Максимович недоверчиво взглянул на Логова.

— Все испортил, — повторил Виктор Петрович огорченно. — Он прочитал мне свои стихи...

— Так он еще и поэт? — Белов удивленно развел руками. — Ну, теперь-то вы с ним найдете общий язык: вы же сами сочиняете.

— Вот именно, сочиняю. Только я о другом. Понимаете ли... — Виктор Петрович торопливо размял и прикурил папиросу. — Понимаете, Геннадий Максимович, я сгупил, я не сумел подойти к нему. Алексей очень способный парень, но отшельник и стихи пишет мрачные, унылые. Я и хотел убедить его, чтоб он лучше ко всему присматривался. В общем произнес длин-

ную и скучную речь. Потом стал говорить о счастье, а что у него в семье горе, я толком и не знал. Вы слышали что-нибудь об его отце?

— Никогда не слыхал.

— Я тоже. Ведь от Алексея ничего не добьешься, и мать не лучше.

— Вот оно что... Ну-ну, дальше.

— А что дальше? Степной отчитал меня и ушел. Если б не соседка...

И Виктор Петрович рассказал, как малограмотная женщина запросто сделала то, чего не смог сделать он, человек с высшим педагогическим образованием.

— Да, интересный факт, — согласился Белов. — Вот вам отличный пример народной педагогики. Алексей, говорите, записку оставил? Что же он пишет, если не секрет?

— Какие могут быть секреты! Я ее наизусть помню: «Извиняюсь, хотя вы тоже... В общем ладно. Я все равно уважаю вас».

— Чисто степновский стиль, — заметил Геннадий Максимович. — Однако, мой дорогой коллега, я не вижу причин для ваших мрачных настроений. Любви Степного, я думаю, вы не добиваетесь, а уважать вас... вы же заставили его уважать вас! Хочет он этого или не хочет, но ему также придется выполнять ваши требования. Кроме того, мальчишка, по-моему, явно тяготеет к вам: вас роднят общие творческие интересы, ему нужна ваша помощь, ваш совет, и он это чувствует. Степной, можете не сомневаться, обратится к вам.

— Вы уверены?

Виктор Петрович сам уже был в этом уверен, но лишний раз хотел услышать мнение других.

— Совершенно уверен! Вам остается применить особенно важную для него форму воспитания... Какую?

Логов не мог не улыбнуться:

— Экзаменуете! Остается, конечно, воспитание в процессе художественного творчества. Однако время не ждет.

Виктор Петрович и Геннадий Максимович снова

взялись за лопаты. Вдвоем они быстро закончили сугроб, помогли Валерию Дмитриевичу, который работал рядом, и вместе пошли домой.

— Виктор Петрович, — говорил заведующий учебной частью, — так я проверил контрольную по математике, ту, что сам проводил.

— Ну и как?

— Результат самый неожиданный: половина вашего класса получила плохие отметки.

— Что вы говорите?!

— Да, представьте! И ведь задачи мы подобрали нетрудные. Ребята подготовлены слабо.

— Ничего не понимаю! Ведь Иван Кузьмич прекрасные уроки дает, и вдруг...

— Отставание по математике создалось, конечно, не вдруг. Просто мы недоглядели.

ГЛАВА 31

Виктор Петрович втайне надеялся, что Степной еще придет к нему. Он ждал его каждый день и не дождался.

«Сам схожу, — решил учитель. — Надо же, наконец, выяснить, что там у него в семье».

Логов не узнал Первого Шурфа, потому что привык видеть поселок черным, а теперь он стал белым. Занесенный снегом низкий домишко Степного был похож на сугроб. Лишь труба, из которой шел слабый дымок, да узкая расчищенная дорожка, напоминавшая траншею, обнаруживали человеческое жильё.

Учителя встретила мать Алексея. Поздоровались.

— Сын дома?

— Нету.

— И очень хорошо. Мне с вами нужно побеседовать. Вас как зовут?

— Кличьте бабкой Фетой.

— Неудобно так... Отчество скажите.

— По-батюшке, что ль? Филипповна.

— Феоктиста Филипповна, значит.

— Да-а, Феоктиста Филипповна! — вздохнула жен-

щина. — Когда-то меня так величали... Да все с поклоном, с почтением, потому человеком была. А теперь... — она махнула рукой. — Что пустое гутарить!

«Видно, давно ее так не называли, что старину вспомнила, — подумал Виктор Петрович. — Интересно послушать...»

Но Феоктиста Филипповна сидела в глубокой задумчивости, подперев кулаком дряблую щеку.

Чтобы возобновить разговор, Логов сказал осторожно:

— Понимаю, что вам тяжело, но и отчаиваться...

— Чего? — словно проснувшись, спросила женщина.

— Тяжело вам, говорю, но рук опускать не стоит.

— А что ты исделаешь? Кому жалиться пойдешь? Кто тебе подсобит, когда жизнь такая? Рази в наше время так было? — Лицо Феоктисты Филипповны потемнело, и в тусклых глазах ее вспыхнула не стертая годами, застарелая вражда. — Рази мы думали об куске хлеба? Да мы по всей станице первые богачи були!

«Вот как! Из раскулаченных, значит. Ясно, теперь все ясно». — Учитель встал и заходил по комнате.

— Что было, то прошло, — сказал он.

— Звестное дело, прошло. Радовайтесь! — Феоктиста Филипповна отвернулась, плечи ее затряслись от внезапно вырвавшихся рыданий. А минутой спустя она снова смотрела на Логова ненавидящими глазами и кричала:

— В милицию теперя пойдете? Идите! Нехай заберут! Нехай! Все одно жизни нету.

— А сын?

Женщина упала головой на стол, опрокинув какой-то предмет, прикрытый газетой, и снова зарыдала.

Виктор Петрович услышал запах водки.

«Пьет. Вот почему она разговорилась! Нет худа без добра».

Логов удивлялся, что ему не было жаль несчаст-

ную старуху. И ее слезы почему-то не растрогали его. Потом он понял, отчего это происходило: Феоктиста Филипповна была женой и сообщницей кулака, а кулаки повесили его деда, с кулаками воевал его отец.

«Конечно, она хвалит сыну старую жизнь, а советскую власть ругает. Отсюда и отчужденность, и озлобленность, и стихи такие...» Не взглянув больше на старуху, Логов шагнул через порог.

ГЛАВА 32

Двадцать девятое декабря — последний учебный день перед зимними каникулами.

Дети, как их ни настраивай на работу, как ни требуй внимания, уже чувствуют близкий отдых. И усидишь ли спокойно за партой, да еще во второй смене, когда с улицы доносятся смех и крики малышей, уже отпущенных на каникулы, когда дома пекут праздничные пироги и тайком готовят подарки, когда в окна классов морозными ветвями каких-то сказочных деревьев уже стучится Новый год!

В зале, у елки, и в пионерской комнате деловитая суета: рисуют, клеят, красят, подвешивают. Сюда могут войти только избранные счастливыцы из числа лучших учеников. Остальные завистливо поглядывают на закрытые двери.

Некоторые старшеклассники, освобожденные от занятий, тоже не сидят без дела. Володя Светлов просто сбился с ног: не успел он закончить объявление о новогоднем бале-маскараде, как его потащили в пионерскую раскрашивать союзный герб; только он взялся за кисть, а его уже тянули к елке. Люба Поярцева сидела у школьного пианино и неустанно повторяла какой-то трудный пассаж. По сцене, изредка заглядывая в книгу и шевеля губами, прохаживалась Галя Минская. За кулисами вздыхал баян, и ему нежно вторила скрипка.

И вот настал торжественный день — первое января.

В разукрашенном и ярко освещенном зале вокруг нарядной елки движется пестрая толпа ребят в маскарадных костюмах. Кого здесь только нет! И Тарас Бульба в паре с Василисой Прекрасной, и добрый доктор Айболит, заботливо предлагающий каждому огромный термометр, и Человек в футляре под ручку с Русалкой!

Музыка, смех, веселая болтовня.

Вдруг откуда-то из глубины здания доносится тяжелый, все нарастающий грохот, и на пороге в сопровождении шести мальчиков появляется Черномор. Шум в зале смолкает. С минуту «колдун» стоит неподвижно, потом он медленно-медленно поднимает руки. Свет гаснет, и тотчас вспыхивает елка. В двери вбегает запыхавшийся Дед Мороз.

— Здравствуйте, дорогие друзья! С Новым годом! С новым счастьем! С новыми успехами!

...Степной пришел на вечер позже других. Он долго бродил по коридорам, заглядывал в комнаты отдыха, пока его не заметил Виктор Петрович. Когда учитель окликнул Алексея и пригласил его в зал, тот с минуту колебался. Но потом он решительно отеснил плечом стоявших у входа ребят и зашагал напрямик через свободное пространство перед сценой к противоположной стене. Степной шел, не торопясь и не пригибаясь, как это делали другие, чтобы не мешать зрителям, а напротив, еще замедлил шаг и небрежно взглянул на «артистов».

Ученики задвинулись. Те, кто стоял позади, вытянули шеи, поднялись на носки.

— Степняк?!

— Правда, Степной, смотрите!

— Вот это да! — слышался недоуменный шепот.

И было чему удивляться: Алексей впервые присутствовал на общешкольном вечере.

К Логову подошел Иван Кузьмич.

— Напрасно вы его пустили, — шепнул он Виктору Петровичу. — Теперь глядите, чтоб вечер не сорвал.

— Не волнуйтесь, — нахмурился Логов и отвел математика в сторону, чтобы их разговора не слышали ребята. — Степной мой ученик, и я за него отвечаю.

— Э-э, батенька мой, да вы нынче не в духе! — проговорил Иван Кузьмич, двигая своими лохматыми бровями и не зная, обижаться ему на Логова или принять его слова за шутку.

— Да, я очень расстроен в последние дни, — мрачно отвечал Виктор Петрович. — Скажите, Иван Кузьмич, как могло случиться, что весь класс получил по контрольной двойки? Весь класс!

— Вы удивляетесь?

— Я не удивляюсь, я возмущаюсь!

— Видите ли, молодой человек, вы просто... вы просто еще очень молодой человек. Вы не знаете, как легко обвинить учителя в том, в чем он абсолютно не виноват. Программа перегружена — виноват учитель; ребята ленятся — опять учитель виноват...

— Простите, но вы недавно говорили, что класс работает хорошо.

— Работал хорошо, а теперь стал работать плохо.

— Ни с того ни с сего?

— Ну, с чего ваш класс перестал работать, это вам лучше знать.

— Предположим. Но странно одно, Иван Кузьмич, что мой класс вдруг перестал работать только по математике. По другим предметам он работает хорошо.

— Не знаю, как по другим, я говорю о своем предмете. И еще... только между нами... — Иван Кузьмич приблизил свое лицо к лицу Логова, и Виктор Петрович опять услышал запах моченых сухарей. — Ума не приложу, за какие грехи, но я с первого дня работы в немилости у завуча. Подобрал трудные задачи...

— Это ложь! — Виктор Петрович с негодованием отшатнулся от Ивана Кузьмича. — С большой головы на здоровую...

— Вы произносите новогоднюю речь? — подходя

к товарищам, спросил Белов. — С Новым счастливым годом!

— Спасибо. И вас также.

— О чем вы тут?

— Да насчет контрольной! — горячился Логов. — Вот скажите вы, Геннадий Максимович: можно ли в плохой успеваемости винить одних ребят?

— Разумеется, нельзя. Виноват прежде всего учитель. Между прочим, я только что говорил с Валерием Дмитриевичем. Оказывается, и в других ваших классах, Иван Кузьмич, такая же история.

Стрелец закашлялся и, указывая на окно, пробурчал:

— Извините... я не могу... дует страшно...

— Свежая струя очень полезна, особенно когда застоялась атмосфера, — многозначительно заметил Белов.

Между тем в зале начался концерт.

— Петр Ильич Чайковский, «Тройка» из «Времен года». Исполняет ученица восьмого класса Люба Поярцева, — объявил конферансье.

Девочка села за пианино, тронула клавиши — и разгулялась на просторе бедовая русская метель; вот звякнули и рассыпались в поле серебряные бубенцы, и, обгоняя быстрые вихри, понеслась залихватская тройка под молодецкую песнь ямщика; прячется в тучи озябший месяц, голодный волк хоронится от вьюги в свое неуютное логово, а тройка все мчится и мчится, и не смолкает удалой напев...

Светлов широко раскрытыми неподвижными глазами смотрел на юную пианистку. Видел ли он ее, слышал ли вьюжные стоны, или в его воображении художника звуки обращались в краски и чудная картина встала перед ним — трудно сказать, только мальчик все забыл в эту минуту.

Степной вёсь подался вперед, словно хотел сорваться с места и ринуться навстречу струнной буре. Музыка проникла и в его долго скрываемое от людей, но чуткое и доброе сердце.

Даже робкая, словно чем-то напуганная Маруся Приходько и та как будто просветлела.

Храмов, кусая губы, исподлобья поглядывал на Поярцеву. Музыкант по маминой воле, Вадик понял теперь, как плохо он играл. Любая музыкальная пьеса казалась ему только длинной вереницей нот, которые нужно было сыграть то громко, то тихо, то быстро, то медленно. И он брал эти ноты как было нужно, хотя никогда не чувствовал, что они выражали. Вадик тоже недавно разучил «Тройку» Чайковского, однако великолепная музыкальная картинка даже не взволновала его; он не увидел в ней ни раздольной русской степи, ни самой тройки, не услышал ни завывания вьюги, ни звона колокольчиков, ни удалой песни ямщика — не увидел и не услышал того, что увидела, услышала и показала другим Люба Поярцева.

Когда звуки умолкли и по залу прокатились аплодисменты, Алексей бросился в коридор. Он искал кого-то, не нашел, вернулся в зал и здесь не увидел нужного ему человека. Тогда Степной крикнул:

— Где же Виктор Петрович?

Учитель вышел из-за кулис.

— Виктор Петрович! Разрешите мне! Выступить разрешите!

Логов только взглянул на ученика и все понял.

— Разрешаю. Иди.

Оттолкнув конферансье, который хотел остановить его, чтобы объявить номер, Алексей взбежал на подмости.

— Я буду... я прочту вам одно стихотворение.

Шум, возгласы удивления, потом отчаянные хлопки в ладоши встретили его.

Юноша дождался тишины и начал:

Синим-синим парусом развернулось небо;

Мачтами зелеными выросли дубы...

Кто такой вот синью околдован не был!

Кто под этим небом песни не любил!

За века отпевшие, за века былые

Много перепето песен на Руси:

Пел Великий Новгород, пел престольный Киев,

Пела Волга-матушка и донская синь.

Ой ты, Русь широкая, Русь широкогрудая!
И обнял бы русую, только не обнять.
Но уж песни выслушай, напоюсь покуда я.
Если песни любишь, полюби меня!

Буду петь о радостях, буду петь о горе,
Обо всем, что видел и увижу впредь.
В сердце полыхают песенные зори —
Видно, жить мне с песнями, с песней умереть!

Степной читал громко, смело, но с очень бедными и фальшивыми интонациями. Логических ударений он вовсе не чувствовал, а шел только за ритмом стиха. Короткие сильные жесты, совершенная свобода, с которой Алексей держался на сцене, мало помогли ему.

Когда он кончил читать, зрители вознаградили его дружными аплодисментами и криками «бис». Но это были аплодисменты и крики для поднятия духа, соболезнующие овации, какими провожают иногда в клубах сбившихся с толку молодых исполнителей, как бы говоря: «Не горюй, брат! Всяко случается...»

Степной спрыгнул с подмостков прямо в зал и вышел за дверь. Он долго бродил по гулким пустым коридорам.

«...Что эти кретины понимают в стихах! — негодовал юноша. — Тоже мне «ценители»! И на кой черт я полез туда? Перед Любкой хотел пофасонить... А играет она классически! Вообще замечательная девчонка...»

Издали доносились звуки радиолы, веселые голоса и смех.

«Танцуют. — Степной презрительно скривил губы. — Обывательщина, буржуазные предрассудки... Интересно, с кем она?»

Алексей пошел к залу. На повороте коридора ему встретилась Галя с большой кожаной сумкой в руках. Через плечо девочки была переброшена широкая повязка «Почта».

— Леша! — крикнула Минская. — А я тебя ищу.

— Иди ты... — сквозь зубы процедил Алексей.

— И совсем неумно! — Галя обиженно вскинула голову и, перегоня Степного, быстро пошла назад.—

С тобой, как с человеком, говорят, а ты ругаешься. Пожалеешь потом.

— Как бы ты не пожалела.

— Мне-то не о чем жалеть, а вот ты пожалеешь. Видишь, сколько писем? — Она показала толстую кипу бумажек. — Это все тебе. Только ты их теперь не получишь.

— Не получу-у? — Алексей зловеще улыбнулся. — Сейчас посмотрим...

Он хотел схватить Галю за руку, но девочка побежала и скрылась в толпе. Степной выругался.

С еще более мрачным видом, чем прежде, вошел он в самую гущу веселых друзей, увы, чуждых ему. Кругом стояли, ходили, танцевали, целыми классами пели песни или вели общий шумный разговор. И Люба Поярцева была где-то с ними.

«Только я одинок. А кто виноват в этом? — вдруг ослепительно ясно, как молния в ночном небе, сверкнул в сознании юноши вопрос. — «Ты сам создаешь себе одиночество». Черт возьми, а ведь он прав. Но что делать?»

Неожиданно перед глазами Степного промелькнула Люба в паре с Виктором Петровичем. И девушка и учитель приветливо улыбнулись ему. И всякий раз, когда Люба в танце поворачивалась к Алексею, она смотрела на него синими смеющимися глазами. Эти короткие взгляды волновали его, он ждал их, ловил, терял и снова ловил. У Степного задергались губы, и улыбка, тусклая, неполная улыбка, как солнце сквозь тучи, проглянула на его лице.

Танец кончился. Виктор Петрович подвел девушку к Алексею.

— Ну, молодежь, теперь вы танцуйте: сегодня ваш бал. Это что еще? — Заметив какой-то непорядок, учитель отошел прочь.

В присутствии Поярцевой Степной всегда чувствовал неловкость. Он злился на себя за это, но ничего не мог поделать и не знал, о чем говорить. Девушка с лукавой улыбкой поглядывала на своего молчаливого партнера и вдруг рассмеялась.

— Ну, чего ты, — говорила она сквозь смех, —

чего ты такой бука? — Люба забавно надула губы, нахмурила лоб. — Вот такой! — И снова рассмеялась.

Алексей хотел обидеться, но девушка схватила его за руку, и они выбежали в коридор. Когда шумная толпа осталась позади, Люба остановилась. Разгоряченная бегом, светлая и радостная, она была необыкновенно хороша в эту минуту. Матовый блеск освещенных с улицы морозных стекол падал на ее лицо, волшебные узоры трепетали в складках ее тонкого платья, и юноше казалось, что перед ним стоит красавица, пришедшая к нему из какой-то чудесной сказки, что она зовет его в эту сказку и он не может не пойти за ней.

— Тебе скучно со мной? — спросила Поярцева.

— Нет, нет, Люба! Что ты! — горячо возразил Алексей. — Как раз наоборот. Сегодня ты такая...

— Какая?

— Ну, хорошая... сказочная! Вот.

Они помолчали.

— И ты хороший, — чуть слышно прошептала девушка.

— Люба! — Степной хотел взять руку Поярцевой и не решился.

* * *

После бала Виктора Петровича провожал домой весь класс.

Погода стояла морозная, ветреная. От чистого снега, еще не успевшего покрыться угольной пылью, было светло как днем.

Ученики оставались в том радостном возбуждении, которое они вынесли с вечера: пели песни, болтали веселые глупости и смеялись над ними до слез. Потом незаметно перешли к обсуждению концерта школьной самодеятельности.

— Люба сегодня всех затмила! — кричал Володя Светлов.

Товарищи с ним согласились, а Поярцева, зардевшись, быстро взглянула на Алексея: что думает он?

Но Степной с мрачным и беспокойным видом смотрел куда-то в сторону. Гордый и самолюбивый, он болезненно переживал свой провал и, чувствуя, что ребята скажут и о его выступлении, бледнел в ожидании откровенного их приговора.

— А у Алеши, скажете, плохие стихи? — пробасил Сережа Федотов. — Читал он, правда, того... немножко...

— Плохо читал! — договорил за него Степной, сверкнув глазами. — Знаю сам.

Виктор Петрович примирительно заметил:

— Дело поправимое! Просто Алексею поработать нужно над художественным чтением, и все. Где-то была у меня хорошая книжка по этому вопросу...

Когда школьники остановились возле дома учителя, попрощались и двинулись обратно, Степной задержался у ворот.

— Виктор Петрович, — проговорил он, — дайте мне ту книгу.

«Пришел все-таки. Пришел!..» — возбужденно повторял учитель, после того как Алексей получил книгу и побежал догонять товарищей.

— Помягчел, что и говорить! — улыбалась Митревна, готовя ужин. — А то ишь расшумелся! Бедовый какой!

— Извините. Я сейчас. — Логов принес из своей комнаты бутылку вина, консервы, пирожное. — Должны же мы встретить Новый год! А Степной в самом деле помягчел. Это вы, Лукерья Дмитриевна, помогли... Знаете, о чем я сейчас подумал: что, если вы к нам в школу работать пойдете? А?

Митревна даже попятилась, услышав такие слова.

— Батюшки! Что же я там делать-то буду?!

— Гардеробщицей будете работать. Понимаете, у нас есть гардеробщица, но грубая очень и ребят не любит. По-моему, ее уволить хотят. Поговорить с директором?

— Вы и заправду меня в школу сватаете?

— Ну конечно! А почему бы вам не перейти

К стр. 144

в школу? Ребят вы любите, умеете по-своему воспитывать их, а это главное. Вот и будете нам помогать.

— Ваша правда. Своих ребят потеряла, так хоть с вашими душу отведу.

— Прекрасно! С Новым годом, Лукерья Дмитриевна, с новым счастьем!

ГЛАВА 33

Невесело начался для Логова новый год: половина его класса не успевала по математике.

«Как легко меня обмануть! — досадовал и на себя и на Ивана Кузьмича Виктор Петрович. — Ведь я восхищался его уроками, да и теперь восхищаюсь, а оказывается, дрянь... Но почему дрянь? Потому что ребята плохо знают? А может быть, они в самом деле стали лениться? Так и в других классах та же история».

Хотя Виктор Петрович сам просматривал контрольные работы по математике и убедился, что двойки были поставлены справедливо, хотя он возмущался и ругал Ивана Кузьмича, он никак не мог поверить, что Иван Кузьмич плохой учитель.

«Надо с Валерием Дмитриевичем и с родителями поговорить, — решил Виктор Петрович. — Может, что-нибудь выясню. Вот загадал мне загадку Иван Кузьмич! Схожу-ка я сейчас к Гулько...»

Логов оделся и вышел на улицу. Был морозный и солнечный день. Было тихо-тихо. Снег, ослепительно белый на солнце и голубой в тени, искрился мельчайшими блестками. Мохнатые от густого инея ветки деревьев распластались по синему полотнищу неба. Удивительно легкий и по-зимнему душистый воздух бодрящей свежестью вливался в грудь. Хотелось дышать и дышать. И Виктор Петрович жадно вдыхал эту бодрящую свежесть и чувствовал, что кровь быстрее заструилась в его жилах.

«Как хорошо! — Логов замедлил шаг и в раздумье остановился. — Вот природа. Живет себе своей

особенной жизнью, спокойно и величаво. А я и не вижу. Сейчас бы на лыжи, да в степь, вон за те бугры! Все некогда. Домой и то никак не выберусь. Хотел на каникулах съездить, только вряд ли... Работы пропасть. Неужели у всех так?..»

И снова скрипел под его ногами утоптаный звонкий снежок. На Загородней улице учитель столкнулся с матерью Семы Гулько.

— С Новым годом, Варвара Ивановна! Здравствуйте!

— Ах, Виктор Петрович, спаситель вы наш! С Новым годом! Не знаю, как вас и благодарить! — Женщина схватила учителя за руки и долго трясла их. Ее глаза, когда-то поразившие Логова своим горестным выражением, теперь улыбались радостно и приветливо. — Заходите же, заходите к нам!

Учитель заметил, что дом, как и глаза хозяйки, тоже повеселел. Хотя квартира еще оставалась полупустой, в ней стало чище и светлее: вместо черных от пыли марлевых занавесок висели на вымытых окнах новые гардины. В зале появился небольшой стол с двумя выдвигаемыми ящиками, сверху лежали стопки тетрадей и книг. В буфете, где прежде не было никакой посуды, теперь стояло несколько тарелок и чашек.

— Садитесь, пожалуйста, — суежилась хозяйка, подавая Логову стул. — Ох, и спасибочко ж вам, что в газете прописали! Мужик-то мой меньше пить стал. Совсем, правда, не бросил. Не могу, говорит, сразу отрубить. Но полочки домой приносит... И на собраниях, видно, его крепко пристыдили. Пришел злой, как черт, а тверезый и не дрался. Потихе стал.

— Как же это судьба допустила? — с улыбкой спросил Виктор Петрович. — Помните, что вы говорили тогда?

— Ох, Виктор Петрович, чего не скажешь, когда такая беда! — вздохнула женщина.

— Как мать?

— И мать взял домой. С голоду, бедная, помирала. Сейчас отдышалась маленько, слава богу.

— При чем же тут бог?

— Да это только так говорится. Конечно, какой он бог теперь!

— Ну, а Сема исправляется?

— Куда-а! И не сравнить! Только недовольный чего-то. С Лешкой они повздорили.

— Он был у вас?

— Приходил под Новый год. Я в кухне возилась, у печки. Слышу, мой Семка говорит: «А чего она фасонит! Подумаешь, недотрога! Глаза набью, так будет знать...» Лешка помолчал-помолчал, да как гаркнет: «А вот это видал? Попробуй только!» И так он это крикнул, что даже мне боязно стало. Вбежала я в комнату, а Лешки уже нет. Семка на кровати лежит одевши, к стенке отвернулся. Спрашиваю — молчит. Так ничего и не добила. Он и в школу на вечер не пошел. Не знаю, чего с ними.

Логов лучше Варвары Ивановны понял причину ссоры:

«Это они из-за Любы. Сема никак не может забыть ту пощечину, а Степной теперь Поярцеву никому в обиду не даст».

— И вас они вспоминали, — продолжала хозяйка. — Очень они вас уважают, Виктор Петрович. Уж на что Лешка... сами знаете, ничем ему не угодишь, и тот как-то обмолвился. «В нашей школе, — говорит, — есть два настоящих учителя: Виктор Петрович и Геннадий Максимович. Остальные, — говорит, — обыкновенные шкрабы». А Кузьмича так вовсе ругают почем зря.

— Ивана Кузьмича?

— Да. Они его Кузьмичом называют. Это котрый по алгебре.

— Иван Кузьмич очень хороший учитель.

— Ну, уж не знаю. Лешка про него даже стишки сложил. Они тут их на все лады распевали. Погодите, как же они... Да вот, вспомнила:

Кузьмич устроил напказ
Один урок хороший...
Для завуча. Ну, а для нас
Сгодятся и поплоше.

— Варвара Ивановна, не разрешайте им обсуждать поведение взрослых, тем более учителей! — сказал Виктор Петрович, а сам подумал: «Разве это запретишь? Взрослые сами виноваты, если о них плохое говорят. Но Иван Кузьмич! Значит, он только напоказ так работает, парадные уроки дает, когда кто-нибудь присутствует, а в остальное время... Степному можно верить: он не соврет».

ГЛАВА 34

Выйдя от Гулько, учитель зашел по дороге к Федотовым. Дома был один Сережа. Он очень обрадовался Виктору Петровичу, именно потому, что был один и мог встретить учителя как полноправный хозяин.

— Раздевайтесь, пожалуйста! Давайте я повешу пальто. Пожалуйста, садитесь! — то и дело говорил Сережа и бегал вокруг Виктора Петровича, стуча по полу своими огромными бутсами. Вешая пальто, он оборвал вешалку и был сильно этим огорчен. Проходя мимо старинного комода, он задел его нечаянно локтем, и все стоявшие на нем рамки с фотографиями попадали. Сережа стал их поднимать и опрокинул глиняную статуэтку так, что у нее отскочила голова.

— Не везет вам сегодня, — покачал головой Виктор Петрович, глядя на неуклюжую фигуру смущенного и растерянного ученика.

Впрочем, Федотов скоро вернулся к роли гостеприимного хозяина:

— Виктор Петрович, вы хотите чаю?

— Нет, Сережа, благодарю. Я недавно завтракал.

— С медом, Виктор Петрович! Я знаю, где он стоит...

Чтобы не рассмеяться, учитель закусил губу и стал разглядывать приколотый к столу чертеж.

— Что это вы чертите?

— Папину «Схему замораживания выработанных пространств». Вот смотрите... — Ученик оживился и

хотел пояснить схему, но Виктор Петрович его перебил:

— Погодите, погодите! Где-то я уже слышал об этом... А, кажется, в столовой. Да, да, в столовой! У вашего папы есть родимое пятно на щеке?

— Есть, на левой.

— Значит, это был он! Ну, и как? Приняли его рационализаторское предложение?

— А кто его знает. Мы с папой, — Сережа выразительно посмотрел на учителя, — мы с папой сдавали вот такую схему и пояснительную записку тоже. Мы хотели, чтоб испытания провели, а они не хотят, бюрократы всякие. Говорят, что холодильных установок нет.

— Что же вы дальше?

— В Москву пошлем. Вот закончу проект — и пошлем.

— Правильно! Отступать вам нельзя. Предложение, по-моему, очень ценное.

Логов продолжал говорить о замораживании выработанных пространств и экономии государственных денег, которую оно, может дать, о настойчивости и терпении, но думал он уже о другом, о том, что у Сережи по геометрии двойка, хотя мальчик всегда был старателен и по другим предметам успевал хорошо.

— Сережа, покажите мне все ваши контрольные работы по математике за восьмой класс, — неожиданно для ученика сказал Виктор Петрович.

— А у меня их нет.

— Где же они?

— Они... они... Я не знаю.

— Как не знаете? Отдали кому-нибудь из ребят?

— Нет. Иван Кузьмич говорил, чтоб мы... в общем никому не говорили.

— Ну, если он этого требовал, вы, конечно, должны молчать.

Хотя Логову очень хотелось узнать немедленно, что же такое запретил говорить своим ученикам Иван Кузьмич, он из педагогического такта и солидарности поддерживал его требование. Однако Вик-

тор Петрович сразу почувствовал, что за этим его требованием кроется что-то нехорошее.

Раздался звонок. Сережа, опрокинув по дороге стул, побежал отворять и скоро вернулся с Володей Светловым.

— Виктор Петрович, здравствуйте! — закричал мальчик еще из передней.

— Здравствуйте, Володя.

— Виктор Петрович, я его видел сейчас! Он в шахте прячется!

— Ничего не пойму. Кто прячется в шахте?

— Лешка! Следы на снегу!

— Погодите, погодите! Спокойней и все по порядку.

Но говорить спокойней Светлов не умел. Он по-прежнему размахивал руками, прыгал на месте и звонким, возбужденным голосом продолжал:

— Я на Первый Шурф поехал с горы покататься! А он тоже на лыжах и какую-то корзину за собой тащит, чтоб следы замести! А мне сверху все видно — далеко-о! Я его сразу заметил — и вниз! Ух, и мчался! Жутко! Только не догнал. Он к речке спустился и пропал куда-то! Я по следу пошел! Смотрю: старая штольня! И след кончился! Точно! В шахту полез! Я за ним хотел, да там темно, жутко! А фонарик не взял! Так я к Сереже, чтоб вместе! Вот!

Учитель спросил у Сережи, может ли он достать еще одну пару лыж. Лыжи нашлись у соседей. Захватив карманный фонарь, бельевую веревку и саперную лопатку, все трое отправились в путь. Светлов бежал впереди, то и дело оглядываясь и выкрикивая: «Тут километра полтора!», «За речкой!», «Вот его след!» За Володей, не отставая ни на шаг, шел Виктор Петрович. Сережа сразу отстал. Ноги его не слушались, лыжи наезжали одна на другую. Тогда он взвалил лыжи на плечи и, утопая по колено в снегу, пустился бегом. Скоро они были на левом крутом берегу реки, у старой штольни.

— Вот что, ребята, — сказал учитель, — дальше я пойду один.

— Ви-иктор Петро-ович! — чуть не плача, проговорил Светлов. — Почему вы нас не берете?

— Нельзя, ребята, нельзя! Опасно. Ждите меня здесь. Сережа, давайте фонарь и лопату.

Штольня полого спускалась, и через несколько шагов в ней стало совершенно темно. Запахло погребом. Освещая фонарем дорогу, Виктор Петрович осторожно ступал по мерзлой земле. Скоро он заметил впереди какой-то предмет. Оказалось, что это сани, а чуть подалее валялись лыжи.

«Значит, еще не ушел. И что здесь можно делать?» — удивлялся Логов.

Кое-где попадались остатки подгнившей крепи. Кровля осела и местами обрушилась, так что двигаться приходилось чуть ли не ползком. Метров через десять учитель вовсе вынужден был остановиться: штольню наглухо закупорил обвал. Но слева открылся новый ход, вероятно в один из боковых штреков. Виктор Петрович направил туда луч фонаря и вдруг увидел Степного. Ученик неподвижно сидел на перевернутой круглой корзине, уткнувшись в поджатые колени лицом.

— Алеша! Что ты здесь делаешь? — с тревогой спросил учитель.

Степной медленно поднял голову.

— Пещеру мою засыпало, — сказал он, ничуть не удивившись появлению Виктора Петровича.

— Пещеру?

— Да. У меня здесь пещера была.

— Ну и черт с ней, с пещерой! Хорошо, что ты жив и здоров! Когда это случилось?

— Осенью, наверно, во время дождей. Я давно здесь не был.

— И незачем ходить сюда.

— А чем топить? Я тут уголь брал в одном месте. Дома холод собачий. Хоть ложись да подыхай.

— К нам переходи! — с искренним участием предложил Светлов.

Теперь и Виктор Петрович ничуть не удивился внезапному появлению Володи, как Степной не удивился его появлению: оба они были настолько встре-

вожены создавшимся положением, что не могли думать ни о чем другом.

— Правда, переходи! — еще решительнее повторил Светлов. — У нас три комнаты! Хватит на всех!

— Спасибо. Только иждивенцем я быть не хочу.

— Каким иждивенцем? У нас лишняя площадь! Мама говорила, что нужно уступить, у кого нет. Не на пока, а насовсем! Понял? Это ж самоуплотнение! Хочешь, у Виктора Петровича спроси!

Алексей ничего не спрашивал и не отвечал.

— Да, так можно. Прекрасно! Володя, какой же ты молодец! — взволнованно сказал учитель. — Я сам с твоей мамой поговорю. Ну вот, Алеша, ты и распрощаешься со своим проклятым Первым Шурфом. И пещера твоя рухнула. Это символично, если хочешь знать! Идемте, ребята, наверх, туда, где свет, где солнце!

— «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — радостно подхватил Светлов.

ГЛАВА 35

Возвращаясь вечером с Первого Шурфа, Виктор Петрович завернул к Поярцевым. На его звонок вышел Любин отец, такой же румяный, веселый и улыбающийся, каким учитель запомнил его с первого знакомства.

— А, Виктор Петрович! Здравствуйте! Очень и очень рад! — весело говорил Валентин Иванович, увлекая Логова в комнату и снимая с него пальто. — Я сам, я сам повешу! Проходите сюда. Садитесь, пожалуйста! А меня извините. Я сейчас.

Виктор Петрович сел на диван и осмотрел комнату. Веселая неразбериха новоселья в доме Поярцевых, как видно, давно прошла. Вся мебель теперь заняла свое место. Пианино переместилось из одного угла в другой, где оно, вероятно, лучше звучало. Зеркальный шифоньер вовсе исчез. Вместо него появился большой приемник на специальной тумбочке. Приемник был включен. Слышалась тихая оркестровая музыка.

Вернулся Валентин Иванович, переодетый в костюм (прежде он был в пижаме).

— Я всегда заставляю себя ждать, — проговорил он ~~извиняющимся~~ тоном и тотчас улыбнулся, — хотя сам больше всего не люблю ждать. Поверите ли, не хватает терпения! Любавушка попросила меня подписаться на собрание сочинений Нексе. Пошел я. Мне обещали. Но когда я узнал, что издание будет выходить четыре года, я испугался и убежал. — И Валентин Иванович рассмеялся так, что затряслись его полные щеки, плечи и вся его круглая маленькая фигура. Он поднес к глазам платок и, несколько успокоившись, продолжал: — Я лучше потом у букинистов куплю все сразу. Да, но я снова заставляю себя ждать. Вы пришли по делу, вам не до шуток.

— Почему же? — возразил Виктор Петрович, вдоволь насмеявшись вместе с хозяином. — Мой отец любит говорить: «Сутки без шутики что ночь без месяца: с тоски да скуки можно повеситься».

— Очень и очень справедливые слова! — весело подхватил Валентин Иванович. — Я сам такой, что без шутики часа не проживу. Шутка человека из беды выручает. Вот я с больными работаю. Нередко встречаются очень тяжелые пациенты и, главное, морально слабые, потерявшие веру и в себя и в людей. Так я их шуткой лечу. И — верите ли — помогает! Коллеги улыбаются: доктор Поярцев, дескать, новый метод лечения изобрел — смехотерапию. Ну, вам-то, конечно, хорошо известно, какое большое значение для выздоровливания имеет моральное состояние больного. Верно говорят, что в здоровом теле здоровый дух. Но так же верно, если не больше, что человек, здоровый духом, будет здоров и телом. Вообще одно неотделимо от другого.

— Конечно, — согласился Виктор Петрович. — Это всем нужно помнить, а воспитателям — особенно. Я со своей колокольни смотрю. Прежде всего нужно воспитать в ребятах этот здоровый дух. Тогда и обучение пойдет хорошо и все остальное.

— Да, да, обучение... Между прочим, Виктор Петрович, как вы находите уроки Ивана Кузьмича? Мне

кажется... Признайте, Виктор Петрович, что это странно: все годы моя дочь отлично успевала по математике — и вдруг «три». А занимается Люба не только не хуже, но лучше прежнего. Ничего не пойму! — Валентин Иванович пожал своими круглыми плечами и замолчал.

— К сожалению, и я пока ничего не могу вам сказать. Сейчас дирекция проверяет работу Ивана Кузьмича. Скоро все выяснится... Валентин Иванович, а вы смотрели Любины контрольные по математике?

— Так их же нет у нее! Я еще у вас хотел спросить, почему Иван Кузьмич их не возвращает. Должны же ученики знать свои ошибки! По-моему, контрольные работы после проверки анализируют, объясняют ошибки...

— Да, да... — рассеянно отозвался Виктор Петрович, уже не слушая собеседника, потому что думал над мучившим его вопросом: «Но для чего он держит работы у себя? Чтобы скрыть недостатки? Так их не скроешь: по ребятам сразу видно, как учитель работает. Здесь что-то не то...»

Щелкнул английский замок наружной двери, в коридоре послышались легкие шаги, и Люба, свежая, румяная с мороза, с инеем на воротнике беличьей шубки, на бровях и на выбившихся из-под шапки колечках волос, быстро вошла в комнату. Увидев учителя, она улыбнулась приветливо и вместе виновато, так как почувствовала, что перебила важный разговор.

— Здравствуйте, Виктор Петрович. Сейчас будут передавать прелюдии Рахманинова, — робко заговорила она и остановилась, не решаясь спросить, можно ли ей остаться в комнате и послушать.

И отец и учитель поняли ее желание и сказали, что они тоже с удовольствием послушают концерт.

Люба взглянула на часы, попросила отца настроить приемник на Москву, а сама выбежала в переднюю раздеться. Через минуту она вернулась и, найдя среди нот нужный сборник пьес, раскрыла его. Начался концерт. Люба следила по нотам.

Обыкновенный слушатель в прелюдиях Рахмани-

нова, как и во всякой другой музыке, услышит гораздо меньше музыканта. Точно так же обыкновенный читатель прочтет в романе или повести меньше писателя и критика, обыкновенный зритель увидит в картине меньше художника. Именно поэтому обыкновенные слушатели, читатели и зрители, много раз слушая, читая и рассматривая одни и те же произведения искусства, находят в них все новые и новые прелести. Люди, создающие искусство или работающие в искусстве, видят эти прелести сразу все или почти все и помогают увидеть их другим.

Виктор Петрович был обыкновенным слушателем. Хорошая музыка всегда доставляла ему наслаждение. И теперь, слушая прелюдии Рахманинова, Логов наслаждался и думал, что понимает музыку. Но когда он посмотрел на Любу, он увидел, что далеко отстал от нее в этом понимании. Прекрасное взволнованное лицо девушки менялось вместе с музыкой: сначала мучительная внутренняя борьба отразилась на нем, и болью светло тонкие губы; потом в глазах, на секунду поднятых от нот, блеснула надежда; и снова борьба, и снова надежда; но вот в уголках чуть приоткрытых губ наметилась робкая улыбка, как у больной, которая начинает верить, что еще будет жить; наконец лицо просветлело, и радостные, счастливые слезы засверкали на ресницах.

Виктор Петрович не спускал с девушки глаз. Наблюдая изменения ее лица, он лучше понял то, что выражали звуки.

— Чудесно! Как чудесно! — прошептала Люба. — Я никогда так не смогу.

— Сможете! — горячо возразил Виктор Петрович. — Я вижу, верю, что сможете!

ГЛАВА 36

Домой Виктор Петрович вернулся поздно.

Митревна еще не спала и вышла к нему из своей комнаты.

— А ведь была я нонче у вашего директора! —

не скрывая радости, заговорила она. — Принимает. В раздевалке работать буду. Велел на старом месте расчет брать. Очень даже уважительный человек: руку подал, на диван усадил, расспросил все как следует. Слышал, говорит, про вас, Лукерья Дмитриевна, много хорошего слышал! И ребят, говорит, ваших, Василя и Витюшку, прекрасно помню. Настоящие орлы! Школа гордится ими... Про письмо спросил, что я надюсь вашему Алешке показывала. Мы, говорит, то письмо золотыми буквами напишем и в школе повесим на самом видном месте, чтоб все читали. И карточки велел принести. Патреты, говорит, срисуем. Нехай все с ваших сынов пример берут. — Митревна подняла к глазам уголок своей косынки и замолчала.

Логов подумал, что директор нашел именно те слова, которые нужны были матери; потерявшей детей на войне: он не стал утешать ее, а по достоинству оценил ее материнский подвиг. Виктор Петрович вспомнил свой разговор с Иваном Федоровичем о Митревне. Директор сказал тогда:

— Вашу соседку мы обязательно возьмем на работу. Если она сумела таких славных парней воспитать, значит и нам поможет. Нужно, чтобы в школе все были воспитателями: и уборщицы, и гардеробщицы, и сторож, и дворник. Прежде всего воспитателями! А техническими служащими... пусть они будут ими по совместительству. Вы это сами понимаете. Вот и добро.

Митревна между тем успокоилась и продолжала:

— Так что решила я. Буду с ребятками заниматься. Оно вроде бы и по мне.

— Вот и отлично! А работа эта точно по вас.

— Ну, вы закусывать будете? Я вот оставила на столе.

— Спасибо, спасибо! Не беспокойтесь. Идите отдыхать. — Проводив соседку до ее двери, Виктор Петрович вошел в свою комнату, разделся и тотчас лег в постель.

На дворе светил молодой месяц, но его не было

видно через морозные стекла. Казалось, что кто-то затянул окно серебряной парчой.

Спать Логову не хотелось. Он лежал с открытыми глазами и думал о ребятах. Светлов... Какой он все-таки славный парнишка! Действительно светлая душа. Теперь Алексей перейдет к нему с Первого Шурфа. Они станут друзьями. Это хорошо. А Люба! Она очень похожа на Светлану. Нужно выгадать на каникулах день-другой и обязательно съездить в Р.

«Ты угадал...»

Когда Светлана чуть слышно прошептала эти слова, Виктор Петрович, как он теперь вспомнил, долго не мог ничего говорить. Он только до боли крепко сжал в своей руке руку девушки. Не то чтобы Логов не поверил своему счастью — нет, он верил ему, верил Светлане, верил ее любви, но счастье было так огромно, что не вмещалось в его сознании. И хотя счастье было огромно, оно все-таки было не полно. Пришедшая однажды мысль о том, что он самый обыкновенный человек, а она — талант, что в Москве она может встретить лучших людей, но уже будет связана, эта мысль не давала ему покоя. Он высказал Светлане свои сомнения и этим не на шутку обидел ее. Девушка стала говорить, что и он талант и пишет прекрасные стихи (чему Виктор Петрович никогда не верил) и что, если бы он даже не был талантлив, она бы все равно любила его.

— Ты просто разлюбил меня! — сквозь слезы говорила Светлана. — Ты ищешь предлога... Ты нашел здесь другую. Я знаю. Та, что внизу, когда ты знакомил. Что ж, она хороша! Я по одному взгляду понял, что она тебя любит. Уходи! Уходи к ней! Я тебя не держу.

Виктор Петрович испугался и растерялся. Но, поразмыслив, счел вспышку Светланы хорошим признаком.

Они помирились и решили, что летом станут мужем и женой.

«В июне, значит через полгода». И Виктор Петрович уже представлял себя семейным человеком, как они будут жить со Светланой, какие у них установят-

ся отношения. И в этих новых их отношениях было много такого, о чем Логов никому не решился бы рассказать. Созревшая сила мужчины тревожила его. Наедине с собой, в тайных мыслях и мечтах он уже давно стал мужем любимой девушки.

Виктор Петрович уснул только под утро.

ГЛАВА 37

Проснулся Виктор Петрович в одиннадцатом часу и, наспех позавтракав, пошел к Приходько. Учитель почему-то был уверен, что разговор с Марусиной тетей (родители девочки погибли во время войны) поможет ему разгадать «загадку Ивана Кузьмича».

Дом Приходько находился по ту сторону Дворца культуры, если идти от школы. Логов с осени не был в этом районе и теперь поражался, как изменилось все кругом. На перекрестке двух улиц, где недавно из груды обломков торчали ржавые ребра измятых рельсов, появился маленький сквер с фонтаном и клумбами. На фонтане лежала высокая снежная подушка, а дорожки между клумбами были расчищены. На противоположном углу украшенный колоннами и лепными карнизами, сбросив леса, в полный рост всех своих пяти этажей поднялся новый дом. За ним виднелось несколько начатых зданий: зима в буквальном смысле слова заморозила строительство. Только длинный корпус городской больницы по-прежнему дико и мрачно чернел копотью обгорелых стен, еще пахнувших военной гарью.

«Эти развалины как чудовищный череп с пустыми глазами окон». Логов прибавил шагу.

Маруся жила в одном квартале от больницы. Низкий глиняный домик стоял в глубине тесного двора, застроенного сараями и сарайчиками, навесами и будками, перегороженного плетнем, за которым в куче золы и свежего навоза копались куры.

Когда Виктор Петрович вошел в калитку, огромный рыжий пес, гремя цепью на длинной проволоке,

с лаем бросился в его сторону. Логов остановился, чувствуя, что отступать поздно и опасно. Непроизвольно шагнул он навстречу собаке и сделал движение, как будто поднимает камень. Пес, рыча и роя задними лапами снег, отступил.

На лай из сарая выбежала Маруся с белым жестяным ведром, из которого валял густой пар. Узнав учителя, девочка загнала собаку в конуру и постояла, пока Виктор Петрович шел по двору и входил в сени. Через минуту она тоже вошла в сени, и Логов услышал вкусный запах парного молока.

— Извините, Виктор Петрович, — проговорила Маруся, не зная сама, в чем она была виновата.

— Вы-то за что извиняетесь? — с улыбкой спросил учитель. — Ваш пес честно исполняет свои обязанности. Стало быть, и он не виноват. К тому же все кончилось благополучно.

Они вошли в дом. Низкий неровный потолок висел над самой головой. Логов без труда мог достать его, если бы поднял руку. В кухне стояла большая печь с зонтом и торчащими наверху двумя задвижками. Когда учитель снял шапку и пальто, Маруся провела его в другую комнату, такую же низкую, как первая, только потолок здесь был обшит узкими длинными досками. Два крошечных оконца давали мало света, тем более что старинная мебель, пыльная и плешивая, потертые скатерти и скатерки, засаленные подушки, подушечки и покрывало на почерневшей деревянной кровати — все было темное. Пахло нафталином, какими-то сухими травами, что торчали из-за картин и мутного зеркала в резной раме, и еще чем-то прелым и затхлым.

— У вас и форточек нет, — сказал Виктор Петрович, глядя на окна и нерешительно опускаясь в предложенное ему кресло. — Воздух тяжелый.

— Раньше окна открывались, а сейчас нет: перекосились, — отвечала Маруся. — Старое все.

— Тетя ваша дома?

— Дома. Позвать?

— Да, пожалуйста.

Девочка вышла в дверь, которой Виктор Петро-

вич прежде не заметил: она была наполовину задвинута платяным шкафом и скрыта темной занавеской. Из комнаты, куда вела эта дверь, слышались вздохи, недовольное бурчание, потом испуганный шепот (старуха, видно, спала). После долгой возни, сопровождавшейся торопливым шарканьем туфель, щелканьем застегиваемых кнопок и еще какими-то шорохами, Марусина тетья, наконец, вышла к Виктору Петровичу.

Это была невысокая полная женщина, еще довольно свежая для своих пятидесяти лет. Ее живые глаза из-под нависающих верхних век быстро осмотрели комнату — мол, все ли в порядке? — и остановились на учителе.

— Доброе здоровье, Виктор Петрович! — улыбнулась Федора Николаевна (так звали Марусину тетю). Говорила она певучим голосом, на «о», растягивая слова. — Наконец-то вы к нам пожаловали! Милости просим.

— Здравствуйте. Да, решил вас навестить, — отвечал учитель. — Вы же знаете, что у Маруси две двойки.

— Как не знать! — Женщина безнадежно махнула рукой. — Девка в невесты годится, а ума не нажила... Маруська, ну-ка, иди потолкуем.

— Нет, нам лучше без нее, — возразил Виктор Петрович.

— Тогда пойдешь курам ячменю подсыпь, — обратилась Федора Николаевна к вошедшей в комнату девочке. — Да у Зорьки почисть и солому смени: чтоб живой рукой было сделано!

Маруся стояла перед тетей, вся сжавшись, вобрав голову в плечи. Ее ресницы и брови вздрагивали. Последние слова как будто плетью хлестнули девочку: она не вышла, а выбежала за дверь.

— До чего же ленивая, просто беда! — продолжала женщина. — Уж сказала бы, что много работать заставляю. А то ж нет! Хоть и стара становлюсь, а все сама да сама, потому понятие имею, что ученица. Как-никак в классы ходит, хоть и проку с того...

Логов задержал на Федоре Николаевне изучающий взгляд и сказал:

— В том, что Маруся плохо учится, не только она виновата...

— А кто ж ей виноват?!

Учитель пока не хотел открывать Федоре Николаевне всего, что думал, и оставил ее вопрос без ответа. Он спросил:

— Много Маруся дома занимается?

— Какой там! От силы час, а то книжечки читает. Дури у нее много да лени, вот что я вам скажу! Никто ей не виноват! — Женщина говорила это уже не прежним певучим голосом, а резко и с явной досадой.

«Видно, за живое задел», — Виктор Петрович сбоку наблюдал за хозяйкой.

— Какие книги читает Маруся? — поинтересовался он.

— Сами глядите. Там у нее все. — Федора Николаевна указала на дверь за платяным шкафом.

Они вошли в уютную, хотя и очень маленькую комнатку, где с трудом поместились только узкая койка да небольшой стол, придвинутый к единственному окну. И эта «Марусина светелка», как заметил учитель, была полной противоположностью первой комнате. Все здесь было чисто и светло: и яркий коврик над кроватью, и скатерть на столе, и вышитая оконная занавеска. С левой стороны окна висел белый пластмассовый репродуктор, с правой — книжная полка. По корешкам Виктор Петрович узнал учебники, томики Грибоедова, Крылова, Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого.

— Эти книги читает Маруся? — спросил учитель.

— Эти самые.

— Ну и прекрасно! Как раз то, что нужно.

— А пишет как? Полюбуйтесь вот.

Федора Николаевна подняла скатерть и, выдвинув ящик, достала большую кипу тетрадей. Логов стал их просматривать, но не нашел ни одной контрольной работы по математике.

— Что за черт! — выругался вслух Виктор Петрович и тут же прикусил губу.

— Вы мне что сказали? — не расслышав, спросила хозяйка.

— Нет, нет! Это я так. Вот что, Федора Николаевна, начинается второе полугодие. Тут уже и до экзаменов не далеко. Марусе особенно много нужно заниматься: отстаёт она. Мы ей поможем, но и вы старайтесь не перегружать ее.

— Уж так она, горемычная, тяжело работает, с утра до ночи спину гнет! — вспыхнула Федора Николаевна. — Куда там! Проедает больше. Я как брала ее из детского-то дома, щепка щепкой была! А тут разъелась, хоть об дорогу бей! И все-то ей плохо, все с жалобами!

— Вы не подумайте, что Маруся жаловалась мне! — поспешил возразить Виктор Петрович. — Просто заниматься ей нужно больше, вот я и сказал.

Но женщина еще долго кричала и ворчала, особенно после того, как учитель ушел и вернулась Маруся.

ГЛАВА 38

Выйдя на улицу, Логов достал папиросу и остановился возле соседнего дома прикурить. И тут он услышал такой любопытный разговор.

Две женщины стояли каждая на своем крыльце.

— Кума, у тебя чеснок есть? — спрашивала одна.

— Нету, милая! Рада бы всей душой, да нет, — отвечала другая. — У Федорки спроси.

— Разве она даст! Да и спит небось: вишь, Маруся целый день во дворе возится. Батрачку нашла. Эх-хе-хе! Так-то без отца, без матери...

«Я так и знал! Взяла девчонку из детдома как будто на воспитание, а сама в батрачку превратила. Если это действительно так... Может, вернуться? Нет, я лучше сделаю. Только проверить нужно. Но как?»

Сама старуха, конечно, ничего не скажет. Соседей расспрашивать неудобно. Вот и попробуй узнать...»

С такими мыслями Логов шагал по улице и не заметил, как очутился в школе. Он зашел к заведующему учебной частью.

Заруцкий стоял, склонившись над большим разлинованным листом бумаги и раскладывал по клеткам разноцветные карточки с фамилиями учителей.

— Тс-с! — погрозил он Логову, когда тот подходил к столу. — Не дышать! Вы мне весь пасьянс испортите.

— Новое расписание? — Виктор Петрович на цыпочках отошел в сторону, разделся и сел на диван. — А я хотел с вами посоветоваться.

— Одну минуту, одну минуту, — задумчиво говорил Валерий Дмитриевич, перекладывая карточки. — Это сюда... А это сюда... Так. Два, четыре, шесть. Ну, вот и все. — Он осторожно накрыл расписание стеклом и приготовился слушать.

Логов без лишних слов рассказал о положении Маруси Приходько. Заруцкий, слушая, барабанил пальцами по стеклу. Когда Виктор Петрович кончил, он резко встал и спросил:

— Что вы намерены теперь делать?

— Хочу все это проверить, а как, не знаю, — откровенно признался Виктор Петрович.

— Скажите адрес Приходько.

— Курганная, пятьдесят два.

Валерий Дмитриевич вытащил из шкафа целую стопу классных журналов.

— Ищите ближайших соседей Приходько. И я буду смотреть.

Не успел озадаченный Виктор Петрович развернуть первый журнал, как Заруцкий, который все делал очень быстро, уже отыскал в списке учащихся пятого «А» некоего Рындина Петю, живущего на Курганной улице в доме номер пятьдесят.

— Прекрасно! — воскликнул Заруцкий. — Это из класса Тамары Львовны. Теперь здесь поглядим... — Марусиными соседками оказались еще две

девочки. Одна была ученицей Ольги Васильевны, другая — Геннадия Максимовича. — Так вот, Виктор Петрович, вы и попросите товарищей помочь вам. Они легко соберут интересующие вас сведения.

— Хорошо, я попрошу. В самом деле, им нетрудно спросить...

— Спросить? Никого не надо спрашивать! Грекова и Белов знают, как это делается. Секрет очень прост: нужно навести соседей Приходько на такой разговор. Вот, мол, началось второе полугодие, приближаются экзамены, нельзя перегружать ребят работами по хозяйству. Если Марусю действительно перегружают, соседи обязательно скажут об этом, уверяю вас! Но главное все-таки должны сделать вы сами. Поговорите откровенно с Марусиной теткой. Если она и не признается, то вы все равно почувствуете, можно ей верить или нет. Тетка уж очень хвалит Марусино житье: не житье, а рай земной. Кто по-настоящему заботится о человеке, тот не кричит. Напротив, ему кажется, что он мало делает. И еще. Как Маруся прежде училась, когда в детдоме была?

— Неплохо, две тройки у нее стояло: по русскому и физике, — вспомнил Виктор Петрович.

— Ну вот! Как же вы этого не учили? Значит, пока Маруся была в детдоме, она училась хорошо, а как только перешла к этой старухе, стала «леиниться». Очень, знаете ли, подозрительная «лень»! Факты, факты собирайте, когда их будет достаточно, мы вызовем Марусину тетку на педсовет и соседей пригласим. Устоит она, как вы думаете?

Логов сомнительно покачал головой.

— Еще вопросы есть? — улыбнулся Валерий Дмитриевич. — Нет? Отлично. Тогда ответьте на мой вопрос: когда вы представите планы работы на второе полугодие?

— Завтра! Раньше хотел, да не получилось: родители задержали. — стал оправдываться Логов.

— Если сдадите завтра, то завтра же вечером можете ехать домой: старики, я думаю, заждались, да и не только старики...

За один вечер Логов составил все планы на второе полугодие и сам удивился той легкости и быстроте, с какой он выполнил эту работу. А удивляться было нечему: постоянно думая о своем классе, учитель давно определил, что ему нужно делать, и теперь лишь написал на бумаге то, что прежде решил.

«Вот и все! Вот и все! — радовался Виктор Петрович. — Завтра можно ехать. Я боялся даже просить, а он сам...»

На следующий день Логов сдал планы и, никого не извещая о своем приезде, вечером выехал в Р.

Гудки, семафоры, огни. Станции, станции, станции... И вот он, любимый город, знакомая улица, родной дом.

Виктор Петрович толкнул калитку, взбежал на деревянное крылечко под навесом и до хруста в пальцах вдавил в розетку кнопку звонка. Через минуту дверь отворилась, и счастливая мать упала на грудь счастливого сына.

— Витя! Приехал! Кровинка моя родная! — заговорила женщина, когда она смогла говорить.

— Здравствуй, мама! Вот я и приехал. Ну, как вы тут? Живы, здоровы? Папы нет?

— На работе. Какое уж наше здоровье, сынок! Был бы ты здоров. Пойдем же в хату. Насилу-насилу мы дождались тебя.

Они пошли в комнаты. Виктор Петрович, держа мать за плечи, заглядывал в ее мягкое светлое лицо и заметил, что прямая складка на переносице углубилась и под глазами стало больше морщин. Но в общем она мало изменилась: все так же ласково и немножко грустно смотрели ее темно-карие глаза, все так же высоко носила она свою красивую голову с широкой седой прядью в черных волосах — этой горестной отметиной войны.

Логов разделся и, продолжая разговаривать с матерью, которая хлопотала у стола, принялся осматривать комнаты. В первую минуту ему показалось,

что он не был дома много лет. В знакомой с детства обстановке вдруг обнаружились незнакомые стороны. Всюду стояли как будто прежние вещи и стояли на прежних местах, но все они словно уменьшились, потускнели и представились Виктору Петровичу одновременно и трогательно-наивными, и далекими, как детство, и близкими, как все, что напоминает о детстве. Вот старинный с огромной трубой граммофон, подаренный семье Логовых на новоселье кем-то из рабочих. Когда накручивали пружину, граммофон оглушительно трещал. Массивные пластинки со сфинксами и сиренами на пожелтевших наклейках были страшно заиграны. Из трубы долго слышался невообразимый шум, и только на середине записи начинала звучать глухая музыка и полустертые голоса. Вот бюст Пушкина, когда-то сделанный Виктором Петровичем из большого куска мела. Бюст потемнел и обтерся, но мать хранила его и всегда держала на самом видном месте так же, как и радиоприемник, — память погибших сыновей. А вот и высокий — до потолка — стеллаж с книгами.

Логов походил по комнатам, порылся в книгах, посидел за своим письменным столом, и неожиданно совсем другое, противоположное первому, чувство охватило его: ему показалось, что он никогда и никуда не уезжал из родного дома.

Мать тем временем собрала завтрак и позвала сына к столу.

— Ты чего же не написал, что приедешь? — спрашивала она. — Я бы приготовила...

— Мама, у тебя и так всего наготовлено — за неделю не съесть! — смеялся Виктор Петрович, указывая на уставленный кушаньями стол. — И потом ты знаешь, что я только уезжаю открыто, а приезжаю всегда тайком... О, балык! Славная штука.

— Выпей вот сначала вишневки, да и кушай себе на здоровье.

— Своя?

— А бывала у меня когда чужая?

— Это верно. Лучше твоей наливки нигде не найдешь. Так давай вместе выпьем.

— Будто не знаешь, какая с меня пьяница! Разве только за твой приезд? Ну, плесни чудок, как твой батька говорит. Будет! Будет!

Виктор Петрович залпом осушил стопку. Мать сделала один глоток и отставила рюмку:

— Больше не могу. А ты, сынок, пей да кушай, меня не слушай. Ишь, как похудел. И то сказать: на столовских-то харчах дюже не раздобреешь.

— Светлана давно была?

— Под Новый год забегала, тревожилась, что пишем от тебя нет.

— Да, да! Помнишь, какая метель разыгралась? Поезда и то не шли.

— И у нас нё лучше было. Света белого не видели... Ну вот, зашла, рассказала, как ездила к тебе. Будто и рада, и такая веселая, а все что-то губы кусала. Письма, слышь, твои просила почитать, что нам писал. Я, конечно, дала: не чужой ведь человек, девушка она хорошая. Успокоилась вроде. Вы с нею, случаем, не повздорили? А?

— Нет! Неужели она снова? Ну, мама, спасибо, я наелся.

— Да ведь ты ничего не кушал!

— Спасибо, спасибо! Мне сейчас нужно сходить... по делам.

Виктор Петрович торопливо надел пальто, кое-как нахлобучил шапку и выбежал на улицу. Старушка укоризненно покачала головой и вздохнула:

— Знаю я эти дела! Сказано, молодые.

* * *

Виктор Петрович выбежал из дому и направился к телефонной будке, что стояла неподалеку, на углу. Пять раз набирал он номер детской консультации, где работала Светлана, и пять раз путался. Наконец дозвонился и попросил вызвать медсестру Полонскую. Но ему ответили, что Полонская заступит на работу только с двух часов дня. Тогда Логов остановил свободное такси и через весь город помчался к Светлане на квартиру.

За окнами автомобиля потянулись сначала низкие и редкие, потом высокие, вплотную сдвинутые дома, с мерзлыми стеклами, со снегом на подконниках, карнизах и балконах. А вдалеке здания и вовсе сливались в сплошную голубовато-серую стену, теряющуюся в морозной дымке.

Логов рассеянно смотрел по сторонам, думая о том, как Светлана встретит его. Не вот и знакомый дом. Крутой взлет промелькнувших ступенек. Дверь. Виктор Петрович на минуту остановился, чтобы перевести дыхание, и по старой привычке дал один короткий и два долгих звонка — первую букву своего имени по азбуке Морзе.

— Витя, ты?! — услышался за дверью звонкий радостный голос Светланы.

— Света!

Хотя Светлана ждала приезда Виктора Петровича, зная, что в школах начались каникулы, встреча была для нее неожиданной: мало ли какие дела могли задержать учителя в Н. И теперь, когда, отворив дверь, девушка увидела Виктора Петровича, она со счастливой улыбкой пошла ему навстречу и уткнулась лицом в холодный мягкий воротник его пальто.

— Здравствуй! — Логов нежно поцеловал Светлану, и та в ответном порыве сильнее прижалась горячей щекой к его губам.

— Здравствуй, Витя! А я так боялась, что ты не приедешь.

— Я и сам боялся, Света.

— Ты не сердись на меня?

— За что?!

Девушка молчала.

— Если б даже и было за что, я бы все равно не смог на тебя сердиться.

— Витя! Ты такой умный, добрый, а я столько глупостей тогда наговорила — стыдно вспомнить.

— А ты не вспоминай!

— Славный мой! Ну, пойдём...

Светлана была дома не одна: в комнате сидела незнакомая Виктору Петровичу рыжая девушка, пухлая и румяная, как сдобный калач.

— Витя, знакомься: это Аня, такая же медсестра, как и я.

— Ты уж скажешь! — заговорила Аня басовитым громким голосом. — Я для него совсем не такая, как ты. — И, не обращая внимания на то, какое впечатление произвела ее шутка, она расхохоталась.

Логов пожал плечами и, взяв альбом с фотографиями, сел в стороне. Светлана, смущенная и молчаливая, стала накрывать стол, тайком поглядывая на Виктора Петровича.

«Бессовестная!.. Она ему сразу не понравилась, — думала Светлана. — Да и кому она может понравиться! Зачем-то пришла и сидит. Странная! А он за эти полгода изменился: сдержаннее стал, спокойней и, кажется, уверенней. Как я раньше этого не заметила, когда была в Н.? Да, уже не мальчик, а настоящий мужчина. Такой он мне еще больше нравится. Хороший. Самый лучший! Мой! Вот если посмотрит... Посмотрел! Посмотрел! Значит, любит! Я загадала. Любит! Любит!»

Логов между тем сначала украдкой, потом, забыв, что в комнате находится посторонний человек, открыто любовался Светланой. Ему, как никогда прежде, было удивительно радостно и приятно видеть ее прекрасное, раздумянившееся лицо, ее красивые, оголенные до локтей руки, расставлявшие на столе посуду, и всю ее тонкую стройную фигуру. Каждое движение Светланы восхищало Виктора Петровича, а каждый взгляд отзывался в его сердце.

Ни Логов, ни Светлана не заметили, как ушла Аня. Они сели завтракать, но даже не прикоснулись к еде и не обратили внимания на то, что на стол была выставлена из буфета почти вся посуда. Они сидели и молчали и боялись взглянуть друг на друга. Оба чувствовали какую-то неловкость, может быть, потому, что были в квартире одни.

Наконец Логов решительно встал из-за стола и зашагал по комнате. Светлана тоже как будто очнулась, ушла в зал, и оттуда послышались звуки песни:

По дорогам стальным кто куда,
Часто-часто дыша от скорости,

Голубые бегут поезда,
На колеса мотая версты...

— Кто это? Кто эту музыку написал? — взволнованно спрашивал Виктор Петрович, когда Светлана кончила петь.

— Это я твои стихи на музыку переложила, — отвечала девушка. — Ничего?

— Прекрасно! Я и не думал, что мои стихи можно петь. Я тебе другие сейчас прочту — лучше. Ты поиграй пока...

Девушка импровизировала. Логов бесшумно ходил по ковру за ее спиной. Потом он резко остановился и под звуки рояля прочитал:

Хоть какую придумай сказку,
Но и самый красивый сон
Не заменит простую ласку
Той, в которую ты влюблен.

Если ж милая сердцу рядом,
Станет сказкой простая быль...

Светлана с улыбкой оглянулась на Виктора Петровича и попросила повторить стихи. Она попробовала нащупать мелодию, но не успела этого сделать: нужно было идти на работу.

* * *

Проводив Светлану до самой двери детской консультации и условившись пойти с нею вечером в театр, Виктор Петрович поехал домой.

Отец уже вернулся с работы и сам отворил сыну дверь.

— Ну, покажись, покажись, какой ты стал! — говорил Петр Сергеевич, с ног до головы оглядывая сына и хлопая его по плечу. — А ить недурной казак! Только эта твоя бинокля, что там ни гутарь, совсем не к месту. — Хотя Виктор Петрович носил очки уже пять лет, отец никак не мог к ним привыкнуть. — Ежели, к примеру, тебя на доброго коня посадить да саблю в руки, что ты делать будешь: контру по башке рубать чи биноклю свою поддерживать? А? Ну, ладно уж, давай целоваться.

Вошли в комнату. Стол в кухне оставался накрытым.

— Сидай-ка тут, сынок, — указал Петр Сергеевич на стул рядом с собой. — Э, старуха, твои наперстки никуда не годятся. Где это мои черепки?

Мать подала две большие стопки.

— О, то другой табак. И квас твой пить мы не будем. Казакам горилку давай! Ну, сынок, с приездом!

Зная, как не любит отец, когда отказываются выпить с ним, Виктор Петрович с трудом одолел вместительную стопку водки и постарался не морщиться.

— О, то добро! — похвалил Петр Сергеевич. — Заправдашний казак! Ну, теперя закуси да рассказывай, как живешь, как с пострелами воюешь. Да, гляди, без утайки! Все знать хочу, как есть!

И Виктор Петрович стал рассказывать о незнакомом родителям шахтерском городке, о школе, о своей работе, обо всех радостях и печалях, какие пережил он за последние полгода.

Мать только вздыхала. Отец нетерпеливо покашливал и курил одну сигарку за другой. История Степного особенно заинтересовала Петра Сергеевича. Несколько раз он перебивал сына вопросами и, когда выслушал все, сказал:

— Да, я кулаков шашкой да винтовкой учил, а ты, значит, ихних детей на нашу сторону перетягиваешь. Правильную линию держишь, сынок!

ГЛАВА 40

К началу занятий Виктор Петрович вернулся в Н., и жизнь учителя сразу вошла в прежнее, уже привычное для него русло. Он все так же рано вставал, готовился к урокам, большую часть дня проводил в школе и поздно вечером возвращался домой. Спать ложился в начале двенадцатого, ставя будильник на пять часов утра.

...Утром Виктору Петровичу показалось, что звонок раздался сейчас же после того, как он сомкнул глаза. Но это обманчивое чувство было ему знакомо и несколько не удивило его.

Учитель встал, включил свет и начал делать зарядку. Потом он умылся под краном, подошел к столу и заметил, что пепельница, которую он вчера наполнил окурками, была пуста; что рамка с фотографией Светланы, чернильница и настольная лампа обтерты сырой тряпкой; что в графин налита свежая вода.

«Славный вы человек, Лукерья Дмитриевна! — подумал учитель. — Не знаю, как и благодарить вас. Ну, что этот подарок? Пустяк!»

Виктор Петрович положил на видное место приготовленный для соседки сверток и углубился в работу. Во-первых, он решил закончить вводную часть к методической разработке по литературе, начатую вчера. Едва поспевая за мыслями, его перо быстро забегало по бумаге; на столе появились груды книг, журналов, конспектов, школьная программа и папка с вырезками из газет.

Дописав страницу, Логов любовался ею, хотя она имела весьма неряшливый вид: в одних местах строчки были сплошные, в других прерывались (не сразу находит автор нужные слова); кое-где пробелы, оставленные для цитат, занимали третью часть или даже половину страницы; нередко над зачеркнутой строкой лепился новый вариант или вставка, написанные настолько мелко, что трудно разобрать.

Так выглядела левая сторона тетради; правая — оставалась пока свободной: сюда будет перенесен уже обработанный текст.

Через два часа Виктор Петрович вчерне закончил введение.

— Итак, моя девочка, — говорил он, обращаясь к фотографии Светланы. — начало есть! Вот послушай.

И Логов перечитывал вслух только что написанные страницы.

— Каково? — спрашивал он. — Вот здесь, гово-

ришь, нужно исправить? И здесь? Согласен. А в общем как? Ничего?

Светлана улыбалась.

— Так, с методразработкой пока все. Чем же мы дальше займемся? Советуешь проверить диктант?

Учитель снова склонился над столом. Толстая кипа тетрадей с правой стороны начала быстро уменьшаться, а с левой стороны расти.

Через три часа и эта работа была закончена.

— Светик, слышишь? Ни одной тройки на весь класс! — радовался Виктор Петрович. — Даже Приходько и Храмов получили четверки! А ведь они сидели по одному, ни у кого не могли списать. И диктант, я бы сказал, нелегкий.

Митревна тем временем стирала в кухне белье. Порой она со вздохом разгибала усталую спину, прислушивалась к звукам в комнате учителя и думала:

«Что-то мой соседка бурчит. С милкой, видать, разговаривает. Эх, родимый! И помиловать-то бедному некогда! Должно, женится скоро. А чего ж ему не жениться: зарабатывает хорошо, человек он сурьезный и девку, видагь, подходящую нашел. Стало быть, скоро приедет... Ну, а чего ж это он закусывать-то не идет?»

Женщина вытерла мыльные руки о фартук и, подойдя к двери, постучала.

— Витя, я вам покушать принесу. На голодный-то желудок разве работа?

— Спасибо, Лукерья Дмитриевна! Я сейчас сам приду, — отозвался Логов.

Вскоре он сидел в передней за столом, а Митревна подавала ему завтрак.

— Какой же вы неслухьяный! Беда! — добродушно ворчала женщина. — Встаете ни свет ни заря, делов столько делаете, а кушать никак. Хоть малость нужно себя беречь.

— А к чему себя беречь? — говорил Виктор Петрович, поспешно глотая отлично сваренный кофе. — По-моему, жизнь нужно прожить так, чтобы все свои силы израсходовать без остатка, чтобы людям наибольшую пользу принести.

— Польза-то, она польза, да откуда для пользы силы брать, ежели себя не поддерживать? Вот оно что! Который человек здоровье свое поддерживает, так от него и польза, а который нет — какая от него польза! Вы вон вконец перевелись.

— А вы, пожалуй, правы, — согласился учитель. — Я действительно часто забываю о сне и еде. Такая уж у меня натура.

— Вот погодите, — лукаво улыбнулась Митревна, — зазнобушка приедет, она вашу натуру на свой лад перекроит!

После завтрака Логов передал Митревне приготовленный сверток. Женщина не заставила себя упрашивать и приняла подарок с благодарностью, потому что ей, как говорится, был дорог не дорогой отрез, а внимание человека, которого она полюбила, как мать.

Виктор Петрович ушел к себе. Слова Митревы заставили его задуматься:

«Действительно, я как-то странно живу. Дело, конечно, не только в режиме питания... Ученики, тетради, уроки — все школа и школа. Я ни в кино не бываю, ни на лекциях, даже в город редко хожу, ничего, кроме специальной литературы да газет, не читаю, и кандидатский минимум под спудом лежит... Да мне и некогда, некогда этим заниматься! Школа, класс требуют столько сил и времени, что поглотили меня целиком. Неужели всегда так будет? Ну, нет! Это, вероятно, по неопытности, потому что я первый год работаю. Ведь настоящие учителя находят же время и для отдыха и для других занятий. Нужно как-то перестроить свой рабочий день...»

* * *

В двенадцать часов, подготовившись к урокам, Виктор Петрович пошел в школу.

Члены редколлегии литературного журнала собирались в одном из классов на втором этаже. Степного не было.

«Опять захандрил. И журнал его не привлекает. —

Виктор Петрович расстегнул портфель, вытащил несколько тетрадей. — Светлова спросить? Они же теперь в одной квартире».

Учитель роздал юным авторам их рассказы и стихи со своими замечаниями, кое-что предложил доработать тут же, в классе. Другим кружковцам поручил сделать рисунки или заголовки, а сам встал у окна, глядя на склоненные головы ребят:

«Веня Рыжкин черкает передовую, как заправский редактор... А Храмов-то, Храмов! Ишь, с каким усердием он клеит буквы, даже язык высунул! Приучайся к делу, дружок, скоро и тебя запишем в актив. Довольно в постельке нежиться. Маруся тоже работу нашла: стучит себе на машинке, только поспевай рукописи давать. Машинка-то и помогла ей русский язык выучить. Из-за одной ошибки приходилось целые страницы перепечатывать да еще и нужные правила повторять... А Светлов! Какой он все-таки славный парнишка! Да, да, нужно у него узнать».

Учитель подозвал Володю, тихо спросил:

— Почему Алексей не пришел?

— А он говорит, что в нашем журнале все халтурщики, им нельзя давать настоящие стихи — испоганят.

— Вот как!

— Виктору Петровичу, говорит, я еще могу доверить свои произведения, а другим нет.

— Хорошо, Володя, иди заканчивай работу. — Учитель рассеянно взглянул в окно. Сквозь тонкий ледок смутно виднелись лишь длинные кривые сосульки с загнутыми в одну сторону концами (сосульки замерзали на ветру). Вдруг одна из них бесшумно отделилась от крыши и упала вниз.

«Солнышко пригревает. И стекла начинают оттаивать...»

Хлопнула дверь. Виктор Петрович обернулся: ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, в класс вошел Алексей, сел за последнюю парту.

Ребята вопросительно посмотрели на него, потом — на учителя.

На лице Виктора Петровича не дрогнул ни один мускул. И голос его был спокоен:

— Степной, так поступают лишь плохо воспитанные люди.

— А меня никто не воспитывал, — пробурчал ученик.

— Не будем спорить. Прошу вас либо соблюдать правила поведения, либо...

— Удалиться? — перебил Степной. — Пожалуйста!

«Правильно ли я поступил? — забеспокоился учитель после того, как Алексей оставил класс. — А как иначе? Не могу же я делать для него исключение... Наверное, больше не придет. Сколько бился с ним, и все напрасно!»

Виктор Петрович взглянул на часы: начало второго. Заложив руки за спину, Логов пошел по рядам. Он заглядывал в ученические тетради; смотрел рисунки, фотографии, красочные заголовки и вклейки к произведениям ребят. И всюду находил, что исправить, дополнить или заменить.

Перед звонком на уроки редактор журнала Веня Рыжкин сдал Виктору Петровичу готовый номер.

Выйдя из класса, учитель увидел стоявших у окна Храмова и Светлова. Володя листал какую-то книжку. Вадик по привычке жевал свой завтрак. Но, кроме бутерброда, он держал в свободной руке тетрадь.

— Вовка, — говорил мальчик невнятно, потому что его рот был набит едой, — а у меня другой ответ получается.

— Почему? — удивился Володя. Он взял у товарища тетрадь и стал внимательно просматривать вычисления. — Здесь так. Минус корень квадратный... Да брось ты чавкать над ухом!

Храмов с сожалением посмотрел на бутерброд и положил его на подоконник.

— Ага, дело ясное, что дело темное! — воскликнул Светлов. — Ну-ка, проверь знаки.

— А ты лучше сам исправь или скажи, — резко попросил Вадик.

К стр. 166

— Сказать? Сказать? — ехидно рассмеялся Володя. — Хорошо! Жил-был у маменьки толстый «пухлятик». Вот как, вот как, толстый...

Храмов надул губы и выхватил у товарища тетрадь.

— Эх ты! — уже серьезно заговорил Светлов. — Привык, чтоб за тебя другие все делали. Я хотел как другу тебе помочь, а ты опять за подсказки.

Володя махнул рукой и собрался уйти.

— Подожди! — остановил его Вадик. — Вот здесь перед корнем стоит минус. Значит, извлекаем и ставим обратный знак?

— Ну, конечно! Там нечего и решать. Только нужно мозгами пошевелить немножко. А подсказки, Вадик... ну их к лешему! Теорему ты как, разобрал?

Ребята увлеклись доказательством, о чем-то заспорили и побежали в класс.

Учитель, наблюдавший до конца всю эту сцену, увидел на подоконнике бутерброд, который, может быть, первый раз в жизни забыл доесть Вадик Храмов. Виктор Петрович довольно прищелкнул пальцами и зашагал по лестнице вниз.

Со звонком учителя разошлись на уроки, и опять во всем здании установилась тишина, своеобразная школьная тишина, наполненная легким шумом работающих классов.

— Прослушайте небольшой текст, — говорил в своем классе Виктор Петрович. Он медленно и внятно прочитал короткую статью, как раз на те правила, которые объяснил в начале урока.

— Запишем этот текст. Будьте внимательны и аккуратны! Смотреть лишь в свою тетрадь.

Виктор Петрович диктовал, а ребята старательно работали перьями.

Маруся Приходько наклонилась над своей тетрадью так низко, что нос едва не размазывал написанные слова.

Учитель молча, чтобы не отвлекать остальных, подошел к девочке и слегка пристукнул по парте карандашом. Ученица поняла и села прямо.

Степной живописно откинулся назад, заложив за

спину левую руку. Учитель и его заставил изменить позу и правильно положить тетрадь.

Когда текст был записан, Виктор Петрович предложил ученикам, сидевшим за одной партой, поменяться тетрадями.

— Возьмите карандаш и проверьте друг у друга диктант. Найденную ошибку нужно не только исправить, но и объяснить.

Такой работой восьмиклассники, видно, еще никогда не занимались. С какой радостью они ухватились за нее! Каждому хотелось во что бы то ни стало найти у товарища ошибку, подчеркнуть ее, исправить и отметить на полях птичкой, как делают учителя. Иные даже ставили оценки, но Виктор Петрович это запретил.

Светлов, находя в Вадикином диктанте ошибки, каждый раз толкал товарища в бок. А Храмов просматривал Володину тетрадь, но, кажется, больше думал о своей, потому что с опаской косился на соседа.

После проверки начался разбор, гораздо более оживленный, чем всегда, и более полезный: он заставил ребят вспомнить множество правил, спорить, доказывать и опровергать.

— Приходько, читайте и разбирайте первое предложение, — сказал Виктор Петрович. — Остальным внимательно следить.

Девочка читала:

— «Как ни тяжелы раны, нанесенные Советской стране гитлеровскими людоедами, наш народ, руководимый Коммунистической партией, со сказочной быстротой восстанавливает разрушенные города и села, заводы и шахты, школы и жилые дома».

— Это сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным, — продолжала ученица. — Придаточным уступительным называется такое придаточное, которое высказывает мысль, совершенно несовместимую с тем, что сообщается в главном предложении.

Обнаружив ошибку в формулировке, класс протестующе встрепенулся десятками поднятых рук.

Учитель вызвал Храмова, несмотря на то, что мальчик не выразил никакого желания отвечать.

— Приходько неправильно сказала, — заговорил Вадик, сосредоточенно глядя в потолок. — Придаточное уступительное предложение высказывает мысль, казалось бы, несовместимую с тем, что сообщается в главном предложении. А она сказала «совершенно несовместимую». Так нельзя сказать.

Хотя поправка была существенна и верна и хотя ее сделал слабый ученик, Виктор Петрович не удовлетворился ответом. Работая с детьми, Логов пришел к заключению: мало исправить ошибку, нужно добиться, чтобы она больше не повторялась, нужно выработать у школьников своего рода иммунитет к ней. Но как этого достигнуть? Размышляя над таким вопросом, Виктор Петрович сделал свое первое методическое открытие: «А вот как: необходимо возможно ярче, наглядней выставить ошибку, на интересном, запоминающемся примере показать, к чему она может привести».

Проверяя диктанты и сочинения, учитель заранее подбирал такие примеры, внося их в специальную тетрадь, и теперь на уроке решил использовать свой метод:

— Вот вы, Приходько, переставили в определении всего одно слово, заменили его другим, а как это нарушило не только грамматику, но и логику! В предложении не может быть несовместимых, противоположных мыслей, иначе получится абсурд. Я приведу вам такой пример. Хотя Ноздрев являлся мошенником и подлецом, он был прекрасным человеком...

К концу урока Виктор Петрович пояснил ученикам задание и собрал классные тетради, чтобы дома проверить их.

Вскоре прозвенел звонок. Но горячие споры продолжались и на перемене, пока общее внимание не привлек «Наш крокодил»:

— Говорит школьный радиоузел. Слушайте передачу «Наш крокодил» у микрофона».

Толпы ребят хлынули к репродукторам.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Я только что получил несколько телеграмм и хочу прочитать их вам.

Сегодня ученик восьмого «В» Вадим Храмов получил две четверки: по алгебре и русскому языку.

Учащиеся шестого «Б» Петр Залесский и Сергей Ботин тоже получили четверку, но... одну на двоих.

Дружный смех прокатился по всему зданию.

— Bravo, Вадька! — крикнул Светлов, хлопая по плечу товарища. — Еще и пятерки будешь получать.

А Ботин и Залесский, заранее чуя беду, куда-то скрылись. Но разве спрячешься от сотен детских глаз! Мальчики нашли под сценой, в паутине и пыли, что заставило всех смеяться еще больше.

— По сообщению моего собственного корреспондента, — продолжал «Крокодил», — вчера после обеда комсомолка Галина Клишко (девятый класс «А»), заявила своей маме: «У меня нет времени возиться с твоей посудой! Я не на кухарку учусь. Сама убирай, если хочешь»... После этих слов ученица с деловым видом... легла спать. Как говорится, комментарии излишни!

— Фу, какое им дело, о чем я с матерью говорю! — презрительно сморщилась девятиклассница.

— А вот какое! — пояснил Геннадий Спицын. — На общем комсомольском собрании мы обсудим твоё поведение в быту.

«Крокодил» между тем заканчивал:

— Ребята, ваши отзывы о передаче шлите нам по адресу: город Н., четвертая школа, почтовый ящик номер пять, пять, пять, четыре, четыре, поменьше троек и ни одной двойки. До свидания, дорогие друзья!

Алексей стоял возле двери класса и украдкой, через головы товарищей, поглядывал на Любу, которая вместе со всеми слушала радио. Девушка, чувствуя на себе его взгляд, краснела, сердилась и в то же время желала, чтобы он дольше так смотрел на нее.

А в сознании Степного нарастали неясные волнующие звуки. Вот они стали складываться в слова, в строки:

Что со мной, не пойму. В незнакомом огне
Жду я сердцем какого-то чуда:
Будто светлая тайна откроется мне,
Будто с нею я счастье добуду.
По ночам я не сплю. Днем хожу, как во сне...
Где ты, где, моя прежняя удасть?..

Раздался звонок, Алексей вздрогнул. В коридоре уже не было никого, только на лестнице слышались чьи-то приближающиеся шаги: видимо, это шел учитель. Степной поспешил в класс.

И снова один за другим шли уроки: химия сменялась физкультурой или тригонометрией; родной язык переключался с иностранными; стены классов как будто раздвигались, и перед изумленными взорами детей проходили далекие времена, неведомые земли, великие люди.

За один день ученики узнавали иногда больше, чем открывало человечество за целый век.

* * *

Прозвенел последний звонок, и школьники с веселыми криками разбежались по домам.

Виктор Петрович занимался в школьной читальне. Он готовил материал для новой главы своей методической разработки. Часы пролетали незаметно.

Библиотекарша, пряча в кулак зевоту, исподлобья поглядывала на Виктора Петровича.

«Сколько можно сидеть! — досадовала девушка. — Забрал бы домой и копался хоть до утра...»

Наконец она не выдержала и стала запирать шкафы.

— Простите, Соня! — сказал учитель, посмотрев на часы. — Я не думал, что уже так поздно. Вы разрешите мне захватить некоторые книжки домой?

— Да уж берите. Только завтра нужно вернуть.

— Конечно, конечно!

Логов попытался застегнуть набитый до отказа портфель, но не смог. Он взял его под мышку, попрощался и вышел.

Шагая по темному коридору, заметил в кабинете директора свет. За дверью приглушенно звучал голос Ольги Васильевны:

— Прекрасное начинание! Нужно поддержать молодежь, Иван Федорович.

Логов хотел удалиться, но в комнате услышали его шаги.

— Кто там? — прогремел директорский бас. — Войдите! Вы еще здесь, Виктор Петрович? Прошу, прошу! — Иван Федорович указал на стул. — Чем занимались?

— В библиотеке сидел, — ответил учитель.

— Добро. А мы с Ольгой Васильевной обсуждаем один интересный вопрос, который и вас касается. Логов насторожился.

Директор продолжал:

— Отец вашего ученика Федотова подал интересное рационализаторское предложение.

— Да, да, знаю.

— Знать мало, мой дорогой.

— Я думал и помочь ему.

— Верю. Вы действительно помогали и помогаете многим семьям. Но наши комсомольцы тоже не спят. На шахте нет холодильных установок. Так наши хлопцы решили сами, своими силами изготовить холодильную машину. В школьных мастерских.

— О-о! — с радостным удивлением воскликнул Виктор Петрович. — Так это же чудесно! Это же просто замечательно!

— А я что говорю! Валерий Дмитриевич считает, что ребята с помощью учителей и самого рационализатора справятся с таким заданием: ведь у нас есть токари пятого и даже шестого разряда. Кое-какие детали мы сможем достать готовые. Вот. Обязательно нужно такую машину сделать! Потом проведем испытания. Если даже ничего и не получится, ребята хорошую практику пройдут. И холодильник в хозяйстве всегда пригодится.

— Конечно!

— Значит, решили помочь Федотовым?

— Решили, Иван Федорович! Но я-то, я-то куда

глядел! — Логов покачал головой и поерошил волосы.

— Я вас ни в чем не виню, Виктор Петрович, — возразил Рудаков. — Работа у нас большая, сложная, трудно сразу все охватить. А вы к тому же еще очень молодой учитель — учитель-первичок.

С минуту помолчали. Разговор возобновила Ольга Васильевна:

— Виктор Петрович, как у вас с подготовкой к выборам?

— Я готовлю специальный номер журнала и выставку тематическую. Потом хочу, чтобы ребята выступили перед избирателями с чтением своих произведений.

— Неужели и Степной будет читать стихи? — с нарочитым недоверием спросил директор.

— Да что там Степной! — улыбнулся Виктор Петрович. — Приходько будет выступать!

ГЛАВА 41

Семнадцатого января вечером в школьном зале собирался педагогический совет.

Учителя занимали места. Виктор Петрович сидел в последнем ряду и чувствовал себя, как перед государственными экзаменами. Нет, он волновался даже больше: будучи студентом, Логов отвечал только за себя, за свои знания, за свое поведение, за свою общественную работу; теперь же, когда он стал учителем, на нем лежала ответственность за десятки юных советских граждан, за их знания, за их поведение и общественную работу — за весь образ жизни, который они ведут. Поняв это, Виктор Петрович яснее прежнего увидел, как мало сделал он и как много предстояло ему сделать.

— Товарищи! — Из-за красного стола на сцене встал Иван Федорович. — Пожалуй, начнем.

Он объявил повестку дня и попросил Ивана Кузьмича рассказать совету о своей работе.

— Уважаемые коллеги! — заговорил Стрелец,

двигая своими лохматыми бровями. — Меня обвиняют в недобросовестном отношении к делу, даже не считая нужным должным образом аргументировать такое обвинение. Я работаю по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, я...

— Иван Кузьмич! — прервал математика директор. — Говорите по существу.

Старик еще сильнее задвигал бровями, его лицо и лысая голова покрылись мелкими каплями пота.

— Товарищи! Чтобы оценить роль математика в системе коммунистического воспитания, необходимо уточнить содержание ее, ее происхождение и пути развития. Изучая в арифметике и алгебре разного рода числа: целые, рациональные, действительные, комплексные, гиперкомплексные...

В зале кто-то вздохнул, кто-то пожал плечами. А Стрелец, багровея от натуги, выпаливал одну за другой цитаты из методик.

Митревна, которая во время каникул перешла на работу в школу, раздав ребятам одежду, помогала техничке Фросе убирать коридор.

— По-каковски это он балакает? — спросила у Фроси Митревна, указывая на Ивана Кузьмича через открытую дверь.

— А кто его разберет. Про какие-то коренья квадратные рассказывает. Чего-то я таких не видала, сколько на базар хожу.

— Должно, есть и квадратные, раз ученый человек говорит. Аж потом его, беднягу, прошибло. И сосед мой тут, вон в очках, молоденький... Ему нонче тоже надо перед начальством ответ держать. Переживает, сердешный, лица на нем нет.

Митревна вздохнула, намочила в ведре тряпку и стала вытирать подоконник. Когда Стрелец кончил свой отчет и с мест посыпались вопросы, она снова подошла к двери, прислушалась.

— Иван Кузьмич, почему вы не возвращаете ребятам контрольные работы? — спрашивал один голос.

— Иван Кузьмич, вы все уроки на одном уровне

проводите или... смотря по обстоятельствам? — интересовался другой.

Математик не отвечал.

«Молчит чего-то, надулся. Должно, виноват, — решила Митревна. — Ага, Максимыч вышел. Этот все с шутками да прибаутками, востер на язык. А человек он душевный».

— Вы слышали, — заговорил Белов, — что Иваи Кузьмич работает в сутки по восемнадцать часов. Я восхищаюсь его трудолюбием! И то сказать: в таком почтенном возрасте обслуживать две школы...

— Какие две школы? — спросило сразу несколько голосов.

— Нашу и его собственную, — продолжал Геннадий Максимович невозмутимо. — Да, да, уважаемый товарищ Стрелец имеет собственную школу. Не смотрите на меня такими глазами, Иван Кузьмич.

— Брось говорить загадками! — не выдержал директор. — Выкладывай начистоту.

— Пожалуйста! — улыбнулся Белов. — Дело в том, что Иван Кузьмич увлекается репетиторством, готовит выпускников к поступлению в высшие учебные заведения. В этом не было бы ничего предосудительного, если бы наш уважаемый коллега был скромнее. Но он набрал в свою школу не менее пятнадцати человек! Да, представьте! Я узнал это от родителей. Они и меня просили заниматься с их детьми: мол, Иван Кузьмич готовит ребят по математике; а вы бы — по русскому языку. Товарищи, пятнадцать человек! Если уделять каждому хотя бы по два часа в неделю; и то тридцать часов! Когда же бедному Ивану Кузьмичу готовиться к нашим урокам или проверять контрольные работы? Поймите же, наконец, что ему не до этого. Для вида он проводит контрольные работы (нужно же выполнять план!), проверять их не успевает, а оценки ставит с потолка. Вот и вся хитрость!

В зале поднялся шум.

Фрося тоже подошла к двери и, не расслышав хорошо последних слов Белова, спросила:

— Чего они галдят?

— Ругают вон того старика, что голова босая, — сердитым шепотом отвечала Митревна. — Хорошее дело! Дети, значит, пишут, стараются, а он ихние тетрадки даже проверять не хочет. Слышь, некогда ему. За длинным рублем гоняется. Умный какой! То-то, я гляжу, мой Витюшка целыми ночами сидит, извелся вконец, а этот, как хороший бороз, разъялся. Выходит, и учитель учителю — розь. Вот и правильно: никуда не годится такая работа. Ага, сосед мой пошел. Ну-ну, что про него скажут?

Логов поднялся на сцену, стал за трибуной и начал говорить.

«Заикается, сердешный: ну-ка, народу сколько и все начальство здесь, — думала Митревна, не спуская глаз с Виктора Петровича. — Так-так, испей водицы да посмейей, чего там! Вот и умничек! Степной? Должно, про Алешку говорит. Правильно! Скажи, скажи, как ты его к рукам прибрал. Чего? Он и про меня...»

Митревна увидела, что все лица с улыбкой повернулись в ее сторону, и в одобрительном шуме, пробежавшем по залу, услышала свое имя. Женщина растерялась, всплеснула руками и поспешила скрыться за дверь. А на душе почему-то стало так светло, и теплые струйки защекотали ее щеки. Митревна не рисковала больше заглядывать в дверь, но стояла неподалеку, прислушиваясь к голосам.

Говорил Заруцкий:

— ...Ведь что сделал Виктор Петрович: он начал свой учебный год не первого сентября, а первого августа! За месяц он обошел квартиры всех своих учеников, познакомился с ребятами и с их родителями. Потом взялся изучать личные дела. Спросите его: он знает наизусть все оценки ребят за прошлые годы, все их ошибки в контрольных работах. Он знает характеры, интересы, отношения своих воспитанников — он знает живых людей! Еще до начала занятий, Тамара Львовна, он изучил свой класс лучше, чем вы, проработавшая с этим классом два года! Вот в чем один из секретов его успеха. Он не боится трудностей, а идет им навстречу, побеждает

их и растет в этой борьбе, растет не по дням, а по часам.

Митревна утирала концом косынки глаза и улыбалась: «Похвалили Витюшу. А то как же! Недаром он на моего сына похож».

ГЛАВА 42

Говорят, что школьные дни похожи один на другой. Это неверно. Сегодняшний день отличается от вчерашнего уже тем, что какой-нибудь ученик Иванов, сделав ошибку в понедельник, вторник и среду, не повторит ее в четверг; что сложная таблица Менделеева, бывшая для ребят загадкой в феврале, в марте представится им ясной и простой, как таблица умножения; что злостный хулиган, будораживший всю школу в начале учебного года, к концу его станет примерным учеником.

На детях особенно заметно, как быстро мчится неутомимое время. Они растут вместе со всей нашей страной, как наша страна растет вместе с ними...

Вихрем пролетела зима. На полях, правда, еще держался снег, еще гнулись под холодным ветром продрогшие деревья, и солнце скрывалось в облаках. Но где-то на юге, за синими туманами, уже зрели весенние дни. Пока неслышно, тайно весна пробиралась на север, начинала двигать живые соки сначала в корнях, потом в стеблях и ветках растений, наконец вливала их в набухающие почки. И вдруг лопались тугие почки, и крохотные листья и нежные цветы, как дети, радовали наши глаза своей ново-рожденной чистотой.

А весна все больше, все смелее переделывала мир. Вот она урезала долгую зимнюю ночь и дню прибавила света; вот распахнула над землей просторное молодое небо и солнечным ливнем затопила поля; вот ручьи превратила в реки, а реки сделала морями; лишь моря удержались в своих берегах.

Но зеленый апрельский разлив устремился даль-

ше: он захлестнул кустарники, рощи, сады, юные лесопосадки и старые дремучие леса.

Чернели только вспаханные поля. Там, похожие на огромных жуков, с деловитым жужжанием ползали бесчисленные тракторы и бригадиры по-хозяйски замеряли свежие борозды.

Весна обходит всю землю. Но нет ничего краше нашей русской, советской весны! Так бывает, видимо, потому, что ежегодные весны дополняются у нас той неотцветающей, бессмертной весной, которую мы обрели осенью семнадцатого года.

Пришла весна и в шахтерский городок. Огромные терриконы по-прежнему курились; только синеватый дымок над ними побелел от пара: таял последний снег. На окраинах еще прилипала к ногам загустевшая грязь, а шоссе и улицы в центре уже подсохли. Там, где не было асфальта и мостовых, виднелись недавно протоптанные дорожки. Выходя из дворов, они разбегались в самых различных направлениях. Но больше всего таких дорожек вело к школе.

Резвая детвора давно почуяла весну. Ребятам никак не сиделось в комнате: сначала они мастерили скворешни, прибивали их на деревьях или высоких шестах; потом, просыпаясь ранним утром, выбегали каждую минуту за дверь: не появились ли в дощатых домиках пернатые гости? И сколько было радости, сколько веселья, когда, наконец, в зеленый терем прилетела голосистая семья!

Когда же солнце высушило последнюю грязь, мальчишки стали бегать на «футбольное поле» где-нибудь на задворках или играли на дороге в лапту.

Девчонки чертили на асфальте классы, выбирали плоский камешек и, прыгая на одной ножке, умудрялись за несколько минут заканчивать десятилетку и попутно побывать в «раю».

* * *

Виктор Петрович рано освободился в школе и пошел домой не обычным кратчайшим путем, а окраинными переулками: хотелось хоть издалека взгля-

нуть на весеннюю степь, хоть раз полными легкими вдохнуть ее целебного аромата. Но сделать это ему не удалось, потому что по дороге он встретил Геннадия Максимовича.

— О! Привет юному коллеге! — воскликнул Белов. — Вот кстати! Зайдемте ко мне на часок.

— Благодарю, но мне... сочинения вот нужно проверить, — возразил Виктор Петрович, указывая на раздутый портфель.

— Отставить сочинения! Отдыхаете же вы когда-нибудь?

— Трудный вопрос... Я давно собираюсь поговорить с вами, Геннадий Максимович.

— Вот и поговорим!

— Как-то так у меня получается, что я почти не отдыхаю. Сплю четыре, самое большее — пять часов...

— Ну, это уж слишком!

— Да, и все-таки времени не хватает. Я даже газеты читаю не каждый день.

— Вот что, Виктор Петрович, работа у нас, конечно, большая и трудная, но спать по четыре часа, повторяю, это уж слишком. Пойдемте, пойдемте! Поговорим.

Они свернули за угол. Впереди, на противоположной стороне улицы, стояло двухэтажное кирпичное здание.

— Вот тоже школа, — сказал Белов. — Сразу видно, что плохая.

— Откуда же это видно?

— А посмотрите: ни одного целого фонаря, деревья вон обломаны, двор запущен. Можно даже не входить в самую школу и сказать, какие в ней учителя, а значит — и ученики.

— Действительно. Я сразу не заметил.

Просторный отдельный дом Геннадия Максимовича находился в трех кварталах от школы. Во дворе прямо от ворот начинались аккуратные грядки. В глубине усадьбы, под старыми фруктовыми деревьями, виднелось несколько ульев.

— Хозяйствую вот помаленьку, — говорил Белов. — Надоест гнуться над тетрадками, так я в огород.

— Удивляюсь, как вы только находите время, — покачал головой Виктор Петрович.

Через веранду, заплетенную еще негустым, только начинающим выбрасывать листву виноградом, через коридор и кухню они прошли в большую светлую комнату. У одного окна стоял огромный письменный стол, на котором, однако, не поместились все тетради и книги. Они лежали и на подоконнике, и на стульях, и на старинной конторке, придвинутой к другому окну. Справа, вдоль стены, выстроились четыре книжных шкафа; слева, также вдоль стены, были поставлены кушетка, приемник и шахматный столик.

— У вас прекрасный кабинет! — сказал Виктор Петрович, подходя к шкафам с книгами. — И библиотека богатая.

— Что, что, а книги люблю, — улыбнулся Геннадий Максимович. — Да и как нашему брату без книг? Вы садитесь! Так, говорите, у вас времени для отдыха не остается? Какая же работа требует особенно много времени?

— Труднее всего сочинения проверять, — признался Логов.

— Да, это действительно трудная работа.

— Ведь пока перечитаешь их, пока выправишь все стилистические ошибки...

— Погодите, погодите! А кто вам сказал, что их все нужно выправлять?

— А как же? Ребята часто не могут найти нужные слова.

— Вот оно что! С вами есть проверенные работы?

— Есть. — Виктор Петрович достал из портфеля несколько тетрадей и передал их Белову.

— Так, так, — задумчиво говорил Геннадий Максимович, просматривая сочинения. — Ну, конечно! Я удивляюсь, как у вас остается для сна хоть четыре часа.

— А что?

— Это же не проверка, а полная переработка

сочинений. Вы делаете то, что должны делать ваши ученики. Перестарались, одним словом.

Логов молчал.

— Почему вы раньше со мной не посоветовались? И я-то хорош! Эх, голова! — Подвижное лицо Белова выразило крайнее сожаление, потом стало строгим. — Так вот, Виктор Петрович, такую переработку, как ваша, можно делать в исключительных случаях, когда вы хотите показать ребятам, как следует править стиль. Вообще же неудачные фразы или не подходящие по смыслу слова только подчеркиваются. А дорабатывать или перерабатывать сочинения должны сами ученики. Признаться, я думал, что вы это знаете. В университетах, правда, методика преподавания почему-то не пользуется уважением. Научных работников готовят, как будто науку от практики собираются отделить.

Геннадий Максимович взял со стола кипу тетрадей.

— Смотрите, к чему я пришел в конце концов.

Логов с удивлением увидел, что в текстах сочинений не было исправлено ни одной не только стилистической, но и грамматической ошибки. Лишь на полях стояли редкие птички и змейки, указывающие, где и какие ошибки нужно искать.

— И находят? — спросил Виктор Петрович.

— Почти всегда! Я очень редко исправляю, лишь в тех случаях, когда ошибка сделана на правило, еще незнакомое ученикам. Разумеется, сначала этих самых палочек, птичек и змеек будет много, потом все меньше, и, наконец, красные чернила понадобятся вам лишь для того, чтобы ставить пятерки да четверки.

— Просто не верится!

— Освойте со временем и эту премудрость. Между прочим, такой способ проверки нам подсказал Иван Кузьмич, когда работал школьным инспектором. Стрелец все-таки хороший специалист. Вероятно, поэтому в школе не торопились проверять его работу: мол, Иван Кузьмич чуть ли не лучший математик в городе, он и сам знает, что и как делать.

А этот лучший математик, видите ли, за наживой погнался. Вы же знаете, какие нынче конкурсы в вузах? Стрелец этим и воспользовался, большие деньги за подготовку брал... Впрочем, я отвлекся. Может, вы еще о чем хотели спросить?

— Да это, собственно, главное. Я понял теперь. Правда, еще подготовка к урокам. На конспекты много времени уходит.

— Ну, тут, милый мой, пока ничего не сделаешь: первый год! Потом легче будет. У меня, например, подготовка минимальная, наизусть знаю весь материал. Только новые сведения подчитываю да примеры освежаю. И вы к этому придете годика через три. А насчет отдыха... Что вам сказать? Учитесь отдыхать так, как отдыхает наше сердце: не переставая работать.

ГЛАВА 43

— Мам, вставай! — говорил Вадик Храмов, подходя к матери и тряся ее за плечо. — Сегодня ж выборы в Верховный Совет, а ты никак не проснешься.

— Сейчас встану, сынок, — отвечала Эльвира Сидоровна сонным голосом. — Который час?

— Да скоро восемь! Уже все соседи проголосовали, только ты одна спишь.

— Ну хорошо, Вадик, отвернись: я буду одеваться.

Мальчик ушел в свою комнату, сел за стол, на котором, кроме тетрадей и учебников, лежала светлая книга со светлым именем: Аркадий Гайдар.

Вадик углубился в чтение. Но не успел он перелистать и трех страниц, как в окно заглянул Володя.

— Ты готов? — спросил он, прижимаясь лбом к стеклу. — Пошли!

Храмов кивнул товарищу. Не переставая читать, он под столом нашупал ногой ботинки, поднял и зашнуровал сначала один, потом другой.

— Вадик! — послышалось из-за двери. — Кушать.

— А, кушать да кушать! — рассердился мальчик. — Ты только про еду и говоришь, как будто это

главное в жизни. Я на избирательный сейчас пойду. И ты собирайся.

— Вот позавтракаем и тогда пойдем, — робко возразила мать.

— Странно ты рассуждаешь, честное слово! — Вадик пожал плечами. — Я, кажется, ясно сказал, что нам нужно спешить на избирательный. Тебе-то ничего, а мне перед Виктором Петровичем краснеть придется, что не проголосовала до сих пор.

Мальчик схватил фуражку, перекинул через плечо ремень фотоаппарата и, сердито стуча ногами, вышел за дверь.

Пока Эльвира Сидоровна одевалась и запирала квартиру, Храмов и Светлов разглядывали фотографии.

— Честное комсомольское, неплохие снимки! — говорил Володя. — Вот этот в «Крокодил» можно поместить.

— Так это же я для «Крокодила» и делал, — отвечал Вадик. — Мне Спицын поручал. А еще для литературного журнала есть. Тоже хорошо вышли.

— Ну, а что тебе Геннадий сказал насчет приема в комсомол?

— Тройки, говорит, исправляй, потому что тройка — все равно, что двойка, только припудренная.

— Так и сказал «припудренная»?

— Ну да.

Володя рассмеялся, хлопая себя по коленям ладонями и тряся головой. А Вадик смущенно улыбался: ему было и смешно и стыдно, что у него еще стоят эти «припудренные» двойки по алгебре и немецкому языку.

К ребятам подошла Эльвира Сидоровна, и все трое направились в школу.

На улицах было шумно и весело. По-праздничному одетые люди — одни пешком, другие на машинах, ватянутых в кумач, — двигались к избирательным пунктам. А те, кто уже проголосовал, возвращались домой или шли в гости к друзьям. Смех и песни слышались отовсюду.

В школе также собралось множество взрослых и

детей. Репродукторы наполняли здание приглушенной музыкой, которая иногда прерывалась, и юный диктор сообщал избирателям, как пройти в зал, к месту голосования, где находится буфет, детская комната... На избирательном пункте и по дороге к нему стояли пионеры, по одному с правой и с левой стороны. Они всех приветствовали пионерским салютом.

Войдя в школу, Эльвира Сидоровна хотела передать Вадику завтрак (заботливая маменька не забыла захватить для него бутерброд), но мальчика уже и след простыл. Женщина растерянно оглянулась и поднялась на второй этаж. В разукрашенном зале она увидела длинный ряд столов, за которыми учителя и ученики-комсомольцы выдавали избирателям бюллетени. Над столами, несколько выше человеческого роста, чтобы толпа не заслоняла их, были подвешены на длинных шелковых шнурах стеклянные таблички с крупными буквами алфавита. По ним каждый избиратель легко находил нужный ему стол. В глубине зала обтянутые кумачом виднелись урны для голосования и над ними — портреты руководителей партии и правительства. Когда Храмова опустила бюллетень в урну, к ней подошел Логов.

— Здравствуйте, Эльвира Сидоровна! — приветливо улыбнулся учитель. — Проголосовали?

— Да, Виктор Петрович, — также с улыбкой отвечала женщина. — А вы не знаете, где мой сын? Мы вместе пришли, а потом он исчез куда-то.

— Исчезнуть он никуда не мог. — Виктор Петрович оглянулся по сторонам. — Вероятно, занят фотосъемкой.

— Вот уж эти фотосъемки! Покоя от них нет.

— Разве плохое дело? Во всяком случае, это лучше, чем спать до двенадцати часов, тем более что работа фотокорреспондента является общественным поручением. Пойдемте, он внизу.

Небольшой физкультурный зал, превращенный в зрительный, был полон людей. На сцене стояла Маруся Приходько в сарафане и цветной косынке. Она пела частушки. Сначала голос ее звучал глухо и не-

ровно, как будто ей сдавили горло, но потом девочка осмелела и даже притопнула каблучком.

Виктор Петрович вспомнил, как вела себя Марусина тетка на педагогическом совете, куда ее пришлось-таки вызвать. Все соседи подтвердили, что Федора Николаевна заставляет девочку целыми днями работать по хозяйству. Старуха подняла было шум, но ей вежливо напомнили, где она находится. По предложению Логова педагогический совет решил просить дирекцию детского дома взять Марусю обратно. Приходько вернулась в детский дом и с тех пор повеселела и стала учиться хорошо.

Вадика Храмова легко было найти в зале: на правах фоторепортера он один свободно подходил к сцене или даже поднимался на нее, поминутно вскидывая к глазам сверкающий в его руках «ФЭД». Юные актеры поворачивались к мальчику лицом, чтобы лучше выйти на фотографии. А Вадик сосредоточенно наводил резкость и, выждав удобный момент, щелкал затвором.

— Вот, посмотрите! — учитель указал глазами на большую рамку под стеклом, где было помещено несколько снимков. На одном из них Эльвира Сидорова увидела своего сына с гантелями в руках.

* * *

Выйдя из школы, Виктор Петрович встретил Тамару Львовну. Логову показалось, что девушка ожидала его.

— Здравствуйте. Мне нужно с вами поговорить, — сказала Тамара Львовна взволнованно и так поспешно, как будто боялась, что минуту спустя у нее не хватит решимости начать этот разговор. Щеки девушки заливал густой румянец, губы, которые, как заметил Виктор Петрович, не были накрашены, пересохли и нервно подергивались.

— Поговорить? Пожалуйста, пожалуйста! — кивнул Виктор Петрович.

— Пойдемте в сад... — Девушка, не оборачиваясь,

почти побежала через дорогу, свернула в переулок, ведущий к парку.

Логов озадаченно подергал очки и быстро зашагал следом. Когда он вошел в парк, Тамара Львовна уже сидела на ближайшей скамейке. Виктор Петрович молча сел рядом.

— Я знаю, — заговорила девушка, пытаюсь зашелкнуть замок портфеля, который никак не закрывался. — Да, я знаю, что вы... вы презираете меня!

— Тамара Львовна! Что вы?!

— Да, презираете, презираете! Я помню, я у вас просила «Саламбо»... Флобера и перепутала! Я знаю: вы смеялись надо мной!

— Признаюсь, это меня несколько удивило, но смеяться...

— Не говорите неправду! И потом я плохая учительница, а вы... вам все удастся. Если хотите знать... Просто я смотрю, как вы работаете, и сама тоже... в общем учусь у вас. Только вы... конечно, мы разные люди. Но вы хоть не презирайте меня! Хорошо?

— Тамара Львовна! — горячо возразил Виктор Петрович. — Вы все преувеличиваете! Я не мог презирать вас. Правда, я видел, что вы... что у вас мало опыта школьного, но у меня его еще меньше. И неужели за это презирать человека? Никогда я на вас так не смотрел!

— Правда? Значит, вы не презираете меня?

— Повторяю: нет, нет и нет!

— Я так рада! Спасибо.

— За что же спасибо?

— За все. Виктор Петрович, а вы поможете мне?

— Тамара Львовна! Да ведь я... ну, как же я вам помогу, когда сам только первый год, на каждом шагу спотыкаюсь!

— Все равно вы лучше работаете. Помогите мне!

— Помочь я готов. Только чем? Я ведь говорил...

— Вы сами не знаете, как можете мне помочь... и уже помогли. Вспомните, сколько времени вы меня не видели. Я избегала вас: мне было стыдно. Я много читала и, конечно, Флобера и Гюго. Теперь не спутаю. И много думала и поняла, что жила не так,

как нужно, интересовалась не тем, чем нужно. Да. За это я и благодарил вас.

Логов смущенно ерзал на скамейке, пожимал плечами и молчал.

— Извините, Виктор Петрович, что я вас так задержала, — проговорила на прощанье Тамара Львовна, протягивая Логову руку. — До свидания. Идите, идите. Я еще посижу.

ГЛАВА 44

Была середина мая. Зелень вошла в полную силу и, еще не тронутая летним зноем, густо и пышно покрывала землю.

Акации перед окном Виктора Петровича снова оделись листьями; белые тяжелые кисти цветов покачивались от ветра, и в комнату долетал иногда их неяркий аромат.

Занятия в школах были окончены: ученики готовились к экзаменам. А Виктор Петрович в эти свободные от уроков дни писал план работы на будущий учебный год. Но дело подвигалось медленно и тяжело. Тревожные мысли отвлекали учителя:

«Через четыре дня экзамены. Не только ребят, а и меня будут экзаменовывать. Они делали все, что я требовал. Но все ли сделал я?»

Логов бросил ручку, долго шагал по комнате.

Но, видно, сколько ни ходи из угла в угол, ничего не выходишь. И он решительно повернул к выходной двери.

«Д о б р о п о ж а л о в а т ы!» — прочитал Виктор Петрович на кумаче, что висел над школьной дверью. Куда же, как не в родную школу, мог торопиться сейчас учитель!

«Д о б р о п о ж а л о в а т ы!» — повторил он про себя. — Ах, если бы все кончилось добром!»

У лестницы, где проходят все ребята, Логов увидел большой стенд. В центре его — красный квадрат со словами:

«НЕ ЗАБУДЬ: ДО ЭКЗАМЕНОВ ОСТАЛОСЬ 4 ДНЯ!»

«Да, всего четыре дня, — подумал Виктор Петрович. — Теперь уже ничего не сделаешь. Страшно».

Логов пошел в учительскую, которая, как и вся школа, несколько преобразилась: методический уголок перестал быть уголком, он разросся и занял добрую половину комнаты; на длинном щите у окна пестрело множество разнообразных инструкций, схем, брошюр, образцов приложений к экзаменационным билетам.

Виктор Петрович пробежал глазами все эти положения и инструкции, давно знакомые ему, перелистал несколько брошюр: как будто все сделано правильно. Что же его тревожит? Почему он не может, подобно другим учителям, спокойно ожидать экзаменов?

Логов не знал и не видел, что другие учителя тоже взволнованы: он был слишком занят собой, своими чувствами, чтобы замечать состояние других.

И снова Виктор Петрович без цели ходил по улицам и незаметно дошел до реки. В том месте, где он остановился, Каменка делала поворот, и ее берега как будто сходились. Деревья какого-то сада или рощи с одной стороны и густой кустарник — с другой сомкнулись, и из этого гребня зеленым фонтаном выбился одинокий тополь. А за ним расплывалась по небу грозная синева. Логов сначала не обратил на нее внимания. Но когда он взглянул в ту сторону еще раз, он увидел грузную фиолетовую тучу.

Странно было видеть эту мрачную тучу на ясном небе. Густо-фиолетовая до черноты, она, казалось, не принимала солнечного света, потому что и верхняя часть ее оставалась темной. Под нею же, на земле, среди белого дня наступила ночь. Там сверкали частые молнии. Смутные вспышки угадывались и где-то в дымной глубине самой тучи, и тогда вся она освещалась изнутри. Грома еще не было слышно.

«Надвигается. Да, да, надвигается! — Виктор Петрович почувствовал, как мурашки забегали по спине. — Хорошая будет гроза».

Туча между тем уже заслонила солнце. Подул свежий ветер, и маленькая речушка сразу преврати-

лась в грозное вздыбленное море. По воде зашлепали первые капли.

Логов все не трогался с места. Но, вспомнив, что с ним документы, которые могут намокнуть, он заторопился к ближайшему дому и встал под навес.

А туча уже заволокла все небо, и густая колеблющаяся сетка дождя повисла перед глазами. Стало темно. Вспышки молний только ослепляли, ничего не проясняя кругом. Громовые удары следовали один за другим почти непрерывно.

«Ведь как разбушевалась! А хорошо!»

Майские грозы не бывают долгими. И хотя дождь еще лил, еще сверкали молнии и рокотал гром, на востоке над самой землей уже затеплилась радостная, светлая полоска.

«Проходит! — вздохнул Виктор Петрович. — Но это не все... еще будет гроза».

* * *

«Зайду-ка я к Гулько, — решил Виктор Петрович. — Как он там к экзаменам готовится? Может, опять с удочкой на речке сидит?»

Логова встретила мать Семя. Она снова называла учителя «благодетелем» и «спасителем», снова стала благодарить его за то, что он ее «мужика в газетке пропечатал». Но Виктор Петрович остановил женщину, сказав, что теперь не это важно, и спросил, как Сема готовится к экзаменам.

— Сидят родимые с раннего и до позднего, сидят, учут всё! — радуясь и волнуясь, говорила Варвара Ивановна. — Нонче они к Сереже пошли.

«Сошлись все-таки! — Закуривая, учитель с силой чиркнул спичкой о коробок. — Значит, Гулько с Федотовым, а Степной со Светловым. Недурно получилось: вместо одной плохой дружбы — две хорошие. Надо, чтобы весь класс дружным стал».

— Вы зайдите. Конечно, как вам время показывает. А то наведайтесь к ним, — продолжала Варвара Ивановна. — Тут недалеко.

— Да, да, я знаю.

Сережа и Сема сидели в беседке, заплетенной ви-

ноградом, еще мокрым от дождя. Ребят не было видно в густой зелени, только белела между листьями чья-то рубаха.

Идя к беседке, Виктор Петрович еще издалека услышал Сережин голос:

— Онегина плохо воспитали всякие эти «мусью». Мы вот в мастерских работаем, холодильную машину делаем, а он только ногти чистил да на балах танцевал. Понял? Трудиться он совсем не умел. Вот Пушкин и говорит про него:

Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его.

Учитель вошел в беседку. Ребята встали. Поздоровались. Сережа, приглашая учителя сесть, посторонился и при этом свалил со стола книги. Сема переминался с ноги на ногу и шмыгал своим облупленным носом, уже успевшим обгореть на солнце. Обида на учителя за фельетон давно прошла, и Гулько стал побаиваться и уважать Виктора Петровича: в его глазах он был писателем.

— Как работается? — спросил Виктор Петрович.

— Хорошо! — отвечал Сережа. — Уже Пушкина кончаем повторять.

— Отрывки наизусть и стихи повторили?

— Я не повторил, а выучил, — признался Гулько.

— Молодец, — похвалил его учитель, хотя другого в подобном случае он бы крепко пожурил.

— Виктор Петрович, а Сема быстро запоминает: два раза прочтет — и готово! — сказал Федотов.

— Ну, конечно! Он же способный парень, кто ж этого не знал! Продолжайте, ребята, не буду вас отвлекать. Но перед экзаменом долго не засиживайтесь. Погуляйте, выспитесь.

— Насчет погулять и поспать мы не промажем! — Сема прыснул в кулак и отвернулся.

* * *

— Вовка, да брось ты зубрить! — кричал Степной, лежа в одних трусах на кровати. — Тоже мне отличник! Давай лучше мой портрет кончать. Скоро

выйдет первый том моих сочинений, вот портрет и пригодится.

Дело в том,
Что первый том
Ночью писан, а не днем... —

отвечал Светлов экспромтом.

— Что?! — вспыхнул Алексей, вскакивая с постели. — Ну, белобрысое твое отродье, держись!

Степной погнался за Володей, но тот успел прошмыгнуть в ванную комнату и запереться там.

— Ну и сиди! Хм, «ночью писан»! А ведь, по правде говоря, это ты здорово... и метко. Вовка, выходи! Прощаю.

Светлов, зная, что слово Алексея твердо, вернулся в комнату.

— Ты прав, черт возьми! — продолжал Степной, задумчиво ероша волосы. — Многое ночью писано, но не все. погоди! — Он ушел в соседнюю комнату, где они с матерью жили теперь, пособирал с полу листки бумаги, что валялись около кровати, порылся в них и сказал:

— Ага, вот начало. Бессмертную поэму создаю! Слушай же и соображай, когда это писано:

Мы все одной земли и крови:
Советской крови и земли!
За нашу землю в час суровый
Мы кровь свою не берегли.
Мы в пламени гасили жизни,
Храня бессмертие страны;
Мы умирали для весны
Цветущего социализма...

За этим занятием и застал друзей Виктор Петрович. Он попросил Алексея продолжать чтение, и тот, забыв, что стоит перед учителем в очень легком наряде, вдохновенно декламировал:

...Порой забудет человек
И радость прошлую и горе,
Но вечно будет помнить он
Какой-нибудь корявый клен,
Что на его глазах впервые
Расцвел, поднявшись из травы,
И бился в окна голубые

Метелью солнечной листвы.

Бессмертный образ прошлых дней...

— Нет, это уже дрянь, по-другому надо, — перебил себя Степной. Постоял, подумал и вдруг, что-то бурча себе под нос, побежал в свою комнату.

Виктор Петрович проводил его потеплевшим взглядом.

— А литературу он повторял? — спросил учитель Володю.

— Виктор Петрович, он все знает... лучше меня.

ГЛАВА 45

В ночь на двадцатое мая Логов почти не спал. В те редкие минуты, когда он смыкал глаза, ему снились тревожные сны, от которых он тотчас просыпался.

Наконец небо в окне стало светлеть. Виктор Петрович вскочил с постели, умылся и решил пройтись по свежему воздуху.

Хотя было еще очень рано, шахтерский городок уже проснулся. Опередив рассвет, пропели голосистые гудки, загрохотали по улицам автомобили, и тысячи людей с фонарями в руках направились к шахтам. В оживших переулках Логов слышал возбужденные голоса, немного сиплые после недавнего сна, звуки рождающейся песни, чей-то задорный смех.

— Ну и насмешил, мошенник! — утирая глаза, говорил пожилой горняк с рыжими прокуренными усами. — А мне дочка — в пятом классе учится — так другое сказала. Я, значит, порядок себе такой завел: перед сменой, это самое, стаканчик пропускать, чтоб способней, стало быть, работалось. Так она мне и скажи: «Папа, как это ты можешь сразу пить водку и курить? Ведь на бочках со спиртом пишат: «Огнеопасно».

Смех громче прежнего раздался в толпе. Виктор Петрович тоже невольно улыбнулся.

— Да, — заметил другой шахтер, — наострились ребятишки, что и говорить! В школе, там правильно

учат. У меня недавно Котькина учительница была, спрашивала, когда уроки делает, чем он, дескать, дома занимается, с какими товарищами компанию водит и прочее. Все книжки переворошила и половину велела убрать.

— А как же ты думал! — отозвался третий. — Им все знать требуется: на то они и учителя. Экзамен у них нонче первый. Моя дочка тоже будет держать.

«Все говорят о школе, все волнуются за своих ребят, — подумал Виктор Петрович. — И я за них в ответе перед этими вот людьми. Если что не так, с меня спросят. Сегодня спросят!»

* * *

В начале восьмого Виктор Петрович вместе с Геннадием Максимовичем (Логов зашел за ним по дороге) был в школьном дворе, где, несмотря на ранний час, уже начинали собираться дети. Тихие и серьезные, они робко смотрели на учителей, словно хотели сказать: «Видите, какие мы послушные. Вы нас, пожалуйста, очень строго не спрашивайте».

Некоторые из ребят держали в руках экзаменационные билеты и поминутно в них заглядывали, проверяя себя. Лишь редкие смельчаки старались показать товарищам свое абсолютное спокойствие:

Геннадий Максимович остался с ребятами. Виктор Петрович, не найдя своих учеников, вошел в школу.

Все учителя были в сборе. Поздоровавшись, Логов забился в уголок, где обыкновенно любил сидеть, и задумался. И снова ему пришла мысль, что это его будут экзаменовать сегодня, а он плохо подготовился к экзамену. Трудные темы дадут — и все! Он уже видел растерянные лица ребят, уже слышал их голоса: «Мы этого не знаем! Вы нам этого не объясняли!» Виктор Петрович вздрагивал и испуганно озирался по сторонам.

Из кабинета вышел директор.

— Товарищи, получите конверты, — сказал он. — Ольга Васильевна, пожалуйста. Виктор Петрович...

Логов одеревенелыми пальцами взял плотный кон-

верт с пятью большими сургучными печатями и впросительно посмотрел на Ивана Федоровича.

— Можете вскрыть, — улыбнулся директор, — до экзамена остается ровно час.

Печати мешали надорвать край пакета. Виктор Петрович кое-как сломал две из них и вытащил небольшой, свернутый вдвое листок бумаги. Развернул:

«1. Ломоносов — великий сын великого народа.

2. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как «энциклопедия русской жизни» (В. Г. Белинский).

3. Мы — за мир».

— Напишут! — облегченно вздохнул учитель. И вдруг он заметил на печатном листке золотые кружочки солнца, что падали сверху через зеленое сито деревьев. Почему он раньше не видел их? Почему не слышал вокруг себя этих взволнованных голосов, которые слышит сейчас? Наверное, он задремал после бессонной ночи.

Математики, получив задачи и примеры, немедленно стали решать их, чтобы проверить, нет ли в условиях случайных ошибок или опечаток.

— Иван Кузьмич, — обратился к Стрельцу директор, — я все-таки боюсь за ваших ребят, боюсь, что не сдадут они экзамена по математике.

Старый педагог некоторое время молчал. Любому учителю больно и обидно услышать от кого бы то ни было такие слова. Ивана Кузьмича они уязвили тем сильнее, что их произнес директор, произнес в присутствии многих уважаемых людей, и, главное, потому, что в словах этих была правда.

Стрелец после памятного для него педагогического совета, на котором заслушивался его отчет, после глубокой проверки его работы вынужден был признать свои ошибки. В течение второго полугодия Иван Кузьмич многое исправил, но следы прежней недобросовестности учителя еще чувствовались в знаниях детей.

— Иван Федорович, — проговорил, наконец, математик, — вы знаете, что мне трудно вам возражать. Посмотрим, что покажут экзамены. В следующем году я уже не буду работать у вас.

Между тем толпа детей во дворе школы с каждой минутой увеличивалась, но в здание пока никто не входил. Без четверти девять раздался первый звонок, и двери отворились. Обычно шумные и возбужденные, на этот раз ученики, даже самые шустрые из них, робко переступали школьный порог, неуверенно двигались по коридорам, с трепетом поглядывали на еще закрытые двери классов. Особенно волновались малыши-четвероклассники, которые сдавали экзамены первый раз в жизни. Им-то все было ново: и заранее разложенные на партах листы бумаги со штампом школы, отчего эти листы казались такими важными и строгими, что к ним страшно было прикоснуться; и то, что вместо ассистента пришла учительница третьего класса, а не грозный незнакомый дядя, как они ожидали; и по-праздничному убранный класс. Когда одна девочка из класса Ольги Васильевны увидела в руках учительницы большой пакет с красными сургучными печатями по углам, она разревелась от страха. Но старый педагог тотчас нашел способ успокоить ее.

— Рита! — позвала Ольга Васильевна. — Иди, иди сюда! Помоги мне расставить на партах чернильницы. Да плакать перестань. Неси вот эти сначала на задние парты. Так, хорошо. А теперь сюда.

Девочка увлеклась работой и перестала плакать.

Но вот прозвенел второй звонок: экзамены начались.

Виктор Петрович вместе с Геннадием Максимовичем, который был его ассистентом, сидел за столом в своем классе. На доске четко и крупно написаны темы сочинений.

Ребята сосредоточенно смотрели на доску, размышляя, какую же тему лучше взять. А Володя Светлов уже вывел на своем листке «Мы — за мир», набросал план и стал сочинять вступление. Изредка мальчик откидывался на спинку парты, шевеля губами и по-дирижерски взмахивая правой рукой, читал написанное. Потом он задумывался, скреб пальцами макушку и снова принимался писать.

Степной не мог скрыть своей радости: его поэма

«Миру — мир!» точно подходила к третьей теме. Хотя Виктор Петрович советовал Алексею использовать лишь отдельные лучшие места поэмы, юноша не послушал его и решил все сочинение написать в стихах.

Люба Поярцева расширенными в задумчивости глазами смотрела на просторную степь за окном. В сознании девушки звучала опера «Евгений Онегин».

«Вот с этого и начну! — решила Люба. — Расскажу, как еще в детстве я слушала эту оперу, а потом перейду к главному».

Девушка взяла ручку и стала писать.

И вскоре весь класс напряженно работал, склонившись над партами.

А Виктор Петрович, переводя взгляд с одного лица на другое, читал мысли своих учеников. Он безошибочно мог сказать, кто какую выбрал тему, насколько полно раскроет ее, какие цитаты использует. Логов уже видел перед собой сочинения своих ребят, хотя они еще не были написаны, уже твердо знал, что экзамен сдадут все его ученики, хотя экзамен только начался. И от этой уверенности на душе молодого учителя было радостно и светло.

ГЛАВА 46

Виктор Петрович освободился от экзаменов раньше других учителей: его предметы по положению ставились в расписании первыми. Ученики Логова сдали уже последний экзамен и все перешли в девятый класс. Сейчас они отдыхали. И Виктор Петрович с некоторой растерянностью спросил себя: «Что же мне теперь делать?»

Учитель сидел дома за своим рабочим столом, без цели переключивал книги, для чего-то поставил будильник на пять часов утра.

«Впрочем, теперь мне незачем вставать так рано. — Логов отодвинул часы. — Кончился мой первый год. Говорят, я неплохо начал. Я? Если я и сделал что-нибудь, то очень мало. Иван Федорович, Генна-

дий Максимович, Ольга Васильевна, Валерий Дмитриевич — да все, все помогали. И во всем. Это, пожалуй, и есть самое главное, что я не один».

Между книгами Виктору Петровичу попался блокнот, где он делал кое-какие записи о своей работе. Логов стал с самого начала перечитывать его.

Как интересно бывает оглянуться на свое прошлое с высоты настоящего! Сколько в этом прошлом ошибок, промахов, неудач! Вы ни за что их не допустили бы, а тогда почему-то не могли избежать. Былые успехи и достижения, которыми вы гордились еще вчера, сегодня кажутся не такими уж значительными. Вы даже удивляетесь, как можно было радоваться иным пустякам.

Что ж? В этом нет ничего странного. Напротив, странно и глупо было бы жить сегодня вчерашним днем. Ваше недовольство прошлым и есть то святое чувство неудовлетворенности достигнутым, которое двигает вас вперед, к новым высотам.

Ростов-на-Дону, 1957 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания писателям и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Суцьевская, 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Зайцев Борис Игнатьевич
ПЕРВЫЙ ГОД

Художник С. Куприянов

Редактор О. Мамаева
Худож. редактор Н. Печникова
Техн. редактор Е. Григорьева

А00707 Подп. к печати 9/1 1959 г.

Бум. $84 \times 108^{1/32} = 3,5$ бум. л. =
= 11,5 печ. л. + 6 вкл. 11,1 уч.-изд. л.

Тираж 90 000 экз. Заказ 2406.

Цена 5 р. 45 к.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Суцьевская, 21.